

18+

Алексей ДЫМОВ

Дитя Дьявола

Алексей ДЫМОВ

Дитя Дьявола

«Автор»

2018

ДЫМОВ А.

Дитя Дьявола / А. ДЫМОВ — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-10872-1

Молодого журналиста отправили на стажировку в Богом забытый городок. Но скучная провинциальная жизнь оказалась совсем не такой. Мог ли подумать Михаэль, что найдет там красивую подругу, старинный рыцарский замок, кучу неприятностей, одержимых бесами животных, а заодно, совершенно неожиданно, станет отцом?

ISBN 978-5-532-10872-1

© ДЫМОВ А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	39
Глава 8	55
Глава 9	66
Глава 10	73
Глава 11	80
Глава 12	90
Глава 13	102
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Алексей Дымов

Дитя Дьявола

Глава 1

Стоял самый обычный летний день, тёплый и довольно душный. Михаэль Майер трясся в одном из первых локомотивов, что стали бороздить просторы Англии почти по расписанию. Вот именно, что «почти». Михаэль опаздывал уже на полтора часа, хотя в данный момент его это мало заботило.

Время шло, паровоз монотонно оставлял позади милю за милей...

Газетная фирма «Нью-Инстерк», в которой работал Майер, отправила его на стажировку в какой-то далекий, и ничем неприметный городок, название которого, Михаэль даже не запомнил. Однако там находилась маленькая контора газеты, где и предстояло числиться немецкому парню целых четыре года.

Михаэль вздохнул и вытер носовым платком пот с лица. В душном вагоне было жарко, а черный модный фрак будто мешал дышать, но Майер упорно не желал даже снять галстук, будто кто-то здесь мог его увидеть и обвинить в безвкусице. Одно радовало парня: после четырех лет в захолустье ему светило высокое место в главной редакции газеты, в самом Лондоне! От этой мысли мистеру Майеру становилось легче терпеть и жару, и жесткое сиденье, и пустынный удручающий вид из окна.

К парню подошла миловидная девушка в строгом платье и предложила купить напитки. Майер вежливо отказался. Пить, конечно, хотелось, но он прекрасно знал, что это лишь сиюминутное облегчение, а позже потовыделение многократно усилится. Тем более, стоит немного сэкономить, а напиться можно и позже.

Через полчаса Михаэль оказался на перроне. Сойдя с вагона, его взгляд сразу же наткнулся на огромную вывеску гласившую «Бринстоун», а под текстом было изображение жизнерадостного фермера с вилами в руке. Парень лишь хмыкнул и, забрав свой багаж из двух объемных сумок, двинулся в город, стремясь отыскать нужный офис.

В городе большинство домов оказались сделаны из бревен, хотя чего другого можно было ожидать? На улицах везде грязь, пыль, хорошо хоть перекасти-поле не встретилось.

Михаэль слегка улыбнулся, но, несмотря на ироничный настрой, его не покидала мысль, что в городе как-то тихо, даже для такого, богом забытого места. Люди на улицах встречались часто, но не обращали на пришельца никакого внимания, а сами были хоть и заняты повседневными делами, но казались слишком уж скорбными и нелюдимыми, будто в городе траур или... Майера передернуло, а в сердце забрался в страх. Ведь еще недавно, он сам читал в газетах, об разных эпидемиях, которые стерли с лица земли, куда большие города, чем Бринстоун. Немец постарался отогнать от себя темные мысли, и полез в карман. Маленький клочок бумаги с нарисованной от руки картой должен был помочь найти адрес конторы «Нью-Инстерк» в этом городе. Этакая шпаргалка, чтоб не заблудиться. Но пары минут хватило, чтоб понять: самому придется искать долго. Следовательно, надо спросить дорогу у прохожих.

Положив бесполезную бумажку на место, Михаэль огляделся в поиске «жертвы». Справа от него на крыльце двухэтажного деревянного дома восседали в креслах-качалках два старика. Оба выглядели настолько дряхлыми, что столичный парень побрезговал к ним подойти, тем паче они наверняка глуховаты, да и неприветливый табачный дым, поднимавшийся от их курительных трубок, надолго обосновался на крыльце в виде облака и похоже не собирался выветриваться.

Чуть дальше по улице, всего через два дома от стариков, обосновался добротный кабак, на вывеске обозначающей название был выгравирован револьвер. В данное время, похоже, кабак пустовал. У коновязи стояло всего два оседланных коня. Михаэль сделал несколько шагов в ту сторону, но вдруг заметил прямо перед входом в здание огромную лужу, в которой сладко нежилась толстая свинья, изредка пуская пузыри своим пяточком. Пачкать свои модные ботинки и обходить толстую хрюшку немец не захотел, и продолжил путь дальше по улице. Две встречные девушки не стали отвечать на приветствие и быстро прошмыгнули мимо, спеша по своим, видимо чрезвычайным важным делам. Неудача преследовала Микаэля и дальше: навстречу пронесли три всадника, останавливать которых, немец благоразумно не стал. Но вскоре повстречал того, кто уж точно должен помочь.

Из одного из домов вышел, худощавый, гладко выбритый сорокапятилетний мужчина в форме полицейского. На груди его камзола висел полицейский значок, чем-то неуловимо напомиравший жетон дикого запада, а на голове представитель здешнего закона носил ковбойскую шляпу, подчеркивая образ. Как позже узнал Михаэль, его первое впечатление оказалось верным. Здешний полицейский хотел выглядеть лихим шерифом, стараясь подражать забытым героям. За что местные жители и обращались к нему, не иначе как «шериф».

Михаэль ускорил шаг и приблизился к полицейскому.

– Добрый день! – обратился он шерифу, протянув руку для рукопожатия.

– Здравствуйте, – вежливо ответил тот, пожав ладонь и рассматривая незнакомца. – Вы не местный?

Неизвестно почему полицейский сделал такой вывод, может он, как усердный хранитель закона, знал каждого в своем городе, либо темноволосый незнакомец показался уж слишком изысканно одетым. Почти чистые, черные, явно только что из дорогого магазина, ботинки, на которых еще не успела обосноваться здешняя грязь и пыль, строгий пиджак, застегнутый на все пуговицы, несмотря на летний зной, и модные брюки под цвет пиджака. А отсутствие головного убора, свидетельствовало о том, что парень еще не знал, что здешнее солнце бывает довольно опасным для здоровья, а вот в столице, как раз, был новый писк моды на обнаженную голову. Да и два вещевых мешка, которые теперь называют не иначе как дорожными сумками, не оставляли сомнений.

– Да, – не стал отпираться собеседник. Меня зовут Михаэль Майер, я прибыл, чтобы поработать в конторе «Нью-Инстерк». Не подскажете, как её найти?

– Немец? – спросил полицейский и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Нечасто мне удается перекинуться парой слов с иностранцами. Я – Чарли Дуэйн. Пойдемте, я сопровожу вас.

Михаэль подхватил сумки и двинулся за шерифом.

– Надеюсь не в тюрьму? – не удержался от шутки Майер.

Полицейский звонко расхохотался.

– Пока нет, но как только нарушите закон! – Чарли многозначительно поднял указательный палец вверх.

Как оказалось, Михаэль, еще долго бы плутал по городу, без помощи полицейского. Бринстоун хоть и был небольших размеров, но улиц и маленьких переулков здесь хватало. Почти в центре города возвышалась каменная церковь, в которой в данный момент шла служба.

Чарли кивком указал на здание и спросил:

– Не хотите помолиться после дороги?

Не зная как реагировать на подобный вопрос, немец лишь отрицательно покачал головой.

– Это правильно, – жизнерадостно продолжил шериф, – В свободное время лучше пропустить по стаканчику, чем ходить в церковь.

Вскоре Чарли Дуэйн попрощался, сославшись на дела, и указав направление к конторе, до которой оставалось рукой подать, покинул спутника. Михаэль продолжил путь в одиноче-

стве, с легким пренебрежением рассматривая прохожих в далеко не модных одеждах, а так же соответствующую им архитектуру и местный быт.

Недалеко от места назначения, внимание Михаэля привлек один старый двухэтажный дом. В отличие от других, более и менее приличных, этот дом казался очень старым. Его деревянные стены были черными, как смола, то ли от старости, то ли от пожара. Большая передняя веранда сильно покосилась, и ее полудырявая кровля держалась лишь на честном слове, а может, дожидаясь ветра посильнее. Маленькие темные окна мало выделялись на общем фоне стен, никакого подобия стекол там не наблюдалось. Деревянная, покосившаяся вывеска под козырьком веранды гласила всем, кто удосужился со вниманием изучать истершиеся буквы: «Сиротский дом мадам Джонс». Но Михаэля привлекло не само здание, он с интересом рассматривал около двух десятков ребятих, расположившейся в тени веранды, как птицы на ветках, облепившие парапет. Все в грязных поношенных одеждах, некоторые даже босиком, в одних дырявых брюках, да и штанины имелись далеко не у всех, едва прикрывали попы. Одна девчушка, лет семи, сидела на земле, возле веранды, отдельно от остальных, будто общество других детей ей не нравилось или другие дети её просто не принимали в компанию? Рядом с ней был лишь один пятилетний мальчик. Наверное, её братик, почему-то решил немец. Мальчишка стоял позади девчушки, не двигаясь, будто заснул прямо стоя.

Но Михаэль Майер рассматривал лишь девочку. Длинное местами в заплатках платье, коричневого цвета, белые, когда-то цветочки на нем, сейчас были почти не заметны. На ногах сандалии, как у большинства других детей. Длинные, ниже плеч волосы, цвета вороньего крыла. Худые скулы лица, острый нос и чёрные глаза...

Неожиданно девочка подняла голову и их взгляды встретились. Михаэля пронзил вселенский холод, будто и не было на улице летней жары. Холод пронзил парня насквозь, парализовав все внутренние органы, сердце будто замерло, споткнувшись, а Майер продолжал смотреть в абсолютно черные, без зрачков глаза ребенка, и будто стал тонуть в этом вселенском мраке. Этот ужасный взгляд порождает первобытный страх, но при этом он будто тянул, манил к себе, как нежная темная ночь принимает в свои объятия всех засыпающих. Немец послушно сделал шаг, второй...

– Эй!!! А ну, с дороги!!! – Михаэль повернулся на оклик и увидел, как прямо перед ним конь встал на дыбы, и молотит передними копытами воздух.

Майер прыгнул в сторону, уходя с пути всадника, и повалился в пыли.

– Жить надоело?! – продолжал кричать всадник, судя по сумкам по бокам от седла, посыльный. Не дожидаясь адекватного ответа, он пришпорил коня и помчался дальше по дороге.

Кое-как отдышавшись, Михаэль поднялся на ноги и стал отряхивать пыль и грязь со своей одежды. Сердце продолжало предательски стучать в груди, будто боялось куда-то опоздать. Вмиг немец вспомнил причину своего падения и устремил взгляд на девчонку. Но той уже не было на прежнем месте. На веранде её тоже не оказалось. Майер посмотрел по сторонам несколько раз, но темноглазую девчонку так и не отыскал. Как и пятилетнего мальчишку, что был с ней рядом.

Глава 2

«Нью-Инстерк» расположился в большом двухэтажном, если не считать чердака, деревянном здании. Чердак, кстати, ушлое руководство фирмы тоже использовало по полной. На нём находился кабинет начальника конторы, архив и подсобное помещение, наверно кладовая. Михаэль никогда в будущем туда не заглядывал. Остальные этажи были заняты кабинетами рабочих «нижнего» и «среднего» звена. Причем, на втором этаже в основном обитали те, у кого в подчинении было, как минимум, пара человек, а на первом, разделенном простыми перегородками на неравные квадраты комнат, весь остальной люд. Начиная от машинисток, которые печатали на своих машинках весь рабочий день напролет, с перерывами на обед, и заканчивая мальчишками, подрабатывающими посыльными. Последние шныряли в конторе, как муравьи в муравейнике, то передавая какие-то бумаги из кабинета в кабинет, то бегали по городу, проверяя ту или иную информацию. И если находили что-то интересное, то туда отправлялся корреспондент, а юнец получал пару монет.

Как раз такого мальчишку Майер и повстречал первым на новой работе. Немец рассматривал фасад здания, когда парадная дверь распахнулась, и на улицу вылетел юный гонец, едва не сбив его с ног. Быстро пробормотав некое подобие слова «извините», мальчишка убежал дальше. Михаэль даже не успел как следует разглядеть ребенка, как того уже и след простыл.

Постояв еще пару минут, рассматривая узорчатую вывеску, на которую потратили явно немало времени и денег, красивые широкие окна, немного диковатого вида, в сравнении с окружающими домами, немец потянул ручку двери и вошел внутрь.

Контора встретила нового работника... равнодушно. Никто из полудюжины работников, находившихся ближе всех к двери, не обратил на вошедшего ни малейшего внимания, продолжая заниматься своими делами. Хотя вон те две дородные женщины, сидящие за одним письменным столом, похоже, считали своими должностными обязанностями просто болтать, что они и делали, не отвлекаясь ни на что вокруг.

Равнодушие окружающих немного задело Михаэля, почему-то он думал, что его будет радостно встречать чуть ли не вся контора. Всё-таки письмо о его приезде и переводе они уже давно получили.

Закинув один вещевой мешок на плечо, он обратился к ближайшему мужчине, и его отправили на второй этаж...

Там встретила миловидная черноволосая девушка, на вид лет двадцать пять-двадцать семь. Она сразу вызвала симпатию у Михаэля с первой же секунды встречи одной лишь своей приветливой улыбкой, которой, наверняка, она одаривала каждого нового посетителя.

Анжелика Аллен работала здесь с самого открытия конторы и добралась до должности главного секретаря, в чьи обязанности, если быть справедливо-дотошным, входило лишь встречать разных гостей фирмы, готовить кофе и носить бумаги на подпись начальнику. Ну, еще и одаривать всех своей улыбкой, да и просто радовать глаз своей привлекательной внешностью. Однако она не была пустоголовой куклой. Отнюдь. И вопреки присказке, что женщина бывает либо красивой, либо умной, она имела оба этих качества. Так что высокую должность она получила заслуженно, и некоторые считали её чуть ли не правой рукой мистера Томпсона, главного в этой конторе, и тот часто обращался к ней за советом. Поэтому порой, если было нужно отпроситься с работы по каким-то делам, либо выпросить повышение зарплаты, некоторые сотрудники сначала обращались к ней. Стоит отметить, что ни в каких близких связях мистер Томпсон и Аллен замечены не были. Их связывала исключительно дружеские и рабочие отношения. Анжелика считалась в коллективе добродушным и открытым человеком, а её начальник заядлым семьянином.

Представившись, и немного поболтав о всяких мелочах вроде погоды, с Анжеликой Аллен, Михаэль в сопровождении девушки отправился в кабинет главного редактора.

– О! Мистер Майер! – Не успели посетители зайти и поздороваться, как Томпсон вскочил со своего кресла и вышел из-за стола навстречу. – Рад вас видеть. Как добрались? А мы уже вас ждали, юное дарование.

Мужчины обменялись рукопожатием.

– Я Джон Томпсон, – продолжил редактор «Нью-Инстерк». – Мне о вас писали, как о талантливом репортере с выдающимися перспективами. И это просто замечательно, что вы теперь будете работать с нами.

– Я тоже рад, мистер Томпсон, – ответил Майер. Не стоило же право слово, говорить правду о том, что ему вовсе не по душе эта долгосрочная командировка, в этот грязный и скучный городишко, где главным развлечением по вечерам была игра в покер, а событием года соревнование в лото. Поэтому Майер натянул вежливую улыбку.

Главный редактор газеты был пятидесятилетним, женатым человеком, отцом трех ребятшек. Невысокий, на голову ниже Михаэля, с блестящей залысиной и объемным животиком, он не был эталоном добропорядочности, но и отъявленным злодеем тоже, конечно, не был. Просто иногда он закрывал глаза на некоторые вещи, припрятывал некоторые бумаги, или сам писал не то, что было нужно и от этого, его карман получал дополнительную прибавку к зарплате. А то, что на некоторых малоуспевающих граждан, он смотрел свысока, как на низший уровень, мы не можем ставить ему в упрек. Всё-таки у каждого человека свои причуды и свои ценности.

Сейчас Джон Томпсон был в дорогом сером костюме, похоже сшитом на заказ, но пиджак, видимо по задумке, на животе не застегивался, и была видна не менее дорогая тёмно-зелёная рубашка. Впрочем, дороговизна была лишь показная для этого города. А в столице на этот наряд никто бы и не обратил внимания.

– У вас есть, где остановиться? – Томпсон вернулся за свой стол. – Родственники? Знакомые?

– Нет, мистер Томпсон, – Майер отрицательно качнул головой, – У меня нет здесь знакомых. Но я хотел снять комнату в одной из гостиниц... У меня...

– Ни в коем случае! – резко прервал собеседника редактор. – Не стоит тратить деньги зря. У нас есть своя недвижимость в Бринстоуне. И мы вполне можем позволить себе поселить в них своих сотрудников. На Южной улице есть отличный, добротный дом и вы, Майер, легко в нем можете обосноваться. Я прав, мисс Аллен?

Девушка, которая не принимала участия в беседе, стоя за спиной немца, лишь согласно кивнула.

– Ну вот, – восторженно толстячок, – вы же не против, Майер?

– В общем, нет... – Михаэль слегка опешил от развития событий, – Но, по-моему, снять комнату в гостинице, будет на порядок дешевле.

– Ну что вы, Майер? – Главный редактор наигранно всплеснул руками. – Как вы могли так подумать? Наша фирма всегда идет навстречу своим сотрудникам. Оплата будет чисто символической, не переживайте.

Почему-то после этих слов, Михаэлю показалось, что одинокая комната в гостинице обошлась бы ему намного дешевле и спокойнее.

– Анжелочка, подготовьте к завтрашнему дню нужные документы, пожалуйста.

– Хорошо, мистер Томпсон.

– А это вам, Майер, – редактор протянул через стол руку со связкой ключей, – пользуйтесь на здоровье. Надеюсь, вам понравится ваш новый дом.

– Благодарю, мистер Томпсон, – Михаэль решительно взял ключи, – я тоже на это надеюсь. Очень.

– Кстати, – Томпсон уселся в кресло, – вы не против, если я сразу же нагружу вас работой? Как говорится, с корабля на бал.

– Нет, не против, – немец, естественно, не думал в первый же день начинать трудиться, но с другой стороны зарабатывать репутацию нужно. Вдруг, за изрядное усердие его раньше срока отправят в Лондон? – Я ведь для этого приехал.

– Превосходно. Я знал, что не ошибся в вас, Майер! – сказал редактор и, вытащив из ящика стола папку с бумагами, отдал её собеседнику. – Молодые сотрудники так и горят рвением выделиться, показать, на что они способны. Верно, Анжелика?

– Наверно, – едва слышно ответила та, но Томпсону, похоже, и вовсе был не нужен её ответ.

– Там различные бумаги по делу, – как ни в чём не бывало, продолжил главный редактор, кивнув на папку. – Ознакомьтесь и приступайте к работе. Я хочу, чтоб вы провели своё расследование, сделали свои выводы и подготовили обширную статью. Справитесь?

– Всенепременно, мистер Томпсон. – Похоже, новому начальнику нравилось, когда с ним соглашались. Или, может, это прерогатива всех руководящих.

– Отлично, – удовлетворенно сказал Джон Томпсон. – Анжелика, не окажите мне услугу? Проводите мистера Майера до его нового дома. Он человек у нас новый, еще не освоился в городе. Не хотелось бы, чтоб он заблудился. И кабинет ему попутно покажи.

Джон деловито положил на стол еще один ключ.

– Конечно, мистер Томпсон, – девушка с готовностью согласилась помочь. – Пойдемте со мной, Михаэль.

– До свидания, – попрощался немец.

– Всего доброго, – отозвался Томпсон. – Жду вашу статью.

Аллен вышла из кабинета, прихватив ключ, Михаэль последовал её примеру, закрыв за собой дверь.

* * *

Прогулка заняла довольно много времени, около двадцати минут Михаэль с очаровательной спутницей добирались до его нового дома. По правде, они не спешили и шли медленным прогулочным шагом. В большинстве своём вопросы задавала Аллен, пытаясь узнать о спутнике больше, а также её интересовала столичная жизнь – в Лондоне она ни разу не была. И немец не отказал ей в удовольствии, подробными рассказами отвечая на расспросы.

Время пролетело подозрительно быстро, и неожиданно Майер узрел свой дом.

– Вот твоё новое жилище, – улыбнулась девушка.

«Мрачновато» – первая мысль, возникшая в голове Михаэля.

Здание, к которому они пришли, оказалось двухэтажным строением, с двухскатной крышей и небольшой верандой. Стены с улицы были обшиты досками и покрашены в белый цвет. Точнее когда-то, в более счастливые времена, они были белыми. Сейчас же, кое-где покраска отвалилась, а где-то осталась, была темно-серого цвета.

На первом этаже располагалась прихожая, длинный коридор, большая кухня, гостиная, спальня, видимо для гостей, ещё одна комната, неизвестного назначения, заваленная кучей хлама и кладовая. На втором: три спальни, различного размера, ванная комната (вот это роскошь!) и кабинет.

Вставив ключ в замочную скважину, новый хозяин дома повернул ручку. Деревянная дверь неохотно, с противным скрипом отворилась, и в лицо ударил запах застарелого воздуха и пыли.

– Прямо дом с привидениями, – пробормотал Майер и, переступив порог, огляделся.

В прихожей на полу лежал слой пыли и от ботинок Михаэля оставался след, как на речном песке. Единственным представителем мебели в этой комнате была двухполочная тумбочка для обуви, покрытая не только пылью, но и обильной паутиной, будто здесь поработал не один паучок, а как минимум сотни две.

– Ну, я пошла, – прервала мысли Михаэля Анжелика, – Мне еще работать надо, а ты располагайся и отдыхай после дороги.

– Разве ты не останешься, – добавив в голос просительные нотки, воскликнул Майер, – и не поможешь мне с уборкой и обустройством?

– Спасибо, – девушка скривила губы в усмешке, – но я, пожалуй, откажусь от столь заманчивого предложения.

Помахав рукой, она спустилась с веранды и пошла вверх по улице, а Михаэль остался в пустом старом доме совершенно один.

...Около четырёх часов ушли на войну с вездесущей пылью и грязью, и первый бой был выигран, правда, лишь в одной из спален на втором этаже, где Михаэль решил обосноваться. Там оказалась почти нормальная кровать, деревянный стол, два стула и покосившийся шкаф на трех ножках. Помыв пол, это было не легкое дело, Михаэль первым делом выкинул покрывало с кровати, а также все постельные принадлежности, разумно решив, что легче купить новые, чем пытаться отстирать эти.

Закончив в спальне, Майер понял, что следующий рубеж, самый нужный хотя бы на первое время, это кухня. Выходя из спальни, он надел уличную обувь и потопал на кухню сквозь пыльные коридоры. На кухне его встретил тот же унылый, грязный и пыльный пейзаж, от которого он только недавно избавился в спальне.

Вздых отчаянья вырвался из парня, но чуть постояв с опущенными руками, он всё же начал уборку. Дело шло медленно, видимо парень уже устал после уборки в другой комнате, либо просто надоело это не мужское занятие. Когда первый слой пыли благополучно канул в лету, Михаэль решил сделать перерыв, да и поесть бы не помешало. Самый простой способ, это пойти в какую-нибудь забегаловку и поужинать, но Майер решил убить двух зайцев сразу. Приведя себя в порядок, он отправился на поиски магазина, дабы прикупить там продукты питания, постельные принадлежности, а заодно и всякие бытовые мелочи, необходимые в хозяйстве.

Оказавшись на улице, Михаэль вздохнул полной грудью, после сухого, затхлого воздуха, здешний показался самым чистым и желанным. Он громко чихнул, в который уже раз за последнее время и отправился на поиски магазина. Тот обнаружился на соседней улице, но как назло, чтоб его найти пришлось изрядно поплутать. Магазинчик ничем не отличался от сотни подобных маленьких заведений, в которых можно было купить совершенно разные, но всеми востребованные вещи. И если их не купили сегодня, то всё равно купят завтра или послезавтра. Это было так же незыблемо, как то, что день сменяет ночь.

Ленивый тощий престарелый продавец, похоже, считал так же, и потому на вошедшего Михаэля обратил внимания не больше, чем на пролетающую мимо муху. Лишь только колокольчики над дверью возвестили о новоприбывшем, как старик кинул взгляд на вошедшего, и тут же вернулся к газете, которую читал до этого, и которую, всенепременно, будет читать и после ухода покупателя.

Вежливо поздоровавшись, и не получив ни какой реакции в ответ, немец прошел в глубь магазина и стал рассматривать предложенный товар. Ничего экстравагантного тут, само собой, не было. Набрав нужные товары, он принес их продавцу, и тот нехотя, и не спеша, уложил их в сумки и назвал общую стоимость. Расплатившись, и с трудом ухватив весь свой скарб, немец вышел на улицу. И замер.

* * *

Прямо напротив входа в магазин сидел пёс. Обычная дворняжка, ростом с овчарку, правда, совсем не привлекательного вида. Облезлая шерсть, обрубленный пополам хвост, множество царапин на морде и теле. Наверно, даже самые искренние, прирожденные любители животных, не захотели бы погладить, да и просто дотронуться, до этой отталкивающего вида собаки.

Пёс смотрел прямо в глаза Михаэлю, будто именно его и ждал. Дверь за спиной захлопнулась, а парень всё стоял и смотрел на пса. Слишком неожиданная оказалась встреча, хотя ничего сверхъестественного здесь не было. Мало ли собак в округе? И все голодные. И этот пёс, наверняка, просто ждал любого, кто выйдет из магазина, надеясь на вкусную подачку. Придя к такому выводу, Майер, поставил сумки на землю и стал рыться в одной из них, спеша найти что-нибудь подходящее на ужин псу. Но стоило только человеку отвлечься, и отвести взор от пса, как зверь подбежал, схватил одну сумку в зубы и дал дёру.

– Эй! – только и успел растерянно крикнуть Михаэль, но вредное животное лишь прибавило скорость. Возможно, простой подачи псу показалось слишком мало, и он решил забрать больше.

– А ну стой! – снова крикнул он и, подхватив оставшиеся сумки, побежал за воришкой.

Бег с нагруженными сумками, в незнакомом городе за собакой дело не благодарное, и в принципе, изначально не перспективное, но парень не хотел сдаваться и терять часть своих покупок. По правде говоря, пёс будто и не хотел убежать, а словно заманивал за собой человека, плутая по разным переулкам и дворам. Пару раз, когда Михаэль терял пса из вида, тот «случайно» появлялся неподалеку. И гонка продолжалась. А когда Михаэль остановился, переводя дыхание, то пёс тоже застыл в пятнадцати шагах от него, но в «переговоры» не вступал, несмотря на все уговоры и уловки парня приманить пса к себе. А стоило сделать шаг навстречу, как дворняжка снова бросилась наутёк.

Наконец, пес нырнул между двумя домами, расстояние между которыми было не больше трех локтей, Михаэль побежал следом, но сделав пару поворотов, очутился в каком-то тупике. Скорее всего, когда-то здесь располагался внутренний дворик, сейчас он с трёх сторон был закрыт высоченным забором, а единственным выходом было как раз то направление, где замер Михаэль. Он понял, что псу теперь некуда бежать и довольно улыбнулся.

Дворик оказался довольно обширным, но, судя по всему, сюда давно никто не забредал. По краям, под стенами у забора валялась куча хлама, множество коробок различного размера, мусорные контейнеры и много чего ещё, что, по-видимому, сюда складывали много лет. Видимо, было жалко выбросить полностью, а здесь была надежда, что если что-то понадобится, то можно будет отсюда забрать. Или, просто, лень относить на городскую свалку.

Проржавевшая клетка для попугайчика или канарейки неизвестно чем привлекла внимание Майера, но тот снова посмотрел на пса, что стоял посреди двора, положив украденную сумку возле своих лап.

– Хороший пёсик, – тихо проговорил Михаэль, – давай не будем ссориться, и ты вернешь мне мою собственность. А я за это угощу тебя чем-нибудь вкусеньким. Парень сделал аккуратный маленький шагок вперед, стараясь не спугнуть, или, не дай бог, не раздражить собаку.

– Зачем обижаешь бедную собачку?

Тихий голос раздался так неожиданно в этой обособленной обстановке, что немец вздрогнул от испуга. Никого здесь кроме него и пса ведь не было, и быть не могло. Кому ещё вбредет в голову лезть по узким переулкам в заброшенный двор?

Михаэль повернул голову на голос. Справа от него, удобно усевшись, на большой картонной коробке, находилась черноволосая девочка. Парень остолбенел. Это была та самая, которую он увидел возле сиротского дома.

«Что она здесь делает?» – промелькнуло в его голове.

А девчонка, свесив ноги, болтала ими, не сильно стуча пяткой по картонному боку коробки. Она терпеливо ждала ответ на свой вопрос, глядя то на парня, то по сторонам. Глаза, кстати, у неё были совершенно обычными, ну может капельку чернее, чем у других.

– Что ты тут делаешь? – наконец обрёл дар речи Михаэль, похоже, забыв вопрос ребёнка.

– Ты хотел съесть эту собачку? – Девочка невинным взором уставилась на Михаэля, а пёс тем временем, потеряв интерес к своему трофею, уселся на землю, возле её ног.

– Что?! – Воскликнул парень. – Нет! Что ты? Я не ем...Боже, как ты могла подумать такое?

– Я не Боже, – тихо сказала девчушка, рассматривая свои сандалии.

К моменту, пока немец ходил в магазин и занимался вечерним бегом, гоняясь за псом-похитителем, на город незаметно опустились сумерки. Солнце спряталось, и наступила такая приятная, вечерняя прохлада. Но Михаэлю почему-то стало жарко, и виной этому была не бешеная пробежка.

– А кто же ты? – спросил парень и сделал пару осторожных шагов в сторону похищенной сумки.

Неожиданно пёс, мирно сидящий у ног девчонки, глухо зарычал, обнажив клыки, не желая, чтобы человек трогал его позабытую добычу. Михаэль остановился, посмотрев на собаку, но затем продолжил путь, решив, что одна собака ничего ему не сделает, да и вся эта история ему порядком надоела. Пора забирать свои вещи и идти домой. А ребенок пусть сидит тут, если ей так хочется. В конце концов, у него своих дел полно.

Подняв с земли сумку, и закинув ее на плечо, он услышал какой-то шум, и оглянулся. Вокруг него, из-под каждой коробки, из-за каждого угла, со всех сторон глядели глаза. Псы, множество псов разного окраса и размера, повывлезали из своих нор и окружили человека. Четверо, самых больших псов стояли с той стороны, откуда Михаэль попал во дворик, отрезав путь к отступлению. Но, что самое интересное, здесь находились не только представители собачьего рода. Майер разглядел рядом с псами и несколько грязных, худых кошек, пару крыс и ворон, которые, так же как и псы, не выглядели здоровыми, и так же уставились на человека. В полной тишине... Пёс-грабитель тоже молчал.

– Зачем тебе знать, кто я? – вопросом на вопрос ответила девчонка.

На её плече сидел одноглазый ворон, а сама она продолжала безмятежно болтать ногами, и гладила облезлого кота, который неведомо когда разлегся на её коленях. Похоже, лишай самая безопасная из всех его болезней.

Вот сейчас Михаэлю стало холодно. От страха. Холодный, липкий пот пробил его тело, а мозг лихорадочно пытался найти выход из сложившейся ситуации и логическое ей объяснение. Но не справлялся. Наконец, он взял себя в руки, и, как можно более уверенно, произнес:

– Что здесь, чёрт возьми, происходит?

– Чёрт здесь совершенно не причём, – посмотрев на парня, девчонка искривила губы в усмешке. – Ты просто попал к нам на ужин.

Голос девчонки был тихим и холодным. А от её слов становилось как-то совсем тоскливо и обреченно. Михаэль молчал, девчонка тоже никуда не спешила.

– Не хочешь присоединиться? – спустя какое-то время спросила она.

– В качестве основного блюда? – с вызовом бросил Михаэль, глядя в упор на ребёнка.

Звонкий детский смех был ему ответом. Малышка смеялась от души, как обычный ребенок, в обычной семье, где любящие родители играют со своим чадом.

– Нет, – продолжая смеяться, ответила она. – Не в качестве блюда.

И когда Михаэль перевёл дух, тихо добавила:

– По крайней мере, не сегодня.

Резко, будто кто-то выключил звук, девочка оборвала смех и прыгнула с коробки на землю. Михаэль непроизвольно сделал шаг назад, подальше от этой странной особы. Она вызывала у него жуткое неприятие и, чего самого себя обманывать, страх. Но она не обратила на него никакого внимания, а присела на корточки. И тут, большинство из своры животных подбежало к ней. Впрочем, некоторые остались на своих местах, наверно охраняя Майера, либо просто не были голодными. Дело в том, что когда возле девчонки собралось достаточно зверей, она вытащила нож, и полоснула себя лезвием по ладони.

Михаэль крикнул, намереваясь остановить ребенка, но опоздал. Кровь струей потекла из раны, орошая землю, а звери, пихаясь, и отталкивая друг друга стали пить эту жидкость. Они с рыком и ворчанием слизывали кровь с земли, пытались поймать капли, до того, как те упадут на землю, а кровь всё текла и текла из порезанной руки, будто вода ручейка. У Майера закружилась голова от этого противного зрелища, в глазах возник белесый плотный туман...

– БАБАХ! – Раздался громкий выстрел.

Михаэль от неожиданности свалился с ног и приземлился пятой точкой на одну из своих сумок. Кажется, части продуктов сегодня не суждено добраться до его дома. Зверьё тоже испугалось выстрела, и стремглав бросилось врассыпную, кто, прячась за кучей коробок и хлама, а некоторые побежали в сторону выхода из двора, чуть не растоптав Майера, навстречу высокому мужчине, который, держа ружье дулом кверху, неторопливо шёл сюда. Из ствола его оружия поднимался слабенький дымок, указывающий, что выстрел был сделан отсюда.

На собак, что попались навстречу мужчине, тот не обратил внимания, и они быстро разбежались, поджав хвосты.

– С вами всё в порядке? – обратился к Михаэлю мужчина. Он был в потертом рабочем комбинезоне, с подтяжками. Лицо грязное, но доброжелательное, и с первого взгляда вызывало симпатию. Высокий, крепкий человек. Почему-то Майер представлял себе сельских фермеров именно такими. Правда, вместо ружья в руках у мужчины должны были находиться вилы...

– Да, спасибо большое, – Мужчина подал руку и помог Майеру встать на ноги. – Вы как раз вовремя...

Михаэль запнулся, вспомнив девчонку с ножом и резко обернулся. Но там её уже не увидел, впрочем, как и другой живности. Только за коробками слышалось тихое шуршание, но не могла же она спрятаться там. Просто не поместится, тем более, так стремительно не получится.

– А вы не видели здесь девчонку?.. – начал было немец, но умолк, поняв, что вопрос прозвучит странно.

– Какую? – недоумение на лице мужчины говорило само за себя. Посмотрев по сторонам, он уставился на Майера, как на больного. Наверно подумал, что тот неслабо стукнулся головой.

– Не важно, – ответил Михаэль, меняя тему. – Как вы здесь оказались?

– Ааа, – усмехнулся тот. – Я приехал с фермы и стал свидетелем вашей забавной погони за псом. И решил пойти следом, вдруг, чем подсоблю? У нас тут, в последнее время развелось много бродячих псин. Иногда они бывают опасны, особенно когда соберутся в большую свору. А тебя я никогда раньше не видел, подумал приезжий, значит, город не знаешь.

Фермер смотрел с немым вопросом на немца, но тому совершенно не хотелось в очередной раз рассказывать, откуда он приехал, зачем и почему. Он ограничился лишь тем, что представился мужчине, и еще раз поблагодарил.

– Да что ты, – по-простому отмахнулся фермер. – Чего ж не помочь-то хорошему человеку? Меня кстати Джоном кличут. Просто Джон, никаких фамилий. Заезжай как-нибудь в гости ко мне на ферму. Спросишь у любого дорогу, мол: ферма Джона. Все подскажут. Посидим, поговорим.

Михаэль пообещал, что постарается навеститься, как закончит неотложные дела. На том и распрощались. Джон предложил проводить его, но Майер вежливо отказался. Не маленький он, в конце концов! И потом пожалел об этом, так как, долго плутал, пока, в конце концов, добрался до своего дома.

Желание ужинать уже пропало, хотелось только завалиться в кровать и забыться сном, чтоб поскорее закончился этот ненормальный день. Но прежде, ему еще пришлось застелить постель новыми простынями, купленными в магазине. Сделав это, Михаэль развалился поперек кровати с блаженным вздохом облегчения, раскинув руки. Но вдруг резко сел, вспомнив об обещании. Дотянувшись до стола, он взял оттуда папку, и, раскрыв её, принялся читать. Вот тут его ожидал неожиданный сюрприз. Документы, которые вручил ему Джон Томпсон, говорили о трех убийствах в городе Бринстоун за прошедшие два месяца. Все три жертвы дети. Все три... воспитанники сиротского дома мадам Джонс.

Глава 3

На следующий день Михаэль встал поздно, но чувствовал себя бодро, несмотря на то, что вчера заснул далеко за полночь, в смешанных чувствах и мыслях. День всё-таки выдался тяжелым и странным.

Первую половину дня, парень потратил на генеральную уборку кухни и последующего приготовления завтрака. Сам приём пищи ему не очень понравился, кулинария не являлась его тайным козырем, и пообедать он решил непременно не дома. Закончив бытовые дела, он забрал свои письменные принадлежности, документы и направился в сиротский дом. Раз уж ему поручили написать статью по этому делу, то нужно начинать с добычи достоверной информации, с первоисточника, кем, несомненно, являлся это сиротский дом, раз уж все три погибших ребенка его воспитанники.

День выдался такой же душный, как и предыдущий. Солнце, похоже, окончательно разругалось с облаками, и на синем небосводе висело в гордом одиночестве. Даже слабого ветерка Михаэль не почувствовал, топая по улицам города.

На веранде сиротского приюта, так же, как и вчера сидела ребятня, правда в меньшем количестве, и той девчонки не было. Что сильно порадовало парня. Поздоровавшись с детишками, он вошел в дом, оказавшийся намного больше, чем можно было догадаться глядя с улицы. Обширная приёмная, широкий коридор, множество комнат... Но Михаэля, по его просьбе, провели в кабинет директора.

Высокая, худощавая женщина, престарелого возраста. Это, когда сама дама считает себя еще молодой, а случайный ребенок непредвзято и невпопад назовет ее бабушкой. Строгое платье, волосы, спрятанные в сеточку, изящные очки, явно дорогие, а не какая-нибудь дешёвка.

Директриса встретила посетителя за рабочим столом, в изящном кресле, всем своим видом показывая, что оказывает этим приёмом огромную честь. И что Михаэлю надобно уже стоять на коленях, в благоверном восторге от счастья, но тот почему-то этого не делает. За спиной директрисы располагалось большое пыльное окно, сквозь которое, впрочем, упорное солнце пробивалось легко и немного ослепляло Михаэля, от чего ему не удавалось хорошо разглядеть лицо женщины.

– Чем могу быть...? – Директриса вперила пристальный взгляд на вошедшего, демонстративно не закончив фразу.

– Доброго дня, – немец вежливо поздоровался, закрыв за собой дверь. – Михаэль Майер. Газета «Нью-Инстерк»

Директриса не удостоила парня ответом, видимо считая, что он ничего и не спрашивал.

– Я хотел бы задать вам пару вопросов... – продолжил журналист, после затянувшегося молчания. – Если, конечно, не слишком вас отвлеку.

– У меня на работе нет свободного времени, – с нажимом ответила директриса. По-видимому, она хотела поскорее избавиться от непрошеного гостя. Но Майер не желал сдаваться:

– Но в этом деле *только вы* сможете прояснить некоторые детали, – Михаэль решил сыграть на гордыни женщины. Ведь все любят, когда к ним обращаются, как к чрезвычайно важным персонам, выделяя их над другими. – И я надеюсь, что вы сможете уделить мне пару минут вашего несравненно драгоценного времени.

– Так и быть, – женщина оттаяла, попавшись на банальную лесть, – Какое у вас дело? Я попробую вам помочь.

Михаэль внаглую, раз ему не предложили присесть, подхватил стул, стоящий возле дальней стены, и, поставив его возле стола, уселся напротив директрисы:

– Я хотел бы услышать от вас про убийство детей из вашего приюта.

– Я уже всё рассказала полиции! – хмуро произнесла Джонс холодным тоном, напрочь потеряв всю вежливость, которую можно было заметить секунду назад.

– Наша газета проводит собственное расследование, – упрямо продолжил Михаэль, хотя продолжать беседу с этой мегерой ему не хотелось. – И нам нужно всё узнать из первоисточников. И задать вопросы.

– А если я не хочу отвечать? – с вызовом спросила директриса. – Вы не полиция и не имеете право задавать вопросы.

– Тогда в нашей статье будет указано, что вы, по неизвестным причинам скрыли от нас что-то, и не захотели помочь непредвзятому расследованию. Наверное... – задумчиво предположил журналист, – есть что скрывать?

Пару минут директриса буравила парня ненавидящим взглядом, у Михаэля аж мурашки по коже спины пробежали, но он даже не шелохнулся.

– Хорошо, – наконец выдохнула женщина. – Какие у вас вопросы?

– Я бы хотел послушать всю историю целиком, – улыбнулся парень, празднуя маленькую победу, – если вас не затруднит.

Рассказ, в принципе ничего нового Михаэлю не дал, всё, что рассказала директриса, в кратком варианте он прочёл в документах. Но послушать вживую, с подробностями, всегда интереснее и полезнее для размышлений. Михаэль это знал, как одно из главных правил журналиста. К тому же, всегда можно задать дополнительные, наводящие вопросы, которые, ещё неизвестно куда могут вывести рассказчика.

Всё началось два месяца назад. Воспитатели приюта заметили пропажу девочки Жанны. Сперва к этому отнеслись спокойно. Мало ли куда она могла пойти. Не маленький ребенок, девять лет уже. Но спустя два дня забили тревогу и начались масштабные поиски. Чуть ли не полгорода искало ребенка, но всё тщетно. Нашли девочку лишь через четыре дня на одной недалеко от города ферме. Всего часа два верхом от фермы до города. Кто-то поджег сарай на ферме, но хозяева вовремя заметили дым и стали тушить. Там и обнаружили обожжённое тело ребёнка... повешенное за шею. Полицейские обнаружили и другие следы издевательств над бедной Жанной: вспоротый живот, отрезанные указательные пальцы на руках и вырванный язык. За всю историю города подобных зверских убийств не встречалось. И полиция приложила все усилия, чтоб найти убийцу, и, как всегда бывает, пока не преуспела.

А через месяц в приюте пропал еще один ребёнок. Мальчик. Семи лет отроду, всегда весёлый и добрый. Всем, кто его видел, он дружелюбно улыбался, вызывая симпатию. Воспитателей всегда слушался, любил поболтать, в отличие от Жанны, которая часто препиралась со старшими и была мало общительной с остальными ребятами. Эдуард всем нравился, всегда заряжал окружающих позитивом и хорошим настроением, поэтому, когда пропал и он, тревогу подняли почти сразу. Тем более после случая с Жанной. Но Эдуарда тоже не нашли ни в этот день, ни на следующий. Горожане начали роптать, что полиция ничего не делает и не справляется со своими обязанностями. Местные газеты во всем винили как служителей правопорядка, так и верховную власть, в лице губернатора. Спустя какое-то время начали писать о серийном маньяке, который поселился в их городе, и значит это всего лишь первые жертвы...

...На этом месте рассказ женщины прервался, она замолчала, переводя дыхание, а Михаэль порадовался тому, что переехал сюда лишь сейчас, ведь если бы он приехал на месяц раньше, то весь город непременно бы считал убийцей его. Новый человек, никому неизвестный. Тем более, после подобных статей в газете. А директриса тем временем продолжила рассказ...

Эдуарда нашли через три дня. На кладбище. Когда хоронили одну старую, но жутко богатую даму, которую многие неожиданно сильно захотели проводить в последний путь лично, ибо завещание обещали вскрыть лишь через три дня после похорон, заметили, что в одном склепе дверь немного приоткрыта. Нашлись смельчаки, решившие заглянуть туда, хотя боль-

шинство было против подобного святотатства, и настаивало на том, чтоб закрыть дверь. Они крестились и твердили, что если кому-то было нужно *выйти оттуда*, тот этот кто-то уже вышел, и, сделав дела, уже вернулся обратно. Однако, вопреки их мнению, в склеп всё-таки вошли, правда, первым, чуть ли не силой, втолкнули молодого священника, державшего в руках библию и большой крест. Склеп оказался пуст. Точнее пыли и паутины там было много, а вот захоронения не было. Позже в городских архивах искали, кому же принадлежало это захоронение, и почему оно оказалось пустым, но ничего не нашли. Этого склепа по документам вообще не существовало. А кроме старой пыли в склепе обнаружился и мёртвый Эдуард. На этот раз неизвестный убийца был еще изощрённее, чем в предыдущий. Правда, глядя на тело невинного ребенка, многие сомневались, что убийца – человек, ибо тело мальчика, будто грызло полдюжины диких зверей. Может крысы, может псы – твердили более сдержанные свидетели, большинство же слабонервных кричали о монстрах и демонах, ведь дикие звери съедают полностью, убивая лишь из-за голода, а тут... Казалось, просто вгрызались в плоть для забавы, раскидывая куски мяса и крови во все стороны. Но главным доказательством тех, кто считал убийцу человеком, было то, что Эдуарду отрубили голову, найденную впоследствии в дальнем углу склепа. А то, что звери умеют рубить головы никто утверждать не стал...

Директриса замолчала, не закончив историю. Казалось, ей тяжело было это говорить или вспоминать, но Майер продолжал ощущать на себе её ненавидящий взгляд, или это лишь игра воображения, начавшаяся после мистического рассказа. Тем не менее, Михаэль тоже молчал, переваривая услышанное. Читая всё это в документах, почему-то не принимаешь данные близко к сердцу. Ведь это всего лишь факты, написанные на бумаге. Другое дело, когда человек рассказывает историю с подробностями, вставляя интонации, своё мнение и впечатление. И все эти ужасные картины ты видишь, словно своими глазами, как если бы находился там.

Михаэль чуть встряхнул головой, отгоняя ненужные мысли. Ему не стоило забывать, что нельзя полностью доверять мнению одного человека: журналист должен быть непредвзят. И, следовательно, эта же история, рассказанная другим человеком, может быть немного иначе подана, меняя какие-нибудь мелочи. А эти мелочи упускать из виду никак нельзя.

– Продолжайте, пожалуйста – Михаэль нарушил тишину, когда она слишком затянулась.

– А совсем недавно, буквально дня три назад, – возобновила рассказ женщина, – у нас из приюта пропал Ричард, младший брат Эдуарда.

Казалось бы, вот она зацепка. Скорее всего, младший брат владел информацией, касающейся пропажи старшего, или у убийцы была своя цель относительно именно этих мальчишек. Много гипотез, но ни одна из них не нашла подтверждения, назло всем стараниям полиции.

И, что напрягало больше всего, мальчика до сих пор не нашли. Ни живым, ни мёртвым...

– И что вы сами думаете обо всём этом? – Михаэль решил до конца играть роль журналиста, задавая стандартные вопросы. В руках он держал большой, раскрытый блокнот, и что-то в него неспешно записывал.

– Не знаю, – ворчливо ответила мадам Джонс. – Вы и так отняли у меня много времени. Пора и честь знать.

– Ну, а всё же? – не унимался он. – Наверняка, у вас есть свои мысли. Кто, по-вашему, совершает эти преступления?

– Скорее всего, – нехотя призналась женщина, – убийца один из работников приюта. Человек с явно психическими расстройствами, которые, между тем, он прекрасно скрывает, находясь в обществе.

– Кого-то конкретно подозреваете?

– Нет. – Директриса отрицательно покачала головой, – Всех работников проверяла полиция. Велись личные беседы. Да и я почти всех знаю и не могу утверждать, что они убийцы. Ничего необычного не заметила. И вообще, вы спросили моё мнение, я вам ответила!

– Спасибо вам, – успокаивающе сказал Майер. – Однако, я бы хотел украсть еще несколько минут вашего времени...

– Что ещё?.. – заворчала женщина. – Я вам всё уже рассказала.

– Я бы хотел, чтоб вы провели для меня экскурсию по приюту.

– Это еще зачем?! – Женщина вскочила на ноги, уперев руки в столешницу. – У нас тут сиротский дом! А ни какой-то там музей и уж тем более не проходной двор!

Михаэль внешне невозмутимо выслушал тираду главы приюта, а потом тоже встал и спокойно сказал:

– Я хочу осмотреться. Увидеть, как живут малыши-сиротки, в каких условиях. Какой у них досуг, в чём они нуждаются и...

– Они ни в чем не нуждаются! – перебила парня директриса. – У нас превосходные условия и персонал!

– Ни в чём? – Михаэль невинным взглядом посмотрел на женщину. – Даже в родителей?

Мадам Джонс, набрав побольше воздуха в легкие, готовая снова спорить, отпираться и доказывать своё мнение, не нашла что ответить и закашлялась.

– К тому же, – продолжил Михаэль, – я, может, увижу незамеченные улики, новый взгляд иногда бывает полезным. Да и в своей статье, я могу написать о вашем приюте... много придуманного, раз вы не хотите немного прогуляться со мной по зданию.

Директриса громко фыркнула, выражая своё мнение по поводу «нового взгляда», но ничего не сказала и молча прошла к двери, махнув Михаэлю следовать за ней.

Впрочем, директриса оказалась права. Экскурсия по сиротскому дому ничего нового Михаэлю не дала. Они прошли всё здание насквозь, заходя даже в кладовые и ваннные комнаты, видимо, мадам Джонс делала это специально. Но ничего требующего особенного внимания Михаэль не заметил. Большинство комнат было отдано под группы, в которых находилась детвора примерно одинакового возраста. Гуляя по коридорам, Майер и мадам Джонс сквозь окна в стене наблюдали за такими группами. В некоторых воспитатели проводили какие-то занятия, в двух Михаэль увидел спящих в кроватках малышей, наверное, для них наступил тихий час. Но много комнат попадалось, где дети оказались, предоставлены сами себе. То есть, никаких воспитателей там в данный момент не было, а ребята занимались, кто, чем хотел. В одной даже началась драка, где двое мальчишек пытались повалить третьего на пол, но тот отчаянно сопротивлялся. А остальным детишкам было всё равно, мало кто наблюдал за этой потасовкой. Директриса, кстати, тоже не стала обращать на это внимание, скорее всего, такое событие, считалось в порядке вещей. Только немного быстрее, чем обычно, увела Михаэля оттуда.

А когда Майер окончательно пришел к выводу, что занимается никому не нужным занятием, от которого не будет никакого проку, и уже решил покинуть негостеприимный сиротский дом, он заглянул в окно и увидел там... её. Девчонку, которую видит постоянно с самого приезда в этот город, и с которой ему до дрожи в коленках не хочется больше встречаться. Хотя самому себе в подобном стыдно признаться. Девчонка стояла спиной к Михаэлю и смотрела сквозь окно на улицу. Она была в том же простом платье, похожем на церковную рясу, без всяких украшений и изысков. Рядом стоял мальчишка и, ковыряясь в носу, разглядывал потолок. Это был тот же ребенок, которого при первой встрече Михаэль посчитал ее братиком. Он стоял смирно, не шевелясь, будто не живой, и если бы не активное шевеление пальцем в носу, его можно было принять за качественную куклу или статую. Эти двое стояли особняком от остальной ребятни, весело играющей в какую-то динамичную игру.

Внезапно, девчушка обернулась, и Михаэль быстро отпрянул в сторону от окна, спрятавшись за стеной. Но он был готов поклясться, что она его заметила. Более того, ему казалось, что она его видит и сейчас, несмотря на наличие стены между ними. Он ощущал её взгляд лопатками...

Через секунду он осознал, что мадам Джонс смотрит на него расширенными от удивления глазами. Еще бы, довольно странная реакция для уверенного в себе репортера. Не зная, что сказать, Майер сделал вид, будто оттряхивает несуществующую пыль со своих брюк, а чуть позже спросил:

– А кто это девчонка? Там... у окна.

– Где? – Директриса близоруко взглянула в комнату через окно. – А, это Кэрри.

– Расскажите мне о ней, – Михаэль постепенно пришел в себя и пошел дальше по коридору, поджидая спутницу.

– А что случилось? – женщина пошла следом. – Вы и её будете допрашивать? Или подозреваете ее в убийствах.

Мадам Джонс не сдержала, да и не хотела сдерживать ехидную улыбку.

– Нет – Михаэль не хотел делиться с кем-либо своими вчерашними приключениями, но какие-то объяснения давать нужно, поэтому он сказал правду. – Я встречал её вчера в городе, вот и вспомнил, когда увидел тут.

– Что?! – Мадам Джонс встала, возмущенно сверкая глазами сквозь очки. – У нас запрещено покидать приют без разрешения воспитателей. А Кэрри наказана, и точно не должна была покидать стены дома. Ну, сейчас она у меня получит!

Директриса развернулась и быстрым шагом направилась в обратную сторону. Михаэлю пришлось догнать женщину и, взяв под локоть, развернуть в первоначальном направлении.

– Пойдите, – сказал он. – Не стоит так сразу горячиться. Может я обознался? Всякое бывает. И я бы не хотел, чтобы из-за моего длинного языка вы наказывали девочку... Кэрри?

Женщина утвердительно кивнула, увлекаемая парнем дальше по коридору.

– Ну вот, – Майер постарался как можно дружелюбнее улыбнуться. – А за что вы её наказали, что ей нельзя было покидать приют?

В это время они вышли в небольшую залу, наверно заменяющую комнату ожиданий, и расселись на старые, но уютные диванчики.

– У нас запрещено покидать приют без ведома воспитателей! – повторила директриса.

– Это я понимаю, но вы сказали, что Кэрри наказана. За что?

– Неважно, – сухо заявила женщина после минутного молчания.

– А всё-таки? – Майер не сдавался.

– Послушайте, – в голосе мадам Джонс появились стальные холодные нотки, – Это сугубо внутреннее дело приюта, и вам совершенно не интересно! Вас это не касается, если хотите знать. Я потратила на вас уйму времени и на все вопросы по вашему делу ответила.

– Тогда я официально хочу получить все сведения по этой девочке.

– Эта информация конфиденциальна и посторонним не выдаётся. Приходите с полицейскими, и если у них будут соответствующие документы... то да. Впрочем, если вы хотитеudoчерить Кэрри, то мы будем обязаны вас ознакомить с её документами.

Директриса самодовольно посмотрела на парня, не без основания считая, что тот сразу станет отнекиваться, как бывало не раз в её практике. Однако, Михаэль заявил, что давно мечтал усыновить кого-нибудь, а эта милая девочка Кэрри ему очень приглянулась. И попросил ознакомить его со всеми документами. Идти напролом, иногда обманывая, или ошарашивая оппонента, он умел преотлично.

Глава 4

– Еще кофе? – спросила тридцатипятилетняя официантка, держа в руках горячий чайник с кофе.

– Да, пожалуйста. Благодарю – Майер отвлекся от своих мыслей и подставил поближе свою чашку.

После того, как женщина в третий раз подлила ему кофе, Михаэль подвел итоги.

Во-первых, кофе в этом заведении превосходное, ничем не хуже, чем в столичных аналогах. И он нисколько не пожалел, что заглянул сюда пообедать. Местная пекарня, где кормили за умеренную плату, оказалась недурна. Да, скорее всего, он будет заходить сюда часто. Хотя, подающиеся здесь блюда изысками не отличались, но, по крайней мере, отвращения не вызывали. На местную забегаловку он наткнулся почти случайно, направляясь на работу.

Во-вторых, поход в сиротский дом мадам Джонс не дал никаких видимых результатов, и был почти бессмысленным, если не считать того, что у него теперь имеется тема, которую можно впихнуть в бумажный отчет. Конечно, это далеко не то, на что рассчитывал, да и господину Томпсону будет маловато... Но он надеялся, что найдет еще информацию. Обязательно.

И, наконец, в третьих. Он ознакомился с документами по делу той девчонки по имени Кэрри.

Ей семь лет, в приют она попала три года назад вместе с пятилетним братом Алексом. Откуда они взялись, никто достоверно не знал. Просто в один из дней их нашли на улице, двоих, без родительского присмотра. Дети, сперва, даже не разговаривали ни с кем, не отвечали на вопросы. И лишь спустя какое-то время начали общаться, впрочем, о своем прошлом упорно молчали. Некоторые горожане утверждали, что в тот день видели этих детей в компании молодой пары, из чего и предположили, что малышей просто выкинули, бросили, как часто подкидывали в давние времена не нужных младенцев. Подобная история не редкость в современном мире, и никто сильно не напрягался. Детей просто пристроили в приют и забыли. Со временем брат с сестрой общительнее не стали, и даже среди своих сверстников были изгоями. Ни те, ни другие не желали играть вместе. Первое время местные ребята задирали новеньких по любому поводу, а Кэрри всегда давала сдачи, словесно или физически. Однажды один из старших мальчишек нарочно подставил ей подножку, и Кэрри упала, потешно взмахивая руками, на радость всем присутствующим. В ту же ночь девчонка пробралась в спальню, где спал тот хулиган, и со всей силой ударила молотком ему по коленной чашечке. Девчонку строго наказали, но эта история всеобщей любви ей не добавила.

И, хотя ничего подобного больше в документах Михаэль не нашел, этот инцидент он на всякий случай запомнил...

Допивая остатки уже остывшего кофе, немец записывал в свой блокнот полезные заметки, когда услышал голос:

– О! Новенький! Рад снова тебя видеть.

Чарли Дуэйн вошел в пекарню в компании еще одного полицейского, и, заметив журналиста, направился в сторону его столика. Второй полицейский деликатно остался возле стойки, делая заказ.

– Шериф? – полуутвердительно кивнул Михаэль.

– Он самый! – хохотнул Чарли, и по-хозяйски уселся за его столик, попутно заказав пробегающей мимо женщине кофе и булочек. – Ну, как тебе у нас? Нравится?

Похоже, каждый местный житель гордился своим городом и не терял возможности им похвастаться, или же просто издевался, так как Майер не находил в нем ничего выдающегося. Тем не менее, чтоб не обидеть патриота, ответил нейтрально:

– Да я еще мало что видел...

– Ничего! – успокоил собеседника Чарли. – Тебе обязательно здесь понравится. У нас люди хорошие. А воздух какой, воздух!

Полицейский демонстративно вздохнул полной грудью, показывая, как хорошо здесь дышится. Но его ноздри уловили лишь ароматный запах кофе. Это его немного смутило и он принялся поедать булочки.

Михаэль не стал ничего говорить, продолжая писать в блокнот, но почти сразу был остановлен следующим вопросом компаньона:

– А ты что там записываешь? Список дел на сегодня? Или список покупок?

Чарли Дуэйн внимательно смотрел на Майера, интересуясь его реакцией на свои шутки, однако Михаэлю не хотелось подыгрывать:

– Да тут... По работе.

– Ясно-понятно, – кивнул полицейский с плохо скрываемой досадой и глотнул из чаши – Что-то интересное?

– Нет, – немного грубо ответил тот, с отрешенностью сильно увлечённого человека. Он хотел показаться очень занятым, надеясь, что Чарли от него отстанет.

Надеждам немца не суждено было сбыться.

– Ты уже видел замок лорда Гамфри? – минутой позже спросил шериф.

– Нет, – не удержался от толики сарказма Майер, оторвав взгляд от блокнота, и посмотрел на собеседника. – К сожалению, я в вашем чудесном городе всего сутки, и благодаря начальнику, у меня не осталось времени рассматривать местные достопримечательности.

– Замок Гамфри – это не местная достопримечательность, – похоже, у этого добродушного человека против сарказма выработался иммунитет. – Он находится в нескольких милях восточнее нашего города, но посетить его стоит обязательно. Уникальное сооружение, я тебе скажу. Возможно, одно из последних... как его...

Полицейский запнулся, подбирая нужные слова.

– Короче, историческая ценность! Вот. Со времен благородных и бесстрашных рыцарей! Любишь рыцарей?

Слово «нет» чуть снова не сорвалось с губ Михаэля, но в который раз подобный ответ выглядел бы уж чересчур не красивым и не вежливым. А Майер, хоть и хотел избавиться от неожиданного сотрапезника, но грубияном выглядеть не желал. Зачем накалять отношения с людьми, с которыми, бог знает, сколько времени придется жить рядом. К тому же, в голове Михаэля возникла идея, как получить максимальную пользу от словоохотливого полицейского.

– Каждый из нас в душе рыцарь, – Майер пошел на поводу Чарли и немного пофилософствовал, – особенно, если есть прекрасная дама, перед которой можно это показать.

Немец по-приятельски улыбнулся, намекая, что каждый мужчина любит вилять павлиньим хвостом перед красивой женщиной.

– Да ты у нас дамский угодник, – хохотнул шериф, – а не рыцарь. Но я тебе дам возможность окунуться в мир рыцарей и почувствовать этот дух.

Сказав это, начальник полиции Бринстоуна деловито стал доедать последнюю булочку, выжидающе поглядывая на немца, с весёлыми искорками в глазах. Михаэля последние слова, по правде сказать, заинтриговали, и он, уже без всякой наигранности, поспешил спросить:

– Как это?

– А вот так, – в тоже мгновение ответил полицейский, будто уже знал вопрос.

И выдержав пару томительных мгновений, видимо для пущего эффекта, добавил:

– Я приглашаю тебя на бал!

В Михаэле опять разыгралась мальчишеская ирония, и он быстро спросил:

– А что, никто из прекрасного пола не согласился на приглашение?

– Да нет, что ты. Я иду с женой. Но приглашение у меня на четыре лица, так что я буду рад, если ты составишь нам компанию. И никаких возражений!

Несмотря на упреки полицейского, возражать он не стал. По двум причинам. Первая заключалась в том, что Михаэль собирался задать несколько вопросов по делу из своего расследования, а вторая причина – посмотреть на бал было бы интересно.

По последовавшим рассказам выяснилось, что «рыцарский бал» устраивали в замке барона Гамфри раз в два года, и это мероприятие любили все жители Бринстоуна. На этот бал мечтали попасть все от мало до велика, и собирались порою гости не только из города и ближних ферм, но даже из соседних городов. Попасть туда считалась почетно, так как там собирался «высший свет», особенно в старые времена, когда даже этот город принадлежал далеким предкам нынешнего барона. Сейчас же, подобного разделения в сословии не существовало, и приглашение мог получить мало-мальски добропорядочный, зажиточный господин. Вот и шерифу повезло с «билетом» на бал, чем он бесконечно гордился. Раньше, как продолжил Чарли, подобные балы были чрезвычайно шикарными, они затмевали любые другие праздники, включая День города. Все женщины, придумывали красивые наряды, дабы поразить на балу окружающих. Многие надевали маски для большего ажиотажа. Впрочем, всё это происходит и сейчас, но только сам бал уже не так блистателен как раньше.

– Говорят, – шериф наклонился ближе к собеседнику, – что барон сильно обнищал и едва сводит концы с концами. Не знаю, правда, или нет, но прошлый «Рыцарский бал» был слабеньким. Даже фейерверка не запустили. А раньше! У-у-у! Такие краски озаряли ночное небо! Ты не представляешь, Михаэль.

После того, как договорились, что в воскресенье в полдень шериф заедет к Майеру домой, и они вместе отправятся на бал, Михаэль начал задавать полицейскому вопросы по поводу смерти детишек из приюта.

Сразу стало видно, что это дело для Чарли Дуэйна, словно кость в горле, потому как, сразу же после первого вопроса, шериф весь скривился, будто вместо булочки сжевал лимон, да и настроение его как-то сразу изменилось не в лучшую сторону.

– Да что тут скажешь? Нет у нас зацепок, вот и весь сказ. Трупы детей нашли в разных местах, методы убийства тоже разные. Даже если это был человек, а не какой-то хищник (версию с диким зверем до сих пор не убираем), то доказать, что это один человек тоже не можем. Хотя всем понятно, что все эти убийства связаны. Но вот кто способен на такие зверства?

– Даже предположить боюсь, – сокрушенно ответил журналист, записывая в свой блокнот. – Что вы делаете, чтоб найти Ричарда, мальчика пропавшего пару дней назад?

– Всё, что только возможно! – уверенно сказал шериф, как заявил бы любой другой представитель власти в подобной ситуации. – Сейчас, это не для печати Михаэль, народ напуган и видит опасность повсюду, нам часто приходится проверять дома, так как соседи жалуются, мол, слышат какие-то крики, или им мерещится, будто они что-то видели. Вот только всё это пустышка, блеф. И кроме ругани и недовольства тех, кого проверяем, мы ничего не добились.

Допив свой кофе, шериф быстро попрощался, сославшись на нехватку времени, и напомним про воскресенье, покинул пекарню. Стоит отметить, что помощник его ушел намного раньше, видно решив, что ждать начальника слишком долго.

* * *

В эту ночь Михаэль почти не спал. Хотя, если быть предельно честным, то первую половину ночи он как раз спал, как младенец. Но... обо всем по порядку.

После обеда немец направился напрямик на работу. «Нью-Инстерк» как обычно встретил его звуком печатных машинок и небольшим гулом от множества говорящих между собой людей. Не вступая в долгие беседы с повстречавшимися сотрудниками, Михаэль быстро пробрался в свой кабинет, где и начал подготавливать свои заметки в более подходящий для статьи текст. С этим занятием он и провозился почти до вечера, никем не побеспокоенный. Если

не считать, что где-то часа за полтора до окончания рабочего дня к нему заглянула Анжелика Аллен.

– Привет, не помешаю? – прелестная головка черноволосой девушки заглянула в приоткрытую дверь.

– О, привет – улыбнулся Михаэль. – Заходи, конечно.

– Я подумала, ты не откажешься от кружечки кофе?

Девушка внесла на подносе две чашечки, от которых кабинет наполнился ароматным запахом. На ней было серое облегающее платье, идеально подчеркивающее ее фигуру. Подобные модели одежды Михаэль пока встречал лишь в столице.

– Ты читаешь мои мысли! – наигранно воскликнул парень. – Не иначе ты – великая волшебница.

– Да перестань, – девушка села напротив, смутившись. – Просто я видела, как ты пришел и прошёл мимо меня, даже не поздоровавшись...

Девушка сделала небольшую паузу – немой упрёк и продолжила:

– Заперся тут как великий затворник.

– Ну, не знаю, не знаю, – задумчиво проговорил Майер, – Всё возможно, но если судить по красоте, то ты точно волшебница!

– Разве все волшебницы красивы? – засмеялась довольная девушка.

– Я пока встречал только одну, – выразительно улыбнулся немец.

– Я сейчас в тебя что-нибудь кину, – игриво припугнула девушка.

Михаэль поспешно поднял руки вверх:

– Не надо, я сдаюсь! Тут кроме стульев и кинуть-то нечего, а это весьма опасно для жизни.

– То-то же. Бойся меня! В гневе я страшна.

Договорив это, Анжелика первой взяла кофе с подноса.

– Страшна? Да никогда не поверю, – продолжал шутить парень, тем временем тоже занявшись питьём.

– А ты не спорь, – упрямо сморщила носик секретарша. – И не увидишь меня ужасной.

– А может я смелый, и люблю бороться со страхами?

– Все вы смелые, – хихикнула Аллен, – до поры до времени.

– А мистер Томпсон не обидится, если узнает, что ты кофе не только ему приносишь? –

Михаэль постарался спросить об этом ненавязчивым, дружеским тоном, но, похоже, спрятать ревнивые нотки в голосе не смог.

Анжелика, кажется, прекрасно поняла мотивы парня, и лишь ухмыльнулась:

– Я многим иногда приношу кофе, особенно когда некоторые так утопают в работе, что даже про обед забывают.

Поболтав еще немного о всяких пустяках и допив кофе, девушка ушла, забрав поднос с опустевшей посудой. Напоследок, Михаэль вдруг решил пригласить Аллен с собой на Рыцарский бал. Зачем он это сделал, ведь его самого-то пригласили, он и сам не знал. Просто помнил, что у шерифа приглашение на четыре лица, и если посчитать его и семейную чету, то ещё одно место остаётся свободно. Правда, шериф мог позвать кого-то еще, не уведомляя об этом немца, но тогда, как быстро решил Майер, он бы отказался от поездки, и провел вечер, просто гуляя с Анжеликой...

Но все планы рухнули, так как удивлённая девушка с сожалением отказалась, сославшись на то, что в воскресенье будет нянчиться с племянниками, и уже никак не может это отменить.

* * *

Проснулся Михаэль от странного звука. Что-то резко разбудило парня, но, как он не прислушивался, ничего больше не услышал. Поглядев в окно, не вставая с кровати, стало понятно,

что сейчас глубокая ночь, и еще долго можно продолжать спать. Но не успел Майер повернуться на другой бок, как снова раздался грохот. Явный. Хорошо слышимый. Однако, тут же опять наступила полная тишина. Михаэль уселся на кровати, внимательно прислушиваясь. Он ещё плохо ориентировался в этом доме, но мог с уверенностью сказать, что звук доносился с первого этажа, возможно, с кухни.

«Грабители!» – Мелькнула первая здравая мысль, а вторая с паникой начала бить по голове: «Что делать?»

Немец встал с кровати и тихо, на цыпочках, подошел к окну. Напротив находился дом, где, как уже знал репортёр, проживала милая старушка. Сколько раз Михаэль проходил мимо, столько же раз бабушка сидела на крыльце в кресле качалке и, доброжелательно улыбаясь, здоровалась с новым соседом, интересовалась его здоровьем. Но сейчас, как и следовало ожидать, на крыльце соседнего дома никого не оказалось, даже качалки. И свет, к сожалению, ни в одном из окон не горел.

Майер тряхнул головой, беря себя в руки. Чем бы ему помогла старушка, даже если бы он увидел ее на крыльце? В конце концов, он мужчина и должен сам решать свои проблемы. Тем более, раз уж собрался на рыцарский бал, то и вести себя нужно по-рыцарски.

Поддерживая себя подобными размышлениями, новоявленный защитник слабых и угнетенных, осмотрел комнату в поисках верного меча. В темноте, правда, никакого достойного оружия отыскать сразу не получилось, но привыкшие к тьме глаза скоро нашли ему замену. Вооружившись бронзовым подсвечником, оставшимся здесь от предыдущих хозяев, Михаэль тихо стал подбираться к выходу из комнаты. Хорошо еще, что перед сном он запер дверь в свою спальню на ключ, хоть какая-то защита! Некстати мелькнула мысль, что когда Анжелика отказалась от поездки в рыцарский замок, он, Михаэль, должен был предложить ей помощь и вместе с ней посидеть с детьми. Но, как всегда, умные мысли приходят с изрядным опозданием.

Вставив ключ в замочную скважину, и повернув его в замке, Майер взялся за ручку двери, однако, так и не смог её повернуть. Он снова, в который уже раз за последние минуты, замер, услышав посторонний шум. Конечно, в этом доме он прожил слишком мало, чтоб идеально распознавать все звуки, но сейчас он был уверен на сто процентов. Кто-то поднялся на второй этаж по лестнице и наступил на одну скрипучую половицу в самом начале коридора. Майер несколько не сомневался в этом, так как сам уже пару раз наступал на это самое место. Впрочем, опасаясь, что доска провалится под его весом, теперь старался её обойти. А вот неведомый гость, похоже, об этом не знал. Михаэль так и стоял, держась за ручку двери, стараясь не шевелиться, и дышать через раз. Теперь он отчетливо слышал тихие шаги. Неведомый гость почти бесшумно двигался по коридору, но благодаря ветхости всего дома, каждый его шаг был слышен Майеру. Пару скрипучих шагов, и томительная, напряженная тишина, будто прищелец останавливался и размышлял, куда двигаться дальше. И снова несколько скрипучих шагов. Грабитель, или кто бы там ни был, постепенно приближался к спальне, а Михаэль до сих пор не знал, что предпринять. Разумнее всего, казалось, снова закрыть дверь на ключ, но воспалённый мозг с паникой кричал, что ни в коем случае нельзя ни единым звуком говорить врагу о своем местоположении. Оставался второй вариант. Дождаться, когда нежданный гость, считающий, что хозяин крепко спит в своей постели, зайдет в спальню и в этот момент неожиданно его атаковать. Придя к этому решению, Михаэль аккуратно выпустил ручку двери и обеими руками покрепче ухватился за подсвечник. Руки его вспотели, по спине градом тек липкий холодный пот. Осознание полного одиночества давило на психику парня. Время замедлилось, а когда шаги прекращались, мерещилось, что совсем останавливалось. Вокруг была лишь тьма, пугающая своей неизвестностью и шаги, эти противные, мерзкие и скрипучие шаги. И если бы Майера спросили, что страшнее шаги или долгая давящая тишина между ними, он бы не смог ответить.

Прошла вечность, шаги замерли прямоком напротив двери. Майер от напряжения не мог пошевелиться и до ужаса хотел закричать, то ли, пугая неизвестного, то ли, поддерживая самого себя. Несмотря на полутьму, немец с ужасом разглядел, как стала медленно поворачиваться ручка двери. Все сомнения исчезли, там явно кто-то был. И если раньше парень тешил себя надеждами, что всё это игра его, несомненно, больного воображения, а скрипы могли создавать крысы...большие такие...наглые крысы, то сейчас.... Ни один грызун не умеет поворачивать ручки двери. Михаэль поднял подсвечник повыше, готовясь к первому, и, дай Бог, последнему для грабителя удару. Секунда шла за секундой, руки парня начало сводить от непосильного напряжения, и тут, наконец...

Снова раздались шаги! Теперь они удалялись от двери. Неизвестный прошел мимо, направляясь куда-то дальше по коридору. Когда Михаэль это осознал, в голове разразился ураган мыслей. Сначала пришла радость от того, что неведомый враг прошел мимо, и значит, опасность миновала. Но тут же, стало понятно, что необходимо выйти в коридор, и непременно ударить грабителя, или кто там находится, в спину, ведь, скорее всего, тот ничего подобного не ожидает. Но, вопреки своим желаниям, ноги не сделали ни единого шага, продолжая стоять, приклеившись к полу. Нет, Михаэль не был трусом и порой смелости ему не занимать, но в данный момент инстинкт сохранения преобладал голосом разума... А шаги всё удалялись и вскоре перестали быть слышны. Отругав себя по полной программе, назвав самым последним в мире трусом, Майер решительно (но осторожно) открыл дверь и выглянул наружу.

Внимательный осмотр в обе стороны коридора ничего не дал, и тогда он с канделябром наперевес покинул свою спальню. В коридор выходило пару окон и благодаря лунному свету здесь оставалось относительно светло. Михаэль сразу же рассмотрел следы на полу. Всё-таки, лень иногда бывает полезной, ведь именно из-за неё, немец так и не помыл пол во всём доме. Коридор не был исключением и теперь на большом слое пыли, следы отчётливо виднелись. Спутать эти следы со своими Михаэль бы не смог. Чужие отпечатки были поменьше, чем его собственные и вели дальше по коридору, куда он еще сегодня не ходил.

Держа своё оружие наготове, парень пошел искать незваного гостя. Долго идти не пришлось. Коридор через несколько метров свернул под прямым углом, и, миновав полдюжины боковых дверей, уперся в ещё одну, закрытую. За ней находился чулан. Новоиспеченный хозяин дома об этом прекрасно знал, так как в первый день обследовал все комнаты, несмотря на вездесущую пыль и непрерывный чих. Не оставляя себе времени на раздумья, и на возможное отступление, Майер распахнул дверь в чулан и бесстрашно вошёл внутрь, замахиваясь подсвечником.

Но чулан оказался девственно чист, если не считать кучи всё той же пыли и висевшей везде паутины, но самое невероятное заключалось в том, что следы неведомого человека обрывались ровно в центре комнаты!

От подобного феномена у парня волосы встали дыбом, а по позвоночнику пробежала волна мороза, но стоит отдать ему должное, Михаэль, не поддаваясь панике, внимательно осмотрелся по сторонам.

Однако, в комнате не было абсолютно ничего, лишь голые стены да малюсенькое окно под потолком, в которое кроме лунного света, не пролезет даже ребёнок.

В полной мере осознав это, Михаэль Майер поспешно покинул чулан, нервно захлопнув дверь.

Глава 5

Следующий, субботний, день ничем необычным не ознаменовался. Едва проглотив пару бутербродов, Михаэль отправился в гости к ближайшей соседке. Несмотря на ранний час, добродушная старушка уже сидела на своем посту. Устроившись в кресле качалке на веранде своего домика, она уже жизнерадостно помахала Михаэлю издалека. А когда он приблизился, то увидел, что бабушка несет свою вахту не одна. Красивый, пречернящий до блеска кот лежал на коленях пожилой женщины и подставлял под ее ласковые руки свою спину. Однако, стоило посетителю взойти на крыльцо, как вся лень у зверька улетучилась. Кот уставился на парня своими чересчур умными глазами, и Михаэлю почему-то стало не по себе.

– Доброе утро, сынок, – беззубо улыбнулась старушка. – Как дела? Всё-таки решил навесить одинокую женщину? Наверно, передумал и хочешь испробовать моих пирогов? Я как раз с утра тесто замесила, так что, если немножко подождешь...

– Доброе утро, бабушка! – искренне улыбнулся в ответ немец, стараясь не смотреть на кота. Еще при первом знакомстве, они договорились, что он будет звать её не иначе как «бабушка», ей это безумно нравилось. – К сожалению, не могу, дела. Я заскочил по делу, на минутку.

– Да, да, вы молодые вечно торопитесь. Чем могу помочь, родненький?

– Вы вчера ночью ничего не слышали? Или вечером? Вообще, что-нибудь странное не заметили?

– Что случилось? – сразу сообразила соседка, схватившись за сердце.

– Всё в порядке, всё нормально, – поспешил успокоить Майер. – Просто этой ночью, я слышал непонятные звуки в доме.

Не спеша и без ненужных для больной, пожилой женщины подробностей, Михаэль рассказал соседке приключения этой ночи. Правда, про следы, ведущие в никуда, умолчал. Сказал лишь, что слышал звуки и на полу в пыли видел чьи-то небольшие отпечатки ботинок.

Вопреки ожиданиям, старушка не испугалась и не начала причитать, охать и ахать, а совершенно непредсказуемо, протянула руку за кресло-качалку и резво вытащила на свет двустольное ружьё. От её действий чёрный кот чуть было не свалился с колен хозяйки, а Михаэль рефлекторно отпрянул на шаг назад.

– Вот! Держи, – воинственно сказала соседка. – Тебе пригодится и больше никто не посмеет к тебе в дом залезть. Бери, бери! Не стесняйся!

Старушка силой стала отдавать огнестрельное оружие парню, тот сперва принял, однако, потом всё же вернул обратно. Ссылаясь на то, что ружьё ей самой пригодится куда больше, а он, мужчина, уж как-нибудь справится. Добросердечная бабуля не сдавалась и успокоилась лишь, когда немец клятвенно пообещал купить себе револьвер.

Удовлетворенная старушка спрятала ружьё на место и уже более спокойно отвечала на вопросы. К несчастью, ничем полезным она не поделилась, так как ничего подозрительного в последнее время не заметила. Попрощавшись с общительной соседкой, парень вернулся домой.

Погода в тот день выдалась ясной, но одуряющая температура спала, и свежий ветер радовал жителей своим ласковым прикосновением. Заставив себя убраться в одной из комнат, Майер первым делом вымыл окно, впуская яркий солнечный свет, а позже, повозившись с заржавевшим засовом, распахнул створки, открывая доступ для свежего воздуха. Работать стало намного приятнее и веселее, даже ночные приключения немного позабылись. Завершив уборку в данной комнате мытьём полов, Михаэль на дальнейший подвиг себя заставить не смог и решил на сегодня прекратить войну с грязью, заключив, так сказать, на пару дней перемирие. Приведя себя в порядок, он отправился в полюбившуюся пекарню, дабы спокойно пообедать.

Погода радовала, на душе стало спокойно и умиротворенно и к счастью на радость перевозбужденным нервам немца, он не заметил, как чёрный кот соседки, следил за ним, сопровождая две улицы подряд.

* * *

Воскресное утро семейная пара Дуэйн встретила в подготовительных хлопотах. Дети на эти выходные заблаговременно были отправлены к бабушке и дедушке и Марта Дуэйн, не переставая ворчала по этому поводу. Впрочем, причины для недовольства она находила без всяких усилий.

– Из-за этого бала, наши дети два дня ночуют у твоих родителей! Совсем разбалуются, и помяни мои слова, совершенно забудут подготовить уроки к школе.

– Но, дорогая, ты же сама была рада этому приглашению! – первое время шериф пытался мирно успокоить супругу. – И я же предложил взять их с собой, но ты не захотела...

– Костюмов у них нет подходящих! – пошла в новую атаку невысокая, немного полноватая женщина. Вручив мужу еще две сумки, она уперлась руками в бока. – Да и что они там будут делать? Алкоголь пить втихаря? Или по всему замку разбредутся? Кто за ними присматривать будет? Ты ж опять с друзьями общаться будешь! Знаю я тебя! И не дай бог, на сам бал не успеешь, и я останусь без кавалера!

Чарли поднял сумки и поспешно вышел из дома. Возле крыльца давно ожидала своих пассажиров запряженная двумя лошадьми повозка, которую все называли не иначе как каретой. Сейчас шла мода, что на рыцарский бал, нужно прибывать на элегантных каретах, либо на красивых конях, либо вообще пешком, но ни в коем случае не на автомобилях. Всё должно быть по традиции. Чарли же без угрызений совести пользуясь своей должностью, легко нанял подходящий транспорт и сейчас грузил семейный багаж. Что жена насовала в сумки, он себе не представлял, но поинтересоваться даже и не думал. Чем бы «дитя» не тешилось.

После того, как очередная партия саквояжей заняла свое законное место, и Чарли вернулся в дом, жена нашла новый повод для упрёков:

– Вот зачем ты незнакомого человека пригласил? Дорога дальняя, мало ли что может случиться!

– Да, очень дальняя, – проворчал шериф. – Три часа неспешной езды.

– Не три, а четыре! Ну, о чем с ним говорить даже эти три часа? Чужой совершенно человек.

– Он хороший, добрый парень, Марта. Тем более журналист. С людьми нужно общаться, надо знакомиться. Особенно тебе, ведь ты так редко выходишь в люди.

– И почему ты всегда выбираешь с кем нам знакомиться? – женщина вручила мужу новую партию багажа.

– Потому, что я глава семьи! – Шериф тоже повысил голос.

– Тащи давай в карету, глава! – усмехнулась супруга.

Когда муж в очередной раз вернулся, то не застал жену в коридоре, и, обрадованно прошмыгнув в зал, уселся в любимое кресло, наслаждаясь покоем и блаженной тишиной. Но драгоценные минуты истекли и жена вновь появилась в поле зрения шерифа. Перерыв в потоке ворчания женщины был вызван её переодеванием, зато теперь, одетая в новое бальное, нарядное платье, Марта смогла продолжить отчитывать мужчину.

– Как ты не понимаешь, что должен сначала советоваться со мной в подобных вопросах. Мы столько лет женаты...

– Тебе что, билета жалко? – вздохнул Чарли. – Или места в карете?

– Да при чем тут это, – отмахнулась Марта, кружась перед большим старым зеркалом. – Просто ты должен понять, что семейный отдых надо планировать ВМЕСТЕ.

Последнее слово женщина произнесла с нажимом и металлом в голосе.

– Я что-то не помню, чтобы ты спрашивала меня, прежде чем позвать с нами племянника.

– Не сравнивай! Тут совершенно другое. Он сын моей сестры. Моя семья.

– А я значит уже не твоя семья? – парировал Чарли. – Лучше б детей взяли, чем его.

– Перестань ворчать, как старый дед! – упрекнула супруга.

От подобной несправедливости шериф аж задохнулся, не найдя, что ответить. А Марта, будто потеряв интерес к диалогу, продолжила красоваться перед зеркалом. Шериф тем временем раздраженно взял с тумбочки вчерашнюю газету и принялся читать. Но не прошло и пяти минут, как он упустил её на колени и возмущенно произнес:

– Я его вообще не помню! Племянника твоего. Да и ему давно пора быть здесь, не хватало еще из-за него опоздать.

Не успел Чарли договорить, как со стороны входа в дом послышались чьи-то шаги, и тут же юношеский голос.

– Тётя Марта? Вы дома?

– Нет! Мы уже уехали, – крикнул в ответ шериф и снова уткнулся в газету.

Женщина бросила на мужа испепеляющий взгляд и поспешила в коридор, навстречу племяннику.

Чарли говорил чистую правду, племянника жены он видел всего один или два раза на больших семейных торжествах. И то давным-давно, мальчуган был тогда совсем юнцом. А месяц назад Джейсону исполнилось тринадцать лет. Худощавый, высокий парнишка с короткой стрижкой вошел в зал и вежливо поздоровался.

– Здравствуйте, дядя Чарли.

– Привет... Джейсон?

– Да.

– Замечательно. Как добрался? – Шериф резво встал с кресла и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Ну и хорошо, что хорошо. Общий сбор через пять минут. Кто не успеет, ждать не станем.

И вышел на улицу.

Шериф не был каким-то злодеем, или жестоким человеком, просто в данный момент настроение его было испорчено придирками Марты, вот он и сорвался немного на племяннике. Впрочем, мальчишка был озорным и веселым парнем, и на подобные нападки не обращал особого внимания, и тем более не обижался.

Ровно через десять минут, и не секундой раньше, несмотря на строгие покрикивания главы семейства, все разместились в карете. Всего четыре человека: Чарли с супругой, Джейсон и кучер правящий двойкой лошадей, сидя на козлах. В выходное утро на улицах Бринстоуна почти никого не было, и экипаж довольно скоро подъехал к дому Майера. Тот, по предварительной договоренности, поджидал на веранде. Увидев карету, Михаэль поспешно спустился по ступенькам и присоединился к пассажирам. В отличие от семейства шерифа, у немца из багажа с собой имелась лишь небольшая сумка-саквояж, которая прекрасно уместилась рядом с хозяином на сидении.

Сидения, к слову сказать, оказались довольно мягкими, благодаря тому, что кто-то предусмотрительный обшил их неким подобием подушек, что оказалось весьма не лишним. Ведь колеса у этого древнего транспортного средства использовались деревянные, и Майер почти сразу своим мягким местом почувствовал все ямы и бугорки, встречающиеся по дороге, и с радостью бы увеличил высоту сидения еще на парочку подушек.

Несколько первых минут Чарли знакомил своих спутников между собой, а карета успешно двигалась к выходу из города. И, несмотря на утренние возмущения, супруга шерифа буквально завалила Михаэля различными вопросами, начиная с надоедливого: «Как вам наш город?» и заканчивая просьбами поведать о столичных новостях. Вежливо и деликатно отве-

чая на вопросы женщины, немец рассматривал пейзаж за окном. К этому времени кучер вывел карету за пределы города и погонял лошадей на максимальной для этой проселочной дороге скорости. Поговаривали, что в редкие для этих мест обильные ливни, дороги превращались в мокрую грязь, сквозь которую даже пешеходы пройти не решались, а остальной транспорт и подавно. К счастью, почти целый месяц не было даже мелкого дождика, и единственным препятствием на дороге для движущейся кареты являлась дорожная пыль... и ямы!!!

Колесо в очередной раз наехало на рытвину, и всем пассажирам достался болезненный удар, от которого мягкие сиденья почти не спасли. Почти два часа продолжалась утомительная тряска, заставившая Михаэля пожалеть о своем добровольном согласии на это путешествие. Куда спокойнее можно было провести день дома, или прогуливаясь по городу случайно заглянуть к Анжелике...

Пейзаж за окном мало чем отличался от того, который Михаэль видел из вагона паровоза. Всё та же выжженная солнцем степь. Те же чахлые кустарники. Но зато чаще стали попадаться цветущие и богатые фермы, за которыми явно хорошо ухаживали и развивали. Подобное зрелище не могло не радовать любого жителя страны, пусть даже не патриота. Только Михаэля занимали совсем другие мысли, благо Марта прекратила расспросы и скармливала племяннику припасенные в дорогу пироги. Немец снова и снова мысленно возвращался к ночи, в которой неизвестный забрался к нему в дом. Те события никак не давали ему покоя и постоянно возвращались, даже если на некоторое время от них отгораживался. О той истории он так никому и не рассказал, кроме престарелой соседки, а поделиться с кем-нибудь и получить совет хотелось. После долгих раздумий, Майер решился, и рассказал все события своим попутчикам, в основном адресуя, естественно, шерифу.

– А когда я зашел в ту комнату, – закончил он рассказ, – то никого там не обнаружил. Вообще! Только следы,... обрывающиеся в центре комнаты. Я понимаю, что это звучит абсурдно. Но все было именно так... Мистика, одним словом. Скоро в приведенный верить начну.

– Привидения не оставляют следов, – авторитетно заявила Марта.

– Другого объяснения я не вижу, – возразил немец, ожидая ответа больше от главного полицейского города.

Но задумчивого шерифа «обогнал» молчавший до этого племянник. Проглотив последний кусок пирога, он спросил:

– А чердака там нет?

Все трое взрослых недоуменно уставились на подростка. Тот, от такого обильного внимания немного смутился, но продолжил:

– В некоторых старых домах на потолке бывают люки. Стоит потянуть за веревку, как люк открывается и оттуда вываливается лестница, ведущая на чердак.

На какое-то время в карете повисла томительная тишина.

– Откуда ты это знаешь? – наконец спросил Чарли.

– Мы с ребятами часто лазаем,... лазили в заброшенные дома, – еще более смутившись, устался в пол Джейсон. Он догадался, что взболтнул лишнее, и теперь, как минимум, придется выслушивать воспитательную беседу. Мальчишка оказался прав: тётя Марта сразу начала причитать и размахивать руками, ругая всех и вся, начиная от сестры, не следящей за своими детьми, и заканчивая племянником, который ни о чем не думает, и такими темпами попадет либо в больницу, либо в тюрьму.

Но судьба оказалась благосклонна к Джейсону, но не благосклонна ко всем пассажирам, в общем. Сильный удар потряс всю карету, заставив людей слететь с насиженных мест, а коней испуганно заржать. Экипаж наклонился на левую сторону, лишь каким-то чудом не упав на бок и движение остановилось. Юнец первым выскочил на улицу, распахнув дверь, следом выполз, в буквальном смысле, Михаэль. Чуть позже и пара Дуэйн выбралась наружу, дабы узнать при-

чину остановки. Похоже, карета ехала слишком быстро для этого участка дороги и заднее левое колесо, попав в очередную яму, слетело с оси, попутно развалившись на две части. Кучер как раз вытащил обломки из кювета и принес их к негодующим пассажирам.

– И что теперь делать? – супруга шерифа первой вышла из оцепенения при виде данной картины.

– Колесо ремонту не подлежит, – авторитетно заявил кучер и со спокойной душой пошел отпрягать лошадей.

– Можно отправиться верхом, – задумчиво произнес Майер, – или отправить одного всадника обратно в город за помощью. Я могу съездить, хотя на лошадях не ездил с детства. Но, думаю, справлюсь...

– Почти половина пути пройдена, – возразил Чарли. – Дорога в город и обратно займет слишком много времени. Мы так безбожно опоздаем, что лучше вообще сразу отправляться домой.

– Верхом на бал я не поеду! – твердо заявила Марта, с таким видом, будто ее уже собирались посадить на коня. – Ты забыл, Чарли, как в тот раз Клинстоуны приехали верхом? Над ними потом все смеялись. Это же позор!

– Какие еще есть варианты? – В ответ раздраженно спросил шериф.

– Нам нужно колесо, – Джейсон тоже решил вступить в беседу.

– И где его взять?

– Только если на ферме Чудного Джека... – Тихо произнес шериф. – Мы как раз недалеко от нее должны находиться. Полчаса, максимум час, пешком напрямик через поле.

– А у него есть карета? – уточнил Михаэль. – Или колесо?

– У этого старика всё есть, – возмущенно фыркнула Марта. – У него не ферма, а сплошная свалка всякого барахла. Он ничего не выращивает, а собирает разный старый хлам. С головой у него не в порядке, за что и прозвали его Чудным.

– Тогда вперед! – Радостно воскликнул подросток. – Чем быстрее отправимся, тем быстрее вернемся.

Похоже, он нисколько не сомневался, что он-то точно пойдет знакомиться с чудным фермером, и считал это очередным приключением. А почему взрослые не спешат составить компанию, его удивляло, и он недоуменно уставился на дядюшку. Шериф лишь сморщился на невысказанный вопрос племянника.

– Чудной Джек ненавидит Чарли, – заявила Марта. – Была одна история, шериф оштрафовал фермера на весьма большую сумму. Старик тогда сильно перепил и в ответ прилюдно пригрозил пристрелить обидчика при следующей встрече.

– Значит, – подвел итог Михаэль, – даже если Чудной Джек не пристрелит шерифа, как грозился в пьяном бреду, то вряд ли окажет какую-либо помощь Чарли. Так?

– Да.

– В какую сторону идти?

На поиски нового колеса отправились двое. В попутчики к непоседливому Джейсону вызвался Михаэль. Почему бы не прогуляться полчаса подумал он тогда, а после горько пожалел о своём решении. Хорошо ещё, что Марта настояла и напялила на голову парня широкополую дамскую шляпу. С бантиком сбоку! Все протесты Майера не возымели действия на упрямую женщину, и он сдался, мысленно успокаивая себя тем, что выбросит дамский головной убор при первой же возможности. И никакие моральные принципы его в этом деле не остановят! Однако, по прошествии пятнадцати минут, Михаэль все еще шел в этой панаме и даже не думал её снимать. Дело было в том, что солнце в поле будто жарило куда сильнее, чем казалось в начале. Шедший впереди мальчишка, постоянно оборачивался, едва сдерживая смех, но немец старался не обращать внимания на насмешки.

Глава 6

Неделю назад Чудному Джеку исполнилось 64 года. Любого нормального человека бы задело отсутствие гостей с подарками или хотя бы парочки открыток с поздравлениями в такой день. Но только не Джека. Скорее всего, его это даже радовало. Никакой суеты, никаких не нужных людей, никакой лжи, обычной для подобных случаев. Ведь, как считал старик, все поздравления и тосты это лишь бесполезное сотрясание воздуха и сплошное лицемерие. Но, по правде сказать, в последние годы, одна открытка на день рождения стала приходить. Внучатая племянница упорно не желала забывать старика, и тому в глубине души это было приятно, хотя в этом он боялся признаться даже самому себе.

Пять лет назад девушка приезжала к нему погостить на недельку и смогла немного растопить сердце сварливого, нелюдимого, ворчливого родственника. На все его недовольства девушка всегда отвечала по-доброму, с теплотой и заботой. Сперва её приезду Джек был совсем не рад и всячески это демонстрировал, но когда племяннице пришло время уезжать, серьезно огорчился. Однако, виду так и не подал! И остался старик снова один, в компании своего пса...

– Смотри, Друг, – Чудной Джек вышел на крыльцо своего дома, и, усаживаясь в кресло качалку, подозвал своего четвероногого питомца.

– Наша красавица ещё помнит нас, письмо вон прислала, – пёс по кличке Друг, слышал подобные фразы уже несколько дней подряд, но всё равно, изображал радость и, подбегая к хозяину, обнюхивал письмо.

– С днем рождения меня поздравила. Ты представляешь?

Друг лишь тряхнул головой в ответ, отчего его уши на мгновение затрепетали, ударяя владельца по морде.

– Не забывает старика, – благосклонно проворчал фермер, раскачиваясь в кресле. – Бывают же, хорошие люди! Но почему таких так мало? Здесь у нас с тобою, Друг, вообще хороших людей не сыскать! Одни мародеры, вруны и грабители!

Чудной Джек наклонился вбок и, отодвинув припрятанное под креслом ружье, достал оттуда початую бутылку с выпивкой. Глотнув пару раз из горла, он ласково потрепал пса по макушке, но тот вдруг напрягся и молча обнажил клыки, собираясь зарычать.

Старик давно изучил повадки своего верного помощника и сейчас понял, что пес учуял посторонних. А по направленному взгляду животного, да и по едва слышному разговору пришельцев, стало понятно, что гости идут вдоль невысокого, в человеческий рост, деревянного забора, и скоро появятся в открытых настежь воротах. Недолго думая, Джек, вскочил со всей возможной для себя скоростью, схватил ружье и направил его в сторону ворот.

Почти в этот же момент в проёме показались фигуры Михаэля Майера и Джейсона, о чем-то оживленно беседующих.

Раздавшийся выстрел был полной неожиданностью для всех.

Хозяин фермы, вообще не собирался стрелять, а хотел лишь припугнуть незваных гостей, да и ожидал он увидеть совсем других людей, а никак не молодого парня с мальчишкой. Возможно, по этой причине палец почти непроизвольно дёрнулся и нажал на спусковой крючок. Джейсон и Майер, минуту назад мирно разговаривающие, даже в страшном сне не могли предположить, что по ним станут стрелять. Однако, после выстрела, действовали они совершенно по-разному. Мальчишка рухнул на землю как подкошенный и быстро отполз назад, под прикрытие забора. А вот его старший спутник замер на месте, будто вылитый из бронзы истукан. Причиной оцепенения была пуля, пробившая насквозь шляпу тётушки Марты, и лишь каким-то чудом пролетевшая на полсантиметра выше головы журналиста. Пожалуй, единственным, кто оказался совершенно спокойным во время всего произошедшего, был пёс по кличке Друг.

К выстрелам он за свою жизнь уже привык и не обращал на них особого внимания, а вот шляпа, слетевшая с головы незнакомца и медленно, раненой птицей падающая на землю, заинтересовала его намного больше, и какое-то время его взгляд был прикован к ее полёту.

Первым очухался Джейсон, видимо молодость, всё-таки дает преимущество привыкать быстрее к любым, даже самым экстремальным ситуациям. Он, пригибаясь, подбежал к немцу и попытался утянуть его за собой под защиту забора, впрочем, его старания не возымели результата. А тут как раз и старик пришёл в себя.

– Вы кто такие?! – с удивлением спросил он.

Мальчишка, подумав, что его самоубийственную вылазку заметили, спрятался за спиной журналиста и оттуда сразу выдал всю правду:

– Нам это... колесо нужно...

Михаэль тем временем поднял обе руки кверху и ощупывал то место, где совсем недавно располагался женский головной убор.

– Какое еще колесо?! – возмутился Чудной Джек, спускаясь на нижнюю лестницу крыльца. – Да я вас сейчас, мародеры малолетние!

– Вы всегда так встречаете... – неожиданно, совершенно спокойно и буднично, заговорил журналист. – Пулей?

Тихий тон, с которым незнакомец задал вопрос, немного пристыдили старика, но лучшая защита – это нападение.

– Это частная собственность, – заявил Джек, опуская ружье дулом в землю. – И я имею право ее защищать от любых... как их... посягательств! И вас сюда никто не звал, ворюги!

– Мы не воры! – Поняв, что более никто стрелять не собирается, Джейсон с возмущением вылез из-за спины товарища.

– А кто же вы? Пришли незвано! Крадучись! Хотели под покровом ночи обворовать меня! Знаю я вас всех.

– Но до ночи еще... – как-то совсем по-детски, с обидой на несправедливость, начал Джейсон.

– Уважаемый, мы ни в коем случае не хотели вас тревожить, – немец сделал пару шагов вперед, устав стоять в арке ворот, но старик снова направил на него ружье и тот остановился.

– У нас в дороге произошла авария, и колесо нашей кареты сломалось. Поэтому мы и направились в вашу, наиболее близкую ферму, надеясь, что вы нам поможете.

– Я не умею чинить колеса, вам нужен плотник, – отрезал фермер.

– Но, может у вас есть другое колесо? – Спросил Михаэль, демонстративно посмотрев по сторонам. Повсюду, во дворе перед домом, лежали кучи разного барахла.

– Я не занимаюсь благотворительностью, молодой человек. – Чудной Джек был непреклонен.

– Так мы заплатим вам, – снова встрял в разговор племянник тёти Марты. Но с запозданием, вспомнив, что денег они с собой не взяли, подошел к Михаэлю и шепотом, чтоб старик не услышал, спросил, – А у тебя деньги есть?

Немец лишь неопределённо дёрнул плечом, и мальчишка почему-то решил, что нет. А хозяин фермы молчал, размышляя о том, стоит ли тратить время ради небольшой наживы.

– Двадцать фунтов, – заявил старик.

– Сколько?! – на миг Майер потерял выдержку от такой наглости. – Это нереально!

– В таком случае я вас не задерживаю, молодые люди, – подвел итог Чудной Джек. – Покиньте мою землю.

– Подождите, – Михаэль демонстративно вздохнул. – Я заплачу, если у вас есть подходящее колесо.

– Вот и отлично, – старик удовлетворенно улыбнулся. – Пройдите во-он туда, направо от вас, затем налево за дом. Там можете выбрать колесо нужное вам.

Двое послушно отправились на поиски, но как только крыльцо скрылось за углом дома, Джейсон не выдержал, и спросил:

– У тебя есть столько денег?

– Нет.

Ответ ошарашил парнишку и тот даже остановился, когда как Михаэль споро отыскал два колеса в куче старой деревянной мебели и попытался их вытащить.

– Но тогда, как мы расплатимся?

– А мы не будем, – авторитетно заявил журналист, – сейчас найдем то, что нам нужно, перемахнем через забор... и всё.

– Но... – Джейсон уставился на спутника честными наивными глазами, – тогда Чудной Джек окажется прав. И мы станем ворами.

Ответ мальчишки очень понравился Михаэлю. Естественно, что он не собирался воровать колесо. Было бы что! А лишь проверил реакцию племянника Дуэйнов на данную ситуацию.

– Не переживай, – успокоил Майер. – Что-нибудь придумаем. А пока помоги мне достать его...

– В крайнем случае, – добавил немец пряча улыбку, – тебя на колесо обменяю, думаю старику слуга не помешает... Ай! Больно! Я же шучу!

* * *

Отправив посетителей на поиски колеса, Чудной Джек вернулся в своё кресло, положив ружьё себе на колени.

– Видишь, Друг, людям всегда что-то нужно. Казалось бы, как многие считают, зачем собирать ненужные вещи? Хлам, мусор. Как бы ни так! Сейчас мы с тобою, получим изрядную сумму денег, за старое колесо...

Старик довольно посмотрел на пса, собираясь его погладить, и продолжить предаваться радужным мечтам, однако, верный охранник, снова напрягся, и, оскалив зубы, уставился в ворота. Чуть позже, и сам владелец фермы услышал тарахтение приближающейся машины. В очередной раз, верный четвероногий друг, не ошибся и почувствовал прибытие чужаков раньше, чем те показались на глаза.

Несколькими минутами позже, напротив ворот припарковался небольшой грузовичок с молодыми людьми на борту. Трое парней споро спрыгнули на землю прямо с кузова автомобиля, еще один, черноволосый, неспешно, с достоинством, открыв дверцу, покинул кабину. Водитель остался внутри.

– Здорово, Джек! – поздоровался брюнет, беря с сиденья автомобиля явно новый карабин, и закинул его к себе на плечо.

– Здоровее видали! – ответил старик. Его ружьё уже смотрело дулом в ворота. – Чего припёрся?

– Ну как же? – притворно удивился парень, ехидно улыбаясь. – Мы ж с тобой в прошлый раз договорились, что ты подумаешь о моём предложении...

– Я тебе еще в тот раз заявил, что ничего тебе продавать не буду! И если ты страдаешь потерей памяти, или, в отличие от меня, старческим маразмом, то я тебе напомним. В последний раз. Я ни ферму, ни даже мизерную часть своей земли продавать не стану! Поэтому, забирай своих головорезов и проваливай отсюда, пока я вам пару дырок не проделал!

К этому моменту, Джейсон и Михаэль с колесом подмышкой уже вернулись и медленно, скрываясь от парней за забором, двигались к воротам, с неподдельным любопытством прислушиваясь к разговору.

– Нет у тебя права стрелять, – спокойно возразил парень. – Твоя земля начинается за этими воротами, и мы их, как видишь, не пересекли. Так что, можешь опустить свою пушку...

– А хотя, – продолжил он после секунды размышлений, – можешь подстрелить меня. Я даже могу пару шагов сделать тебе навстречу, вот только мои ребята в суде заявят, что ты стрелял, когда я был за пределами твоих владений. Знаешь, что тогда будет? Тебя будут судить, а потом посадят. И вряд ли ты доживешь до освобождения. А твою ферму продадут на аукционе за бесценок. Угадай, кто её купит?

Черноволосый парень весь светился от своей сообразительности и безнаказанности, он даже сделал пару шагов в сторону Чудного Джека, намереваясь, пересечь границу, однако, старик не испугался и спокойно поинтересовался в ответ:

– А разве покойникам разрешают участвовать в аукционах? Или ты думаешь, что я промахнусь с такого короткого расстояния? Я не собираюсь стрелять тебе в ногу или в руку! Такую мразь, как ты, нужно бить сразу в голову и ради такого удовольствия я даже тюрьмы не побоюсь!

Договорив последнее слово, он к ужасу парня, вскинул своё старое, проверенное ружьё и стал демонстративно прицеливаться. Нужно было видеть, с каким перекосившимся от страха лицом, недавний наглец, развернулся и побежал к грузовику. А раздавшийся следом выстрел, который старик произвёл в воздух, вдвое ускорил продвижение парня. Он быстро пробежал мимо своих ребят и спрятался за автомобилем.

– А дедушка-то молодец, – шепнул Михаэль Джейсону, – Не растерялся.

При виде позорного бегства Чудной Джек от души захохотал. И чем сильнее смеялся старик, чем сильнее закипал от гнева черноволосый парень. Еще бы, на глазах своих приятелей он показал себя не только глупцом, но и полным трусом. Лицо его перекошилось от ярости, и он закричал:

– Ты – не жилец! Это ферма всё равно будет моя! Я приду к тебе, когда ты не будешь ждать! Я воткну нож в твоё сердце и закопаю тебя тут же на твоей земле. Никто ничего не узнает. Свидетелей нет, и не будет. О тебе даже никто не вспомнит! И твою дворнягу я тоже пристрелю, следом за тобой!

– Ты? Сам? Или опять всё чужими руками... – начал было говорить Джек, но осекся, когда внезапно, даже для самого себя, Михаэль вышел из-за прикрытия забора и показался в воротах, глядя на опеших парней.

– Насчет свидетелей ты погорячился, – уверенным голосом заявил он. – Джек давно не живет здесь один, а ты, похоже, об этом даже не догадываешься. Теперь, если с ним что-то случится, я первым расскажу шерифу о твоих угрозах, а ещё лучше, и надежнее, прямо сегодня сообщу ему, возможно, даже в письменном виде. А копию, занесу прямиком к судье...

– Тебе никто не поверит, – перебил один из молчавших до этого парней, но Майер не обратил на него ни малейшего внимания и продолжил:

– А чтобы в ваши горячие, но пустые головы не пришла мысль заодно избавиться и от меня, мой лучший друг, так же, сегодня, нанесёт визит главе полицейского участка, где и сообщит всё, что сейчас здесь слышал. А чтобы вы не подумали, будто я блефую...

Михаэль посмотрел в сторону замершего Джейсона, и сказал:

– Стой там... *Джейми*, – назвал первое попавшееся имя, – и скажи что-нибудь нашим незванным гостям, пусть знают, что я не лгу.

Мальчишка сначала слегка растерялся и с небольшой задержкой прокричал басом первое, что пришло в голову:

– Пошли вон, мародеры малолетние!

Как ни удивительно, но после этого выкрика, парни сразу, без возражений, стали собираться. Грозить одному полоумному старику много смелости не надо, а когда оказывается, что

на ферме находятся, трое, возможно вооруженных, человека, весь пыл сразу пропадает. Трое парней сразу запрыгнули в кузов, а чернявый, открывая дверцу кабины спросил:

– А вы вообще, кто такие?

– А вот это совсем не важно. До свидания! – спокойно ответил немец, и, повернувшись к ним спиной, отправился к крыльцу.

Вскоре послышался звук отъезжающего автомобиля.

Михаэль Майер подошел к крыльцу и, не поднимаясь по ступенькам, посмотрел в глаза Чудного Джека.

– Кто это были такие наглые?

Старик поспешно убрал ружье, которое так и держал в руках, но ответить не успел, так как к немцу подбежал возбужденный мальчишка, и, чуть ли не подпрыгивая вокруг, затараторил:

– Как ты здорово придумал! Они теперь сюда никогда не сунутся. Побоятся! Я бы никогда так не догадался.

Немец лишь улыбнулся, глядя на счастливого подростка, и снова с немим вопросом повернулся к Чудному Джеку.

Тот лишь устало вздохнул и присел в кресло.

– Это был Эндрю Вильсон...

Так как от гостей никакой реакции не последовало, они лишь недоуменно переглянулись между собой, тот сразу понял, что названное имя им ничего не говорит и поспешил пояснить:

– Эндрю Вильсон приходится старшим племянником нашего губернатора. А так как родных детей у главы города нет, многие считают, что преемником губернатора станет именно Эндрю. Конечно, это еще далеко не стопроцентный факт, но всё же... По крайней мере, Эндрю уже ведет себя, как законный владелец всего вокруг. Набрав несколько друзей, таких же сорвиголов, как и он, племянник делает всё, что ему заблагорассудится. Но вам, лучше поспрашивать об этом в Бринстоуне. Ко мне сюда новости доходят редко и мало...

Казалось, что последнее обстоятельство изрядно печалит Чудного Джека, хотя, по сути дела, даже чужестранец, вроде Михаэля, давно догадался, что старик ведёт затворнический образ жизни, и общаться с кем-либо не имеет ни малейшего желания. Даже сейчас, рассказывая всё это «искателям колеса», он будто делал это с неохотой, по необходимости.

– Скажите, мистер, – задумчиво произнес Майер, – а зачем Эндрю нужна ваша ферма?

– А мне, откуда знать! – громко возмутился Джек, впрочем, вспомнив, что напротив него находятся люди, которые ему помогли, смягчился и продолжил. – Слухов много ходит. Разных. Не знаю, что, правда, а что сказки. Сам Эндрю, при первой встрече, утверждал, что по моим землям будет проходить новая железная дорога...

– Земли у меня много, – гордо заявил старик, – есть фермы в три раза меньше, чем у меня. Но мне не верится, что тут проложат новые рельсы. Для чего? Когда совсем недалеко одна железная дорога уже имеется.

– В самом деле, нелогично, – согласился журналист. – А другие слухи?

– Некоторые говорят, – поведал Чудной Джек, – будто тут под землей, что-то спрятано. Слово научное произносили... Сейчас постараюсь вспомнить. Во! Полезные ископаемые.

– Авось клад? – с азартным блеском в глазах спросил Джейсон. – Сокровища. Пиратские. Старик лишь хмыкнул на подобные глупости:

– Какие пираты? Моря здесь нет, а на нашей речушке отродясь морских разбойников не водилось. Её во многих местах вброд перейти можно.

Джек ненадолго задумался, словно вспоминая, и сказал:

– Помню еще, говорили, здесь здание построить хотят. Завод кажется или типа того.

– В принципе, это не так важно, – подвел итог Михаэль. – Главное, что, скорее всего, этот Эндрю Вильсон больше вас не потревожит. Побойтесь. По крайней мере, я искренне на это надеюсь.

– А может, всё-таки здесь клад спрятан? – не унимался подросток. – Ведь не обязательно пиратский, на суше тоже разбойников хватает. Вот бы его отыскать. Можно мы его поищем?

Воодушевленный Джейсон мгновенно осекся под недовольным взглядом Чудного Джека. Ему сразу вспомнились все страшные рассказы про этого злого, жадного и нелюдимого человека. Одновременно и совесть проснулась: с чего бы владельцу фермы делиться с незнакомцами своим гипотетическим кладом? Но мальчишка взял себя в руки и решил немного загладить свою наглость.

– Впрочем, у вас тут везде сокровища, – искренне сказал он. – По всему двору. Я вот что нашел.

Джейсон бесстрашно поднялся по ступенькам на крыльцо и положил на колени старика длинный кинжал в старых потертых ножнах на не менее изношенном ремне.

– Мы не воры, – подросток спустился к Михаэлю, и, глядя на него, наигранно бодро спросил – Ну что, идем?

Вместо ответа журналиста, подросток услышал скрип ступенек за спиной, а затем рука старика легла на его плечо.

– Ну чего ты? Не обижайся, – повернул к себе мальчика Чудной Джек. – Я это сгоряча сказал. А нашел ты, действительно, сокровище. Я давно потерял кинжал, пару месяцев как. Уже и не чаял найти. Он принадлежал еще отцу моего дедушки. Считалось, что он обладает колдовскими способностями, как старинный артефакт. Хозяин фермы с улыбкой подмигнул зачарованно слушавшему Джейсону.

– Легенда, конечно, но, тем не менее, в каждой сказке есть доля правды. И если верить... Кинжал стал нашей семейной реликвией. Передавался от отца к сыну. И теперь я хочу, чтобы именно ты стал его следующим владельцем.

Старик нацепил перевязь на пояс ошарашенного подростка и кинжал в ножнах повис у того на бедре.

– Но я не могу, – через пару минут Джейсон обрел дар речи, но пояс с ножнами не снимал. – Это же ваша реликвия. А я совсем чужой.

– Я уже все решил, – возмутился старик, – так что не смей спорить. Да и кому я его оставляю? Детей у меня нет.

– Всё равно, – заупрямился ребенок, пытаясь расстегнуть ремень. – Не правильно это. Некрасиво как-то!

– Если бы ты не нашел кинжал, – сообщил Джек, – то он бы все равно у меня не был. Понимаешь? Никакой разницы. Я его уже потерял, а сейчас, хоть имею возможность тебе подарить. А от подарков не принято отказываться.

– Спасибо, – только и смог проговорить паренек. – Большое!

– Носи с честью! – пожелал старик, старательно пряча улыбку.

– У меня возник вопрос, – размышляя о своём, прервал поток благодарностей Михаэль. – Вероятно, он покажется вам немного некорректным, но всё же...

– Спрашивай, – махнул рукой Чудной Джек и с кряхтением вернулся в свое кресло.

– У вас денег много? – набравшись мужества, спросил журналист.

– Хватает, – гордо заявил тот, подумав о наглom племяннике губернатора. – Продать мне что-то решил?... Да ты не переживай. Ничего Эндрю здесь не найдет! Почти все мои сбережения хранятся в банке. Пусть хоть всё тут перероет!

– Да я не об этом, – поспешил пояснить журналист. – Вы несколько раз упоминали, что новости и различные слухи из города к вам доходят мало и с опозданием. А не хотите ли получать их быстрее?

– Мне не нужны всякие собеседники и болтуны! – резко заявил старик.

– Понимаю, – Майер выражал гранитное спокойствие. – Я предлагаю вам выписывать нашу газету. К сожалению, бесплатно организовать не смогу, но за небольшую плату, посыльный будет каждый раз доставлять вам свежий выпуск.

Видя, что старик снова хотел что-то возразить, Михаэль поспешно добавил.

– Нет, нет! С посыльным общаться вам не придется, ну если сами не захотите. Он будет оставлять газету, допустим у вас на крыльце и всё. Да и, к слову сказать, хоть увидит, всё ли тут в порядке. Про Эндрю не стоит совсем забывать. Обсудив подробнее все детали новой подписки, стали прощаться. Старик, кажется, остался доволен новой перспективой. Но, внезапно, Михаэль вспомнил о колесе, которое так и держал подмышкой:

– Так сколько мы вам должны за колесо? Совсем из головы вылетело.

– Да чего уж там, – Отмахнулся Чудной Джек. – Так забирайте. На память.

И по-доброму рассмеялся.

Глава 7

Несмотря на серьёзные опасения, на «Рыцарский бал» успели вовремя. Хотя к замку прибыли в числе последних, но во временные рамки уместились. Не зря карета неслась, как угорелая. Благо, что никаких больше поломок по дороге не случилось. Сама замена колеса прошла быстро и непринужденно. Михаэля больше смущала тётушка Марта, которая многозначно рассматривала его неприкрытую голову, но ничего спросить так и не решилась. Видимо подумала, что парень её подарок просто выбросил. Журналист не стал ничего объяснять. А вот про угрозы племянника губернатора, шерифу рассказал со всеми подробностями, пока находились в пути. Стоит отметить, что Чарли Дуэйн отреагировал спокойно, буднично, но осталось непонятным, то ли полицейский давно знает о похождениях Эндрю Вильсона, то ли просто не имеет права его наказать или не хочет. Правда, после окончания рассказа журналиста, всё-таки пообещал иметь всю эту историю в виду...

Замок Гамфри и вправду поражал гостей своим величием. Времена рыцарей давно прошли, однако посмотреть на рыцарский дом-крепость желающие всегда находились. Твердыня располагалась на невысокой скальной гряде, защищённой по периметру высокой стеной и окруженным высохшим от времени рвом. К единственным в стене воротам можно было попасть, только если защитники замка опустят мост. В данный момент, проезжая по этому мосту, Михаэль с уверенностью понял, что мост не поднимали как минимум лет двадцать. Да и само сооружение из старых досок вызывало серьезные сомнения в надежности переправы. Обошлось. Проехав через крепостную стену, карета оказалась во внутреннем дворе, в центре которого и находился сам замок. Имелось тут много и других строений, в основном деревянных, хозяйственных, которые не шли ни в какое сравнение с основным каменным зданием. Украшенный несколькими башнями, барельефами и различными лепнинами, серокаменный замок представлял истинное величие былых лет. На одном из самых высоких шпилей величественно развивался флаг, как попутно объяснил шериф, на флаге изображался герб: золотой лев, вставший на задние лапы. И вешали его довольно редко, лишь в честь больших праздников.

Конечно, любой пессимист легко заметит и сколы на крыльце, ведущим в донжон, и отсутствие одного «зуба» на левой башне, и многие другие дефекты, потёртости, поломки, которые неизменно появляются по истечении времени. Но сейчас, в вечерних сумерках, в свете ярко горящих факелов, коими был украшен весь двор и стены, Михаэлю, да и его спутникам, всё казалось сказочно красиво. Правда, при этом и немного жутковато от вида множества открытого огня, и нервно пляшущих теней, образующих странные фигуры. Во дворе успело собраться множество гостей, помимо спутников шерифа, они деловито гуляли, общались, знакомились. Встретивший карету лакей повел новоприбывших сразу в замок.

Главный вход в донжон обычно преграждали массивные двустворчатые двери. В стародавние времена за ними защитники замка держали вторую линию обороны, если враг сумеет преодолеть внешние стены. Сейчас же, проходя в замок, Михаэль, рассматривая солидную толщину этих деревянных ворот (назвать их дверями язык бы не повернулся), понял, насколько суровы были давние времена и насколько мужественны люди, защищающие себя и своих родных с оружием в руках.

Пока немец размышлял на эту тему, лакей провел гостей через несколько коридоров и вывел в большой, ярко освещенный зал. От обилия люстр и свечей спутники вначале зажмурились, но, быстро привыкнув, рассмотрели множество накрытых угощениями столов.

Народу здесь было не в пример больше, чем во дворе. Одна часть из них, разбившись на небольшие группы, о чем-то общалась, весело смеялась. Другая – сидела за столами, поглощая различные яства и напитки. Некоторые, особо ловкие, умудрялись совмещать оба занятия сразу. К примеру, толстяк в чёрном фраке, на которого Михаэль непроизвольно обратил вни-

мание, одновременно сумел накладывать к себе в тарелку куриные ножки и при этом громко что-то объяснял своему соседу справа. Что именно, журналист, конечно, расслышать не сумел.

Лакей указал шерифу на их места и удалился. Стоит отметить, что свободных мест за столами еще хватало, видимо хозяева замка заранее всё предусмотрели. Шериф, усадив Михаэля и Джейсона за стол, сам в сопровождении супруги устремился к самой многочисленной группе беседующих. Как позже узнал немец, именно там находился барон Гамфри и губернатор Бринстоуна. Потому-то, семейная пара Дуэйн и поспешила туда, засвидетельствовать своё почтение, и как бы доложить о своём прибытии. Пока немец с неприкрытым любопытством рассматривал всё вокруг, включая остальных гостей, и различные гобелены, украшавшие стены, его юный спутник деловито наполнял свою тарелку различными вкусностями. И когда, наконец, Михаэль посмотрел на Джейсона, сидевшего по правую от него руку, тот с набитым ртом поинтересовался:

– А ты чего, есть не будешь?

Журналист помедлил с ответом, и тут заговорил сосед слева.

– Зачем есть, когда можно пить?

Михаэль повернулся к стройному мужчине, одетому в тёмно-малиновый костюм. На лице его была чёрная, дешёвая маска, прикрывающая лишь глаза. Незнакомец как раз наливал вино в кубок Михаэля.

– Попробуйте. Вино здесь подают просто великолепное. Барон на этом не экономит.

– Благодарю, мистер... – Немец специально сделал длинную паузу, указывая, что не знает, как обращаться к собеседнику.

Маска лишь хитро улыбнулась.

– Да какая разница? Видите? Я в маске, – мужчина поднял свой кубок, – значит инкогнито. Давайте выпьем! За здоровье нашего незабвенного барона Гамфри!

Журналисту ничего не осталось, как тоже поднять свой кубок и поддержать тост. Хотя сделал он всего лишь один маленький глоток в отличие от соседа, который, долго смакуя напиток, опустошил бокал полностью и решил представиться.

– Ричард Мангуст! Ученый. – И протянул руку для рукопожатия. – Рад знакомству.

– Михаэль Майер. Журналист.

– А я Джейсон. Здравствуйте, мистер.

– Привет, малыш. – Кивнул мальчишке Ричард. – Вы здесь впервые?

Михаэль согласно кивнул и принялся наполнять свою тарелку по примеру мальчишки. Тот уже многое попробовал и со знанием дела не совсем деликатно, указывая пальцем на самые вкусные, по его мнению, блюда.

– А я уже четвертый раз, – с гордостью поведал ученый. – После первого раза, когда попал на бал совершенно случайно, стараюсь не пропускать. Мне очень нравится дух рыцарства. А эти каменные стены, они столько всего видели... А на танцах можно познакомиться с прекрасными дамами. Вы не женаты? – И получив отрицательный ответ, продолжил, – Здесь манеры, здесь этикет! Грация! Аристократизм! Но главное всего, это чудесное вино. Барон изготавливает его здесь, по старинному рецепту, и ни за какие деньги свой секрет не раскрывает. Уж сколько раз я не просил... Давайте выпьем, дорогой Михаэль!

Но снова поднять кубок помешали вернувшиеся Чарли и Марта. Они уселись напротив и сразу поздоровались.

– Добрый вечер всем!

– Рад тебя видеть, Ричард, – Чарли потянулся за бутылкой с вином, пока Марта обратилась к племяннику:

– Джейсон, через десять минут состоится поединок рыцарей, доедай быстрее и поспеши, если не хочешь пропустить это зрелище.

Племянника не нужно было просить дважды, и вскоре вся компания, не успев толком перекусить, направилась во двор, где и предстояло свершиться «Смертельной Схватке», как напыщенно восклицали об этом глашатаи. Ричард Мангуст так же покинул пиршественный зал вместе с новыми знакомыми, не забыв прихватить с собой початую бутылку.

– Здесь так можно, – заговорщицки шепнул он Михаэлю, не пряча озорной блеск в глазах.

Интересно, но, несмотря на показную простоту и увлечение алкоголем, Михаэлю казалось, что учёный далеко не так прост, как хочет выглядеть. Напротив, Мангуст виделся немцу довольно образованным и умным человеком, и, что еще не вероятнее, на него будто не действовало вино. В глазах, даже когда тот шутил, был виден ясный, не затуманенный разум.

А на заднем дворе, как бы за спиной замка, два рыцаря в полных доспехах уже стояли напротив друг друга в широком круге из ярко полыхающих костров. Михаэлю и остальным с трудом удалось протиснуться сквозь собравшуюся толпу зрителей, но все же на бой они успели загодя.

Рыцари только начали ходить по кругу и демонстрировали свою удаль: блестели доспехами, поднимали и опускали оружие. Красовались перед публикой, подогревая интерес к сражению. Толпа многоголосым криком и аплодисментами поддерживала своего избранника. Оба рыцаря, на неискушенный взгляд журналиста выглядели одинаково. По крайней мере, железными доспехами и шлемами, полностью закрывающими тело и голову соответственно. Первый, высокий, широкоплечий рыцарь держал в руках огромный двуручный меч. Его единственное оружие смотрелось как-то сиротливо на фоне вооружения второго рыцаря. Тот, на голову ниже первого, и не такой крепкий на вид, на бой вышел, вооружившись не только обычным мечом, но и круглым щитом, в центре которого торчал железный шип.

Мальчишка Джейсон, чуть ли не подпрыгивал от нетерпения, да и учёный негромко высказал всеобщую мысль:

– Поединок должен быть знатным. Как думаете, кто победит?

Спор разгорелся нешуточный. Даже Марта Дуэйн высказала своё непреклонное мнение в этом, по сути, мужском деле, заявив, что рыцарь со щитом непременно победит. Джейсон же считал иначе, искренне веря в силу высокого рыцаря. Тем не менее, вопреки желаниям, Михаэлю поединок рыцарей посмотреть не удалось. Два рыцаря успели лишь обменяться несколькими ударами, как немца взяли рукой за правую ладонь и потянули прочь из толпы зрителей. Возможно, Майер бы отдернул руку, воспротивившись столь наглому поведению, однако, когда он оглянулся, то увидел, что за руку его тянет Кэрри.

Девчонка, оттащив парня от арены и от большого скопления людей, отпустила ладонь Михаэля и пошла дальше, куда-то вглубь двора. Похоже, она была абсолютно уверена, что журналист последует за ней. Так и случилось, только немец быстро догнал ребенка и пошел рядом.

Редкие встречные люди совершенно не обращали на эту парочку внимания, занимаясь своими делами. А Кэрри продолжала идти медленным шагом, словно просто наслаждаясь ночной прогулкой. Михаэлю даже показалось, что они несколько раз проходили по одному и тому же месту, вот этот сарай они точно обходили. Или здесь их несколько, подобных?

– Что ты тут делаешь? – Михаэлю надоела эта бессмысленная молчаливая прогулка, и он остановился.

Девочка же продолжила идти, сделав еще с десяток шагов, и лишь потом остановилась, будто в раздумьях.

– Гуляю. – Ответ Кэрри он скорее почувствовал, чем услышал. Голос ее был очень тихим.

– Вам же нельзя покидать приют без разрешения, – Михаэль обошел девчушку и встал напротив неё. – Тем более так поздно и далеко.

Кэрри смотрела в землю, ее черные волосы, спадая вниз, закрывали часть лица. В ответ на слова Майера она лишь тряхнула головой, словно отмахиваясь от неважной мелочи.

– Может тебя в приют проводить? Может ты заблудилась?

– Я здесь часто бываю, – уверенным голосом ответила сирота и упрямо посмотрела в глаза собеседнику.

Михаэль поспешно отвёл взгляд, боясь посмотреть в «чёрную бездну» глаз ребёнка, не дай бог, там снова будет ледяная пустота.

– Ты меня боишься? – голос девочки стал заинтересованным.

– Боюсь? С чего ты взяла? – Неожиданный вопрос изрядно смутил Михаэля. – Мне... просто интересно! Зачем ты меня увела? Там рыцари сражались.

– Там нечего смотреть, высокий победит.

– Откуда ты знаешь? – уверенный тон Кэрри не вызывал сомнений в ее словах, но немец хотел уточнений. – Ааа... Раз ты здесь бывала раньше, то наверно видела этот бой? Подставной?

– Нет, не подстава. Здесь еще встречаются люди, которые ведут себя честно.

Девочка повернулась налево и снова медленно зашагала.

– Эй! – окликнул её Майер. – Ты куда опять?

Кэрри на минуту остановилась, вытянула руку, указывая вперед, и продолжила путь. Немец чертыхнулся и снова догнал Кэрри, поравнявшись с ней. Какое-то время вновь шли молча. Майеру неожиданно для самого себя стала нравиться подобная прогулка: относительная тишина, чистый ночной воздух, крепостная каменная стена, которую можно было коснуться левой ладонью... Немец, даже сразу не заметил, когда его спутница остановилась, а он так и продолжил идти. Лишь через пару шагов он обернулся, посмотрев на замершую девочку, и подошел к ней. Та, как и в первый раз смотрела вниз, к себе по ноги, то ли смущаясь, то ли ей был не интересен окружающий её мир. Но не успел Михаэль сказать хоть слово, как услышал вопрос Кэрри.

– Ты, правда, хочешь меня удочерить?

Вот тут Михаэль реально застыл. Этот ребенок явно умел задавать внезапные вопросы, которые надолго ставили в тупик. В голове парня промелькнула куча разных мыслей. С чего она такое решила? Неужели подслушивала наш разговор с директрисой? Или та сама все сказала девочке? Загадка. И что теперь делать? Сказать, что пошутил? Слишком жестоко будет.

– Возможно, – прокашлялся Майер, – ещё не решил. Но откуда ты знаешь?

– Я всё знаю, – уверенности в голосе ребенка мог бы позавидовать и столетний мудрец. – Точнее многое, по крайней мере, больше, чем окружающие.

– Значит ты у нас волшебный Оракул? – Михаэлю сильно захотелось спустить зазнавшуюся девочку с небес на землю. – И знаешь ответы на все вопросы?

– Да, – спокойно ответила Кэрри, отбросив прядь волос с лица на затылок.

– Скажи, как выглядит наша планета?

– Шар.

– Сколько цветов у радуги?

– Семь.

– Сколько всего материков?

– Шесть.

– И назвать их можешь?

Кэрри не задумываясь, перечислила их все:

– Расположить их в порядке уменьшения? Самый большой материк Евразия, затем...

– Судя по всему, вас в приюте неплохо учат. Географию ты знаешь, – перебил её Михаэль.

– Чтобы у тебя ещё спросить? – задумчиво произнес парень. Кэрри тем временем прислонилась спиной к стене и терпеливо ждала.

– Отчего идёт снег?

– От холода. При минусовой температуре вода замерзает, и вместо дождя идёт снег.

- А знаешь, где текут реки без воды? – Майер решил задать вопрос с подвохом.
- На географических картах.

Осведомленность девочки-сиротки поражала. Она легко ответила еще на несколько вопросов, но поверить в то, что она знает абсолютно всё на свете, Михаэль не хотел. А потому решил задать такой вопрос, ответ на который сам бы хотел узнать.

– И кто убил трех детей из сиротского дома, тоже знаешь? – наболевший вопрос сам слетел с губ удивленного журналиста, однако ответ Кэрри поразил его больше.

- Знаю.
- Михаэль! – Послышался голос за спиной. – Вот ты где. Куда пропал так резко?

Немец обернулся, встречаясь взглядом с Чарли Дуэйном. Шериф счастливо улыбался и его притворное возмущение, никак не сочеталось с довольным взглядом человека, изрядно принявшего на грудь.

– Да я тут, вот... – Михаэль обернулся к Кэрри, но ее уже и след простыл. Посмотрев по сторонам и так и не найдя, девчонку, сказал – Прогуляться решил.

– Ты это дело брось! – ворчал полицейский. – Ушёл и ничего не сказал! Некрасиво, согласишься? Будь на моём месте кто-либо другой, подумал бы, что тебе тут не понравилось, или тяготит наша компания.

Михаэль попытался всё отрицать, но шериф не стал слушать. Обняв парня одной рукой за плечи, он повёл его в сторону замка.

– Не переживай, я всё понимаю! Не всем интересно смотреть, как две «консервы» дубасят друг друга мечами. Ха-ха-ха! Но всё-таки, предупредить нас стоило. Вдруг у тебя чего случилось? Марта вон уже распереживалась. Кстати, это она отправила меня, тебя поискать.

– Да что со мной может случиться? – оправдывался немец. – Всё нормально.

– Это ты Марте позже сам расскажешь. Сейчас же, я познакомлю тебя лично с бароном. Поединок рыцарей окончен и все снова вернулись в пиршественный зал. У барона есть немного времени перед началом бала. К слову сказать, тебе тоже нужно пойти. Познакомишься с дамами, поразишь их своими манерами и танцами. Тут есть такие красавицы! Будь я чуток моложе.

И Чарли Дуэйн довольно рассмеялся.

В замке многочисленные гости снова собрались в пиршественном зале, хотя, были и такие, кто не отвлекался на ночные прогулки и трапезу не прекращал. Однако, прислуга по новой накрывала столы свежими яствами, доставала новые бочки со спиртным, а музыканты, одетые в старинные костюмы менестрелей, стали настраивать свои инструменты.

Шериф провел журналиста мимо пиршественного зала, из которого ароматные запахи так и манили к себе, вызывая чувство легкого голода даже у тех, кто до этого момента уже успел изрядно подкрепиться. Михаэль хотел остановить своего веселого проводника с просьбой сначала продегустировать пару-тройку блюд, но благоразумно сдержал свой порыв. Видимо, немец родился под счастливой звездой, так как, еще до того, как спутники дошли до широкой лестницы, ведущей на верхние этажи, их догнал Джейсон. В руках он держал большую тарелку с пирожками. Пока поднимались на третий этаж, Майер и за компанию с ним Чарли, опустошили блюдо, а мальчишка успел рассказать, что тётушка Марта отправила его разузнать все ли в порядке у мужчин, и передать, что заняла им места в пиршественном зале. От себя Джейсон успел добавить, что мистер Ричард Мангуст просто кладезь интереснейших историй, которыми он прямо завалил счастливого подростка. Напоследок, уже перед входом в кабинет барона, Джейсон с блеском в глазах напомнил, что в полночь состоится настоящий фейерверк. И пропустить это событие никак нельзя.

Чарли отправил племянника обратно к тёте, но, в каком-то порыве, Михаэль остановил мальчишку и спросил, кто победил в рыцарском поединке.

– Сэр Джейми! – Радостно воскликнул мальчишка, но видя, что имя ничего тому не говорит, поспешил пояснить. – Ну, высокий. Ты разве не видел? Он чуть ли не первым ударом своего двуручника разломил щит соперника пополам!..

Джейсон готов был описать бой рыцарей в мельчайших подробностях, но наткнулся на суровый взгляд шерифа.

– И потом почти сразу победил, – мгновенно «урезал» свой рассказ мальчишка и ретировался.

– И тут она знала... – тихо прошептал Майер.

Вход в кабинет барона венчали красивые резные двухстворчатые двери из благородного красного дерева. Шериф постучал и, дождавшись разрешения войти, открыл одну створку, пропуская Михаэля первым.

Кабинет оказался большой, даже огромной комнатой, обставленной, естественно, в средневековом стиле. Прямо напротив входа, у дальней стены располагался массивный письменный стол, заваленный кучей книг и манускриптов, а еще дальше, полностью закрывая собой стену до потолка, возвышался книжный шкаф. На непрофессиональный взгляд журналиста, оба предмета интерьера, и стол и шкаф, были сделаны из одного и того же темного дерева. Правую сторону кабинета, если смотреть от входа, украшали три больших, широких, чуть ли не во всю стену окна. Что было довольно странно, так как, в подобных замках окна, обычно, делали маленькими, почти как бойницы, а здешние оконные проёмы больше подходили к изысканным дворцам. Главной задачей которых, было поразить всех своей красотой, своим великолепием, но никак не местом, где один меткий лучник, мог обороняться от многочисленного захватчика. Пол кабинета накрыли светло-коричневым тёплым и мягким на вид ковром, таких больших немец в своей жизни еще не видел. Он занимал всю площадь комнаты, и лишь слева, перед горящим сейчас камином, вместо него на полу развалилась шкура льва. Вокруг давно убитого зверя располагалось три кресла и низкий столик, стоящий на трех изящных ножках. На столике дожидался своего часа чайник с кипятком и несколько фарфоровых чашек. Кроме всего выше перечисленного, в кабинете вполне удобно уместился небольшой диван, стол на шесть персон с таким же количеством стульев, люстра с множеством свечей и сундук, накрытый красным покрывалом.

Барон встретил посетителей сидящим перед камином. Михаэлю он показался задумчивым, уставшим и постаревшим, совсем не таким, каким его все видели на открытии «Рыцарского бала». Впрочем, когда гости подошли ближе, барон поднялся навстречу и радушно поприветствовал гостей. Теперь он выглядел добрым, радостным и радушным хозяином, будто «ожил» или одел качественную маску. Такая резкая перемена озадачила журналиста, но он списал всё на своё богатое воображение.

Знаменитый барон Гамфри облачился в красивый модный костюм, такой не побрезговали бы купить и в столице. На вид ему можно было дать лет пятьдесят-шестьдесят, не больше. Был он ловкий, подвижный, подтянутый и лишь полностью седые волосы, да морщинистое лицо выдавали его возраст.

– Рад встречи, господи! – хозяин замка предложил гостям присесть. – Спасибо, что откликнулись на моё приглашение.

– Ну, что ты, Генри, – шериф, с улыбкой на лице, бесшабашно развалился в предложенном кресле. – Ты же знаешь, я всегда счастлив, навестить тебя в твоей изысканной берлоге.

Похоже, между шерифом и бароном имелись дружественные, если не родственные отношения, однако, Михаэль себе позволить подобное поведение не мог. Ведь перед ним сейчас – настоящий барон, истинный аристократ и лорд. Это обязывало.

Немец деликатно, с достоинством, присел на край кресла, не забыв поблагодарить. Барон с интересом кинул на него быстрый взгляд и собственноручно стал разливать чай в приготовленные чаши.

– Угощайтесь, друзья, – радушно предложил Герман Гамфри. – Конечно, это не вино, что в данный момент льется в пиршественном зале, но тоже очень неплох. К тому же, думаю, мы сегодня ещё успеем многое попробовать и оценить.

Чарли с веселым смехом уверил друга, что он-то точно сегодня успеет попробовать всё, и по несколько раз. После пары-тройки подобных шуток шериф представил барону своего спутника. Мужчины обменялись рукопожатиями. Последовало несколько банальных вопросов, которые немцу уже осточертели, и на которые, тем не менее, приходилось отвечать раз за разом.

– Вы наверно недоумеваете: зачем этот старик меня пригласил? – с улыбкой спросил барон.

Михаэль, держа горячую чашку двумя руками, вдыхал аромат чая, и решив не обманывать, в ответ лишь согласно кивнул. Вообще, если честно, этот вопрос его заинтересовал сразу, как только Чарли сообщил ему о походе в кабинет. В голове Майера не укладывалась мысль, что представитель высшего сословия захочет побеседовать с простым парнем. Пусть даже и прибывшим из столицы.

– Всё очень просто, – продолжил барон, словно в нерешительности, – у меня к вам есть одна просьба...

– Чем смогу... – деликатно ответил журналист.

– Как у вас со свободным временем?

Немец задумался. По сути, с самого своего приезда в Бринстоун, он ничем серьёзным занят не был, но и от безделья не страдал. Самым важным, несомненно, оставалось задание главного редактора. Томпсона нужно непременно поразить своей статьёй и заслужить признание и похвалу. А ещё и в доме своём генеральную уборку провести. Майер поморщился, вспомнив об этом и ответил, что время, в принципе, есть, да только, каждая лишняя минута уходит на приведение в порядок личного жилища.

– Вы не представляете, сэр, сколько там пыли, грязи и паутины. Я только на одну комнату потратил без малого целый день.

– Это не проблема, молодой человек, – уверенно заявил барон. – Решим вопрос.

Допив чай, немец поставил чашку на столик и вопросительно посмотрел на хозяина замка. Тот был задумчив, и, казалось, уже забыл о своей просьбе, либо решил её вовсе не озвучивать. Михаэль Майер не стал торопить и незаметно взглянул на шерифа. Чарли восседал в кресле с видом всем довольного и умиротворенного человека. Руки, сложенные ладонями на животе, заинтересованный взор, блуждающий по потолку. Почувствовав на себе внимание журналиста, полицейский одобряюще ему подмигнул.

– Я бы хотел, – через пару минут тихо заговорил барон, – чтобы вы написали в газете обширную статью о нашем «Рыцарском бале». Небольшая реклама нам не повредит, и, возможно, всячески поспособствует развитию замка. Сможете?

– Всенепременно! Ничего сложного тут нет. Я несколько раз освещал подобные мероприятия, работая в Лондоне. Но одно дело написать статью, и совсем другое – опубликовать её в газете. Хотя, уверен, что мистер Томпсон будет не против, и с радостью пропустит мою писанину в печать.

– Превосходно, – сказал Гамфри, однако большой радости на лице его не обозначилось. – Вам понадобятся письменные принадлежности? Всё что нужно вам сейчас же предоставят.

– Не нужно, – улыбнулся Майер – Всё, что я вижу – записываю в голову. Позже остается только перенести это на бумагу.

– Благодарю.

Михаэль встал, оправив костюм. Раз уж вопрос решён, как посчитал он, то не стоит злоупотреблять гостеприимством хозяина и пора покинуть кабинет. Ошибся.

– Сядь, Майер! – несколько грубо сказал ему шериф, и таким же тоном обратился к барону. – Генри! Ну, сколько можно тянуть? Мы же уже всё решили. **ТЫ** сам решил. Тогда переходи к делу. Иначе мне вина точно не достанется! Всё выпьют!

– Не переживай, для тебя я всегда найду лишнюю бутылочку, – барон прокашлялся, пряча за шутками смущение. Похоже, шериф его пристыдил.

– Меня одной, маленькой бутылочкой не спасти, – едва слышно проворчал Чарли Дуэйн.

А барон тем временем снова повернулся к журналисту, который вновь вернулся в кресло и выглядел слегка озадаченным.

– Я прошу вас написать книгу, – вздохнув, проговорил барон. – Книгу о моей семье, о родословной, о моём замке... К сожалению, большой гонорар предложить не могу, но в качестве бонуса, я распоряжусь, чтобы ваш дом привели в порядок, и приготовили вам личные апартаменты в замке. С питанием.

* * *

Уже покидая кабинет барона, Михаэль и Чарли столкнулись с двумя пришедшими мужчинами. В одном из них, немец без труда узнал губернатора. Высокий, крепко сложенный, уверенный в себе брюнет, больше походил на военного, чем на представителя власти. Вторым был тот, с кем встречаться немец не имел ни малейшего желания, однако, прятаться теперь поздно. Эндрю Вильсон по удивленному выражению лица тоже не ожидал здесь повстречать неизвестного защитника фермы Чудного Джека. Генри Гамфри, как гостеприимный и учтивый хозяин, поспешил представить гостей друг другу. Когда барон назвал имя и профессию немца, на лице племянника губернатора заиграла довольная ехидная улыбка, не сулившая Михаэлю ничего хорошего. Вежливо поприветствовав друг друга, мужчины разошлись. Губернатор с племянником вошли следом за бароном в комнату, в то время как шериф повел спутника обратно на праздник.

– Что им тут понадобилось? – по пути возмущался Майер.

– Барон далеко не последний человек в Бринстоуне, – ответил Чарли – Естественно, что у него много общих дел с губернатором.

– Не спорю! Но что Эндрю тут забыл?

Шериф лишь пожал плечами, напоминать, что племянник главный претендент на пост губернатора он считал излишним.

– Ты видел, как он на меня смотрел? – не унимался молодой человек.

– Кто? – удивленно переспросил Чарли Дуэйн, и даже на минуту остановился.

– Да Эндрю! – возмутился журналист. – Ты вообще меня слушаешь? Полицейский поспешил уверить, что слушает со всем вниманием.

– Эта его улыбочка! – продолжил Майер. – Будто оскал шакала или гиены!

– Ты преувеличиваешь...

– Думаю, теперь у меня, и, возможно, у Чудного Джека будут проблемы.

– Да ничего не будет, не переживай, – успокоил парня шериф. – А если и будет, сразу сообщи мне. Но не заморачивайся на этом, лучше займись книгой для барона.

– Зачем барону она нужна? – послушавшись собеседника, поинтересовался журналист.

– У барона очень знаменитые предки, – шериф продолжил путь, попутно объясняя. – Богатая история поколений. У Генри детей нет, и в последнее время, ему стала докучать мысль, что после его смерти никто ничего не узнает, никто не вспомнит подвиги его рода.

– Он сам тебе это сказал?

– Не совсем, – признался шериф. – Я стал часто замечать, что барон постоянно грустный, печальный, словно гложет что-то его изнутри. За месяц постарел на пару лет! Сначала я, признаться, списывал всё на срочный отъезд его младшего брата. Они были очень близки. Но

позже понял – дело не в этом. Или, не только в этом. Ну и, однажды я «прижал» его, заставив высказаться.

– Брат? – переспросил немец.

Чарли кивнул:

– Единственный родственник. Намного моложе барона, возможно, твой ровесник. Никогда не интересовался возрастом. Генри души не чаял в своем братишке, всячески оберегал его и баловал. По сути, он братишке отца заменил. Но тебе, думаю, барон сам всё расскажет. В библиотеке замка есть, конечно, большой архив записей, воспоминаний, биографий. Ты ознакомишься, перепишешь, и... не знаю, чего еще сделаешь, но, скорее всего, барон сам многое поведаст, тебе останется только всё успеть записать.

– А куда брат уехал?

Чарли пожал плечами:

– Не знаю. По семейным делам. Конкретного ответа от барона я не добился. Но уехал он довольно давно, по-моему, с ним что-то случилось, и, скорее всего, он не вернется.

За время разговора успели спуститься обратно на первый этаж. Тут уже отчетливо стали слышны голоса, звуки и музыка из пиршественного зала. Похоже, танцы или как высокопарно говорила тётушка Марта, бал, начался или вот-вот начнется. Чарли ускорил шаг.

– Пошли скорее! Хватит о делах, пора повеселиться.

Совершенно случайно, в одном из перпендикулярных коридоров, Майер заметил спину своей недавней собеседницы, уверявшей, что всё на свете знает.

– Я догоню. Позже, – крикнул он удалявшейся фигуре шерифа и поспешил вслед за девочкой.

Майер не ошибся, и быстро догнал Кэрри.

– Пошли. Нам нужно поговорить. – Довольно бесцеремонно и сильно схватил ребёнка за плечо и потащил за собой.

Кэрри, как ни странно, вовсе не сопротивлялась и ни единым словом не обмолвилась, что ей больно. Какое-то время, немец плутал по многочисленным коридорам, пытаясь уйти от многочисленных компаний, попадавших на пути и найти спокойное безлюдное место для разговора. Гости в основном не обращали внимания на странную парочку, кое-кто лишь проводил их взглядом. Но остановить и поинтересоваться «куда вы идёте?» никто и не подумал. Наконец, журналист увидел лестницу, ведущую вниз, и решительно по ней спустился. Подвал, о котором подумал Михаэль, оказался длинным коридором с многочисленными дверями, а никак не складом с провизией или другим инвентарём. Пара дверей на попытки их открыть ответили отказом, однако, одна оказалась не заперта. Немец широко распахнул дверь, за ней была маленькая комната: лежанка, стол, два стула. То, что нужно! Однако, попытка завести туда девочку провалилась. Кэрри, с несвойственной для ребенка силой, вырвалась из его цепких пальцев, и, с шипением отпрянула к противоположной от двери стене. Реакция Кэрри была полным сюрпризом, а от звука, который смогли бы создать полсотни рассерженных кошек, по телу парня пробежала волна ледяных мурашек.

– Ты чего? – лишь смог выдавить из себя он.

– Мне.

– *Туда.*

– Нельзя.

Твердый, уверенный и до боли холодный тон, казалось, никак не мог принадлежать маленькой девочке. Затяжная пауза, между каждым её словом, добавляла странности всей ситуации. А слово «туда» вообще было произнесено с нажимом, со странным потусторонним акцентом.

Длинные волосы Кэрри при этом приподнялись, будто наэлектризованные, и Михаэль позже никак не мог вспомнить, был ли в коридоре сквозняк, так легко игравший с локонами.

Мгновением позже, девочка оправила своё платье, и, как ни в чём не бывало, отправилась обратно, вверх по лестнице. Михаэлю потребовалось некоторое время, чтобы окончательно прийти в себя, и лишь после этого он тоже поднялся наверх. Упорные поиски девочки не увенчались успехом и Михаэль, злясь на себя, выбрался на улицу.

Ночь уже полновластно вступила в свои права. Большинство факелов, горевших тут и там, погасили. То ли из экономии (Майер вспомнил, что шериф говорил о банкротстве барона), то ли все мероприятия на улице завершились. Поэтому, основное освещение давала «надкушенная» луна, да и ту, частенько прикрывали набежавшие облака. Тем не менее, к собственному удивлению журналист наткнулся на Кэрри буквально за первым поворотом. Та, присев на корточки, гладила маленькую дворняжку. При виде её, у Михаэля отчетливо появилось желание схватить девчонку, потрясти, а лучше сразу придушить. Откуда взялась такая злость, он объяснить не смог, но, много позже, сильно жалел, что сдержал себя. Вместо этого, Майер пару раз сделал глубокий вдох, досчитал до десяти и спокойной, уверенной, как он надеялся, походкой подошел к девочке.

– Кто убил детей из приюта? – вопрос Михаэль задать спокойно, лишь в конце голос немного дрогнул.

Кэрри продолжала играть с собачкой, словно и не слышала вопроса.

Журналист терпеливо ждал, однако на пятой минуте, самообладание начало давать трещину. Слишком много всего успело произойти за один вечер и нервы показали, что они далеко не железные. Повезло, что девочка, наконец, встала на ноги, и, махнув рукой, повела парня за собой.

Идти оказалось недалеко. Кэрри завела парня в какой-то тупик, к счастью, освещенный одним факелом. В центре находился колодец, закрытый сверху досками, явно не использующийся. А вокруг под стенами скопился разный ненужный в хозяйстве хлам. Кэрри встала возле одной из стен и указала пальчиком на собачку, которая тоже прибежала сюда следом за всеми.

– Что?! – чуть не переходя на крик, спросил Михаэль, так и не поняв действий ребенка.

Рука девочки опустилась, а сама она медленно повернула голову к немцу и посмотрела на него, как на умалишенного:

– Ты уже забыл свой вопрос?

– Прекрати говорить загадками! – повысил голос журналист. – Сколько можно? Ведешь себя как ненормальная. То приходишь, то исчезаешь посреди разговора. У меня уже мысли путаются. И да, я не помню, чего я спрашивал про этого пса...

И тут только до Михаэля дошло, он отчетливо вспомнил свой последний вопрос, и даже машинально повторил его вслух.

– Кто убил детей из приюта?

Кэрри подняла руку, указывая на пса. Стоит добавить, что рядом с ним теперь находилось еще две собаки. Одна такого же размера, а вторая втрое больше. А также старый облезлый кот и ворон.

– Ты считаешь, что это очень смешно? Да? Обдурила взрослого человека. Вот здорово, правда? И я ведь тебе почти поверил. Но всему есть предел.

Кэрри не опуская указательного пальца, упрямо смотрела на Михаэля.

– Я сейчас должен верить тебе, что зверские убийства трех невинных детей совершил вот этот песик???

Кэрри ничего не ответила, но даже не пошевелилась. По всему, было, похоже, что именно так она и считает. Михаэль зарычал, хватаясь обеими руками за волосы.

– Так! Хватит, – заявил вслух он. – Берем себя в руки и идем отдыхать. Бал в самом разгаре, а я, дурак, слушаю бредни девочки-оракула.

Если бы за немцем кто-то следил, то сейчас бы с уверенностью решил, что с головой у парня не всё в порядке, раз он сам с собою общается.

Плюнув в сердцах, журналист развернулся и пошел в сторону замка, где сейчас были танцы, вкусная еда, выпивка, весёлые люди, яркие огни...

Сделать успел лишь несколько шагов, когда его нагло взяли за руку, потянув на себя. И как девчонка успела его догнать? Одной рукой держа парня за кисть, Кэрри протягивала на ладони второй какой-то предмет. Присмотревшись, Майер рассмотрел на ладони обыкновенный монокль.

– Что это? – скорее сам себя спросил он, понимая, что ответа не дождется.

Девочка лишь выше подняла ладонь, чуть ли не тыкая в лицо журналиста. Тот всё-таки взял монокль, и стал рассматривать его, переворачивая пальцами.

– Ну и зачем мне монокль?

Кэрри, быстро подняла руку, указывая на песика. Сделала она этот жест с внутренней радостью, как показалось парню, однако внешне даже не моргнула.

– Собаке подарить? – с усмешкой проговорил Михаэль.

Но всё-таки поднес стеклышко к правому глазу, и посмотрел на «лучшего друга человека». Монокль почти тут же выпал из рук парня, а сам он в ужасе отшатнулся назад, ничего не понимая. В ту секунду, когда взгляд человека, сквозь стекло монокля, направился на пса, ВМЕСТО пса там появилось чудовище! Конечно, эти животные никогда не отличались чистой и опрятностью. Облезлые, бродячие, порой больные... Однако, монокль преобразовал их в кого-то другого, намного страшнее.

Немного успокоившись и отдышавшись, Майер поднял с земли монокль, тот, как ни странно не разбился и даже не поцарапался. С большими сомнениями, уже считая себя больным на голову, парень вновь посмотрел сквозь стекло. И опять, вместо пса и других животных, взгляд Михаэля различил монстров. Меньших по размеру собак, монокль преобразовывал в странных существ тёмно-красного цвета, с большой, не пропорциональной к туловищу головой. Но если эти двое немного походили образом на человека, хоть и маленького роста, то двое других животных, сквозь призму стекла выглядели намного абсурднее, и, чего скрывать, страшнее. Большой пёс напоминал соразмерного скорпиона, правда, без хвоста и клешней, но с внушительными зубами в раскрытой пасти. А ворон, был такой же птицей, как и положено всем представителям пернатых. За одним лишь исключением: он был абсолютно без перьев, с облезлой, цвета мертвечины, шершавой кожей, а вместо клюва – два смыкающихся зуба. Стоит отметить, что все монстры, поворачивали головы и смотрели на журналиста сразу, как тот начинал разглядывать их в монокль. Но стоило убрать это приспособление, как животные теряли всякий интерес к человеку и занимались своими делами: чесались, смотрели по сторонам, чистили крылья. То есть монстры чувствовали на себе взгляд человека, глядевшего через стекло. Ошарашенный Михаэль провёл опыт, одновременно рассматривая животных с помощью монокля и вторым глазом. И каждый глаз видел лишь свою «картину».

– Что за чертовщина? – пробормотал Михаэль.

– Нет. – Отозвалась Кэрри, – Не черти это. Бесы.

– Бесы?

Девочка кивнула.

– Так ты тоже видишь этих чудищ?! – Внезапно сообразил Михаэль. Появилась надежда, что он не сошёл с ума.

– Конечно. Поэтому, монокль оставь себе. Подарок тебе... папочка.

Этот день продолжал поражать журналиста, даже, когда плавно перешёл в ночь. Немец к тому же совершенно не обратил внимания на то, как его назвал этот ребенок в стареньком платьице.

– Почему? Почему они... бесы тут? Почему ты их видишь? Как такое возможно? Как их уничтожить? Они опасны? Почему я не вижу их без монокля? – поток вопросов так и вырвался из удивлённого парня. Как ни странно, но девочка начала отвечать.

– Бесы появляются там, где люди прекращают жить праведной жизнью, – будто на уроке проговорила Кэрри. – Убийцы, насильники, воры. Просто жестокие или алчные люди. Злые, плохие, агрессивные – идеальное место для обитания бесов. Я их вижу с рождения. Мой дар...

– Постой, постой. – Попросил Михаэль. – Ты хочешь сказать, что эти черти тут только из-за людей?

– Бесы, – снова уточнила девочка. – Из-за злых людей. Черти не могут вселяться в живых существ...

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. – Последовал исчерпывающий ответ.

– Бесы могут жить в телах животных? – Михаэль, как истинный журналист хотел разобраться во всей этой неразберихе.

– Да...

– В телах людей?

– Очень редко, – Кэрри присела на старую доску и рассматривала свою обувь. – Человек должен быть очень слаб духовно, либо сам даёт согласие... на сожительство, а бес должен быть сильным. Чтоб овладеть телом человека, бес тоже должен быть большим. Такое подходящее тело есть у демонов.

– Бред! Бред. – Возмутился Михаэль. – Такого просто не может быть!

Однако, прямые доказательства немец видел сквозь волшебное стекло и приходилось с этим считаться. Внезапно, одна мысль посетила голову парня и он поспешно, надев монокль, посмотрел на саму Кэрри. Девочка, сквозь стекло выглядела так же обычно, как и невооруженным глазом, разве что силуэт ребенка был чуть-чуть размыт, словно в дымке. Но журналист не предал этому значение, списав всё на своё переутомление и усталость. Увиденное в какой-то мере и разочаровало и успокоило журналиста. С одной стороны, хорошо, что Кэрри не одержима бесами, а с другой, на подсознательном уровне, Майеру хотелось обвинить девочку во всех происходящих вокруг странностях, тем самым успокоив себя. Пусть и отчасти. Почувствовав на себе взгляд Михаэля, Кэрри подняла голову и улыбнулась в ответ. Журналисту стало неудобно и стыдно за свои мысли и подозрения. Он быстро убрал монокль в карман.

– Значит, – подвел итог Михаэль, – все три погибших ребёнка – жертвы бесов? Но зачем? За что убивать невинных детей?

– Или они тоже злые и жестокие люди? – Михаэль уставился с вопросом на Кэрри.

– Пища. Всем нужно питаться. – Ответ девочка произнесла буднично, спокойно, и вроде как единственно верно, но у журналиста от него мурашки пошли по коже.

– Сколько бесов обитает в городе? – Михаэлю было не столько интересно узнать ответ, сколько захотелось услышать живой голос, пусть даже свой.

– Много. Очень много.

– Как их прогнать?

– Только если люди начнут жить праведно, – после раздумий ответила девочка.

– А если я пристрелю пса из пистолета? Что произойдет?

– Физическая оболочка животного погибнет или же будет «жить» с пулей в теле. Чаще бесы покидают такое неактивное тело, и либо ищут новое, либо атакуют своего убийцу. – Монотонно ответила девочка.

– Бес нападает, лишившись тела животного? – Новые подробности оптимизмом журналиста не заряжали.

– Бывает, – подтвердила девочка. – Однако, лишь сильные демоны могут навредить человеку, находясь в своем истинном облике, либо попытаются захватить его тело.

– Сумасшествие... – вновь схватился за голову Михаэль. – А где тело третьего ребенка?

Рука Кэрри, как-то уже привычно, даже породному, медленно поднялась, и указательным пальцем ткнула в колодец. Михаэль хоть и отчётливо понимал, что ребёнок, если и там, то

давно мёртв, но, тем не менее, поспешно рванул к колодцу, скидывая с него старые доски и различный мусор. Дело спорилось, и вскоре, немец по пояс перекинулся через бортик пересохшего колодца. При свете выглянувшей из-за туч луны, Майер сумел разглядеть на дне пологое человеческое тело. Третий ребенок из «Сиротского дома мадам Джонс», третья жертва неизвестного убийцы оказалась найдена. Отличная получится газетная статья с заголовком «Новый журналист нашел убитого». Однако, никакой радости Михаэль не ощутил. Напротив, на него накатила волна апатии. Он слез с колодца и нисколько не чураясь, уселся на землю, прислонившись спиной к колодцу, а в голове была лишь одна мысль-вопрос: «Что теперь делать?». Краем сознания пришло осознание того, что странной черноволосой девочки уже нет рядом. Опять куда-то исчезла...

Михаэль не знал, как долго пробыл в этой прострации, но точно не больше десяти минут. Очнувшись он от громкого оклика и чуть позже услышал шаги. Встрепенувшись, немец поспешно поднялся на ноги, впрочем, пронырливый Джейсон успел разглядеть, что его старший друг сидел на земле.

– Что случилось?! – подросток быстро подбежал к журналисту, обхватывая за пояс, предполагая, что тому нужна поддержка.

– Всё нормально! Всё хорошо. Да стою я, стою. Отпусти.

Джейсон, немного обидевшись, отпустил его и отошел на пару шагов:

– Тебя все потеряли. Дядя сказал, что ты обещал скоро подойти, но пропал. Скоро фейерверк, барон обещал что-то грандиозное.

– У меня здесь тоже... грандиозное.

Михаэль рассказал мальчишке о своей находке и честно признался, что растерялся от этого, ненадолго провалившись в свои мысли. От подобного откровения, Джейсон тут же забыл все обиды и стал давать советы.

– Нам вдвоем из колодца его не вытащить. Да и нельзя. Нужно сначала создать протокол и всякое такое. «Всякое такое» подросток произнес таким тоном, будто сам являлся опытным следователем. Михаэль даже улыбнулся своему сравнению, хорошо хоть Джейсон не заметил, иначе мог бы обидеться уже всерьез.

– Поэтому, я бегу за дядей Чарли, а ты посторожи тут. На всякий случай.

Неунывающий племянник семьи шерифа умчался. Михаэль лишь успел договориться с ним о том, чтобы всем говорить, что тело жертвы они нашли именно вдвоем, вместе. Так ненужных вопросов и подозрений будет меньше. Мальчишка легко согласился на эту просьбу.

Через несколько минут неприметный тупичок с колодцем был заполнен кучей народа. Михаэля чуть не снесли прибежавшие, взволнованные люди. Посыпались вопросы, предположения и даже обвинения, правда, пока лишь в адрес полицейских, не дающих защиту народу, и в сторону охранников замка, допустивших подобный инцидент на своей территории. Вот тут, во всей своей красе, как истинный Шериф, с большой буквы, показал себя Чарли Дуэйн. И куда только делся ленивый расслабленный под влиянием алкоголя человек на отдыхе? Вместо него возник кремень. Железный стержень правопорядка.

Главный полицейский Бринстоуна быстро взял ситуацию в свои руки, призвав всех к спокойствию и тишине. Почти сразу, возле него возникли его помощники, быстро нацепляющие полицейские жетоны поверх своих фраков и средневековых нарядов. Выглядело слегка потешно, однако, никто из присутствующих и не думал смеяться. Михаэль предполагал, что у Чарли всего двое полицейских числится в штате. Точно он, конечно, не знал, но в голове упорно всплывало это число. Сейчас же, помимо самого шерифа, немец разглядел ещё четверых, носящих отличительный знак защитников правопорядка. Один из них сразу оцепил небольшую территорию вокруг колодца веревкой, тем самым отгораживая место преступления от многочисленных зрителей.

Один невысокий, полноватый мужчина в костюме аристократа старых времен, бесцеремонно схватил Джейсона за плечо и развернул к себе.

– Мальчик! Ничего не бойся! – торопливо заговорил он. – Я смогу тебя защитить, поверь мне. Расскажи правду. Что ты видел? Наверное, ты видел, как этот мужчина бросил тело в колодец? Но он заставил тебя соврать? Пугал? Угрожал? Так?

– Не смейте обвинять моих гостей! – возмутился барон Гамфри. – Михаэль, как и все здесь присутствующие, прибыл сюда по моему приглашению и я не позволю, кому-либо их обвинять, пока вина не будет однозначно подтверждена.

Джейсон вырвался из цепких рук мужчины и недовольно проворчал:

– Я уже сказал правду! Меня никто не запугивал. Мы случайно нашли. Я захотел узнать, есть ли вода в старом колодце, а Михаэль решил это выяснить.

– Мистер Фокс, – обратился к толстяку шериф. – Михаэль Майер приехал в наш город совсем недавно, а дети пропали намного раньше. То есть, он не может быть виновником преступлений по умолчанию, – Чарли поднял руку, и повысил голос, останавливая возмущенные реплики нескольких мужчин. – Я связывался с Лондоном, и теперь полностью уверен в Михаэле. В дни пропажи детей, он был в Лондоне, и это смогли подтвердить множество уважаемых людей.

Сказать, что немец удивился услышанному, будет весьма верным решением. Он и представить себе не мог, что его скромную персону будут проверять. Чарли Дуэйн оказался совсем не так прост, как могло показаться с первого взгляда. Тем не менее, возможно, чересчур повышенная дотошность и рвение в профессиональной деятельности полицейского, сейчас сыграли на руку и отвели ненужные подозрения. Правда, мужчина, которого шериф назвал мистером Фоксом, пробубнил несколько предположений о том, что, вероятно, у Майера могли быть сообщники среди здешних. Но его уже слушать не стали.

– Барон, – официальным голосом обратился шериф. – Я прошу у вас позволения провести обыск всего замка и о посильной поддержке в проведении следствия. Все необходимые документы, с соблюдением всех формальностей придут позже, но напрасно терять время не хочется.

– Весь... замок? – резко осунувшись, уточнил барон Гамфри.

– Всенепременно! – подтвердил Чарли. – Включая и хозяйственные постройки. Но, так как полицейских здесь мало, мне будут нужны добровольцы, возможно, они тоже сумеют обнаружить что-либо подозрительное.

Возражений от владельца замка не последовало. Из собравшейся толпы, главный полицейский отобрал четверых мужчин. Уважаемых, образованных, честных, непредвзятых – тех, кому я полностью доверяю: так охарактеризовал свой выбор шериф. Именно их он назначил во главе поисковых групп. В число добровольцев, к своему удивлению, угодил и Михаэль Майер, а так же его недавний «сотрапезник» Ричард Мангуст. Всего набралось семь миниотрядов, если не считать самого шерифа. Одного полицейского оставили возле колодца. Ему предстояло с помощью прибывших слуг поднимать тело ребенка из колодца и дожидаться прибытия врачей.

Краткий инструктаж, проведенный шерифом, длился не более десяти минут. Чарли постарался в сжатые сроки донести до создания добровольцев, как правильно проводить обыск, на что обращать внимания и где, как правило, находятся главные улики. В конце, полицейский строго напомнил, что для них теперь нет закрытых дверей. Каждый доброволец просто обязан проверить все комнаты в выделенной для него территории, будь то кладовая, кухня или коридор. Специально для этого, барон выделил каждому добровольцу слугу из местных, в обязанности которого входило сопровождать, показывать и открывать все запертые замки. Кроме этого, по подсказке шерифа, барон распорядился запереть все ворота и не выпускать никого за пределы замка без разрешения. Естественно, даже ребенок понимал, что труп, скорее всего, подбросили в колодец не сегодня, и что преступника давно и след простыл, а значит,

обыск замка ни к чему не приведет. Понимал это и Чарли, однако, всё же решил делать то, что положено. Сам он взял себе для поисков весь третий этаж замка, где располагались личный кабинет и спальня самого барона. Туда он направился вместе с Генри Гамфри и ещё парочкой мужчин, приглашенных в качестве свидетелей. Мистер Фокс тоже увязался с ними, явно надеясь что-то отыскать. Остальные добровольцы последовали примеру главы полиции, расходясь по указанным для поиска местам.

Толпа возле колодца быстро редела, а небо озарили первые залпы фейерверка. Зрелище было по истине фееричным. Как позже говорили ценители, барон превзошел себя и нынешний фейерверк по красоте и гармоничности обошел все предыдущие. К сожалению, очень мало кому удалось спокойно полюбоваться всеми изысками разноцветных красок, взорвавших ночное небо...

* * *

Как всегда, по всемирному закону подлости Михаэлю выпала честь провести обыск в самой «чистой» и «роскошной» части замка, а именно во всей подземной территории. Уже спускаясь вниз по первым ступенькам, Майер вспоминал свой дом в Бринстоуне, наверняка его, ещё недавно нежилое, помещение покажется райским уголком, по сравнению со старыми подвалами замка, помнящими не одну тысячу лет. Однако, вопреки обоснованным опасениям, всё оказалось намного лучше, чем рисовало привередливое воображение. Никаких больших слоёв пыли и огромных на весь дверной проём, паутин журналист не заметил. Единственным минусом, который вызывал дискомфорт нахождения тут, являлась сырость, и, как следствие, холод. Уже через несколько минут, Михаэль мечтал о теплой куртке, но возвращаться наверх, в поисках более теплой одежды не стал. Не хотелось терять время, да и неудобно было как-то перед спутником. Да, как ни странно, но в группе Михаэля оказалось всего два человека. Ещё двое незаметно покинули отряд, видимо решив, что лучше проведут время в пиршественном зале. В связи с этим, рядом с немцем шагал только слуга. Худой, слегка согбенный старик был приставлен к Михаэлю в качестве местного сопровождающего. Сначала, Майер решил, что молчаливый долгожитель будет обузой, но тот, несмотря на солидный возраст, весьма резво передвигался, позвякивая солидной связкой ключей.

Немец уверенно осматривал все комнаты, встречающиеся на пути, стараясь не прикасаться к каменным стенам, во многих местах покрытых плесенью. Сначала попадались обычные кладовые, наполненные всяким нужным в быту инвентарём. Потом пошли жилые комнаты. Очень скудно обставленные: скамья, стол, стул, и редко, сундук. Немец не ленился и добросовестно осматривал их содержимое. К сожалению, во всех «пиратских сокровищницах», кроме пыли, ничего не обнаружилось. Как потом узнал журналист, такие комнаты назывались кельями и служили для временного обитания отшельникам, церковным служителям, а иногда и простым людям, которые, постучав в ворота замка, просили приюта.

По прошествии часа, или больше, немец отчасти потерял его счёт, появилось стойкое ощущение, что неразговорчивый старик намеренно водит Михаэля по кругу, причём довольно умело, сворачивая туда, куда вроде как ещё не заходили. По крайней мере, с этой стороны коридора. Заметив подобную наглость, Майер усилил внимание и стал примечать различные мелочи вокруг. Результаты не заставили себя ждать.

Во-первых, в двух кладовых добровольный помощник полицейского обнаружил в полу замаскированный деревянный люк, запёртый на ключ. Лишь после строгих требований, откровенно недовольный слуга открывал потайной вход. Упрямый журналист безбоязненно спустился в подземный зев, вооружившись специально припасённым для этого фонарем. Правда, мысли при этом были панические. Внутренний голос настойчиво шептал, что стоит лишь спуститься вниз, как старик закроет крышку над головой и спокойно уйдёт по своим делам. И

никто, и никогда не найдет глупого доверчивого журналиста. Обошлось. На свободу Михаэля никто не покусился, а люк вёл в банальный погреб, где хранились бутылки с вином, и, судя по некоторым факторам, – весьма дорогое, иначе бы не стали делать люки такими неприметными.

Во-вторых, в одной из комнат, Майер стопроцентно понял, что здесь уже осматривал. Даже следы своих подошв на полу заметил. И решил действовать интуитивно.

Не показывая вида, что понял хитрость слуги, немец продолжал покорно идти за проводником, но в один момент, когда старик свернул по коридору направо, Михаэль быстро повернул налево, ускорив шаги.

– Стойте! Вам туда нельзя! – тут же донесся голос из-за спины.

«Надо же, заговорил!» – с потаённым злорадством отметил Михаэль. – «Значит я на верном пути»

В этой части коридора оказалось десять дверей, располагавшиеся на довольно большом расстоянии друг от друга. За ними находились обширные комнаты, две из них Михаэль вообще окрестил залами, благодаря большой площади. К сожалению, ничего интересного в них обнаружить не удалось. В других находилась старая покрытая паутиной мебель, а в большинстве лишь голые стены. Но стоило Михаэлю приблизиться к последней двери, как его обогнал старик, до этого молча, с отрешенностью, следовавший рядом. Он раскинул руки в стороны и, с обречённостью в голосе, тихо сказал:

– Не пушу!

– Отойди, – Михаэлю изрядно надоели все эти загадки и неясности.

Слуга даже не шелохнулся. Журналист не хотел применять силу, тем более против человека, годившегося ему в отцы, или даже деды.

– По приказу барона, – монотонно, сквозь зубы проговорил Майер, – ты должен открывать любую дверь, на которую я укажу...

Реакция старика была неожиданной. Он плюхнулся на колени перед Михаэлем, как кукла, которую перестали держать невидимые нити.

– Прошу... Не надо... Мне достанется.

Не составило большого труда обойти «сломанную марионетку», резко потерявшую нити управления, и решительно открыть дверь. Михаэль приготовился обнаружить в очередной комнате всё что угодно, начиная от кучи трупов детей, и заканчивая котлами в которых в кипятке купались бесы, однако, реальность оказалась куда изощрённее. Майер попал в настоящую, средневековую пыточную.

Глава 8

Первое, что бросилось в глаза, это измученный, весь в кровоподтеках и ранах, молодой мужчина, прикованный за руки и за ноги к противоположной стене. Распятый. В оборванных штанах и с опущенной, обросшей длинными волосами головой, худющий незнакомец выглядел неживым. От неожиданности подобной картины Михаэль сначала так и замер, сделав лишь пару шагов вперёд, по инерции, а когда слегка взял себя руки, то попятился назад. И упёрся спиной в закрытую дверь. Старикашка, вошедший следом, на деле оказался расторопным и довольно шустрым, коли успел запереть дверь и даже положить на нее поперечный, деревянный засов, в который и уперся немец поясницей. Тем временем, распятый «мертвец» вдруг ожил и, подняв голову, нашарил туманным взором нового посетителя.

– Помоги мне... – медленно, едва слышно прошептал пленник. – Пожалуйста...

Вот тут то, Михаэль и осознал, что в «комнате пыток» он далеко не один, и это, если не считать прикованного страдальца и слугу, затаившегося где-то справа, возле выхода. Два человека ещё находились в этой комнате, оба мужского пола, и оба, с удивлением и опасением взирали на нежданного гостя.

Первый, по левую руку от Михаэля, расположился за небольшим деревянным столом, серым от времени. Одет он был в простую чёрную рясу, поверх которой, на шее, висела льняная веревка с серебряным крестом. Священник выглядел молодым, немногим моложе Михаэля, невысокого роста, средней комплекции: ни толстый и не худой, особенно, если сравнивать с прикованным пленником. Русые волосы коротко стрижены. На старом столе перед священнослужителем разместились три предмета: открытая бутылка, кубок, и книга, раскрытая Библия. Что-то одно здесь явно лишнее, и, по логике, не должно было соседствовать друг с другом. Однако, с реальностью не поспоришь. Священник недолго рассматривал посетителя, всего пару минут, после чего с философским спокойствием опустил голову и стал монотонно читать вслух. Судя по всему, он этим и занимался, пока его не прервал ворвавшийся без стука грубиян.

Вторым человеком, которого Майер сразу не заметил в комнате, являлся не кто иной, как властелин всей этой каменной твердыни. Барон Генри Гамфри – последний из длинного списка тех, кого Майер мог ожидать встретить в этой запретной камере. Ведь если рассуждать здраво, то пленника наверняка содержали и пытали без ведома старого рыцаря. Иначе просто и быть не может. Ведь барон благородный и честнейший человек, по крайней мере, на первый взгляд журналиста. Да и как он так быстро освободился от общества шерифа, одному только богу известно.

Но именно присутствие здесь хозяина замка вернуло Михаэлю ясность ума и выдернуло из легкого ступора. И еще добавило злости и праведного негодования. Неизвестно, что увидел барон в серых глазах нежданного гостя, решительно шагнувшего к распятому мужчине, но стремительно встал на его пути.

– Михаэль, всё не так, как могло показаться...

– Немедленно прекратите варварские пытки! – громко закричал немец, не слушая барона. – У вас нет права издеваться над человеком, пусть даже он закоренелый преступник!

– Михаэль послушай... – барон положил ладони на плечи журналиста, стараясь успокоить.

– Я не намерен ничего слушать! – Резким движением Майер сбросил руки со своего тела. – Я требую незамедлительно освободить несчастного и позвать Чарли!

Будто поторапливая своего спасителя, пленник застонал:

– Помоги мне...

Отодвинув старого барона в сторону, Михаэль торопливо приблизился к пленнику, пытаясь освободить его руку. Тщетно. Кандалы держали крепко.

– Где ключи? – на оковах обнаружились замки. – Где ключи, я вас спрашиваю?!

Барон не ответил, старик-слуга, возможно, и не знал ответа, поэтому безмолвно стоял у двери, когда как Михаэль стал рыскать по комнате в поисках ключей. Одним из первых подвергся обыску деревянный стол, в котором оказалось несколько выдвижных ящиков. Священник поспешно ретировался, прижавшись спиной к стене, правда книгу и полупустой бокал с вином прихватить успел. В ящиках искомого не оказалось, и разъярённый журналист обрушил обвинения на человека в рясе.

– Как вы, священник, несущий глас Божий народу, могли осквернить себя участием во всём этом!? Как позволили издеваться над человеком, да еще и присутствуете при этом кощунстве? Вы должны защищать людей всеми вашими силами, душой и телом! Продвигать миролюбие, отзывчивость, доброту!

К концу своей гневной, слегка внезапной даже для самого себя, тирады, Михаэль краем сознания стал понимать: что-то тут не так. Почему здесь священник, а не мускулистый мужчина в кожаном фартуке палача? Почему нет привычных для комнаты пыток инструментов, если не считать стоящей в дальнем углу мрачного вида жаровни на трех металлических ножках, с ярко пылающим огнём? Возможно, на ней подогревают железные прутья для пыток каленым железом. А пытки проводит сам барон? Нет, не подобает владельцу множества слуг мараить подобным свои руки. Священник ничего не ответил, лишь отхлебнул из кубка и посильнее прижал к груди Библию. В сердцах махнув рукой, журналист быстрым шагом отправился к двери. Сзади, тут же, жалобно заговорил пленник:

– Не бросай меня... Пожалуйста... Освободи...

– Я за шерифом! – Неизвестно для кого сказал Майер.

Михаэль таким самоуверенным и решительным взглядом наградил старика, охранявшего дверь, что верный слуга поспешил отойти в сторону, освобождая дорогу. Когда же деревянный засов был выброшен в сторону, а дверь приоткрылась, послушная руке Михаэля, сзади послышался голос барона.

– Михаэль.

Журналист обернулся и встретился взглядом с Генри Гамфри. Его глаза были полны скорби и боли.

– Это мой брат. – Тихо сказал он.

* * *

... Михаэль сидел за столом, на том самом месте, где совсем недавно находился молодой священник. В данный момент церковный деятель стоял перед пленником и вслух читал Библию. Барон же, пристроившись напротив журналиста, наполнял два кубка изысканным вином.

– И почему же, если этот несчастный ваш брат, мне нельзя позвать шерифа? – немец до сих пор не мог понять, как его удержали и усадили за стол.

Барон лишь вздохнул и подвинул наполненный сосуд собеседнику.

– Потому что, я не хочу... Не хочу чтобы об этом кто-либо знал.

– Вы приковали человека к стене, пусть даже вашего родного брата, вы его истязаете, бьете и считаете это нормальным?! – возмутился журналист.

– Его никто не бьет! – заверил барон и сделал быстрый глоток вина.

Подняв руку в сторону пленника, Майер с сарказмом спросил:

– Я похож на слепого?

– Его никто не бьет! – упрямо повторил Генри. – И не бил! И не будет бить... Я не позволю.

– Он врёт... – раздался страдальческий голос пленника.

Священник поспешно коснулся книгой лба распятого человека и тот мгновенно затих. Михаэль, общаясь с бароном, этих движений священника не заметил.

– Тогда прошу объяснить мне, недалекому, откуда на вашем брате все эти синяки, ссадины, раны? И за какие такие прегрешения вы своего родственника, родного человека, посадили под замок. Про кандалы я пока промолчу!

Барон долго ничего не отвечал, находясь в раздумьях. В комнате повисла тишина, слегка разбавленная монотонным бормотанием святого отца, читающего молитву.

– Если не против, давай перейдём на «ты»? – наконец ответил владелец замка и, получив согласие в виде легкого кивка, продолжил. – Нереальная история, если честно, больше на сказку похожа. Причем, явно не с добрым финалом. Скорее всего, я и сам бы в неё не поверил.

– А вы попробуйте... попробуйте, – попросил журналист. – А я решу, верить или нет.

– Хорошо, – согласился барон, пригубив из бокала. Наверно для смелости.

– Это случилось около трех месяцев назад. Патрик собрался на охоту. Кабанов расплодилось много, почему бы не поохотиться? Ничего страшного, не в первый раз. К тому же, хорошее занятие для настоящего джентльмена, мужчины! Я должен был поехать с ним! – внезапно воскликнул барон. – Должен был! И всё могло быть иначе. Но я не поехал. Много дел накопилось.

Генри надолго замолчал, погруженный в воспоминания. Михаэль не торопил, терпеливо ожидая и смакуя первый глоток вина.

– Я не знаю, что точно случилось в лесу. Охотники нашли кабана и погнались за ним. В азартной, бешеной скачке никто не заметил, как лошадь Патрика лишилась ездока. Потерю заметили, лишь загнав и убив дикую свинью. Сразу начались поиски, безрезультатные. Спутники не нашли моего брата.

Барон последовал примеру журналиста и тоже промочил горло вином. В эту небольшую паузу Михаэль успел вставить вопрос.

– А это тогда кто? – Майер ткнул пальцем в пленника.

Вообще, наверное, во все времена молодежь бывает несдержанной. Считает себя самыми умными, самыми уникальными. Самыми-самыми. Вот и немец не сдержался и задал вопрос с сарказмом, с некой долей издевки. Будто заблаговременно не веря словам собеседника. Хотя, может, просто выплеснул, таким образом, часть раздражения, накопившегося за последнее время. Но если представители молодых людей считают заданный немцем вопрос забавным, уникальным и ярким, то люди старшего поколения без обиняков заявят о том, что молодой человек совершенно не воспитан. И отчасти будут правы. Ведь с их точки зрения, Михаэль мало того, что просто перебил рассказ более старшего собеседника, но еще и стал делать свои поспешные выводы, недослушав до конца всю историю. Некоторых, подобное, может легко вывести из себя. Однако, люди преклонного возраста часто, хоть и не всегда, вместе с прожитыми годами получают в довершок одну интересную вещь – мудрость, которую используют весьма умело. Вот и барон, проигнорировав бестолковый вопрос парня, лишь снисходительно улыбнулся, как дедушка на глупые шутки маленького внука, и продолжил рассказ.

– Когда охотники вернулись в замок, и мне сообщили об исчезновении брата, я сразу собрал новый отряд, и, несмотря на сумерки, помчался в лес. Полночи мы с факелами обшаривали весь лес, заглядывая под каждый куст, в каждый овраг, но Патрика не нашли. Заночевали прямо в лесу, на одной из полян, а наутро возобновили поиски, и снова ничего не отыскиали...

Барон опять замолчал, казалось, во время повествования, он снова испытывает всю ту боль, все те давешние переживания.

– Патрик вернулся сам, на третий день. Просто вышел из леса, и так и прошагал пешком до самых ворот. Он был худой, как скелет, будто питался одними травами не менее пары месяцев. Одежда изорвана, те клочья, которые уцелели, были страшно грязны. Их бы побрезговали одеть даже нищие Бринстоуна. Упав на руки стражникам, Патрик потерял сознание ещё на три

дня. Ни замковый лекарь, ни врач из города не смогли вывести его из комы. Иногда, не приходя в сознание, он бредил, бормотал, кричал. Я лишь не сразу понял, что его слова – далеко не бред. Из обрывков, которые он говорил, я позже собрал более-менее нормальное объяснение всему происходящему. Если я всё правильно понял, а не напридумывал сам себе от безысходности, то получается следующее. – Барон допил вино из своего кубка и порывисто налил ещё.

– Патрик банально свалился с лошади, на большой скорости врезавшись в ветку дерева. От падения он потерял сознание. Я не утверждаю всего этого, – честно пояснил Генри, – я лишь сужу, по словам, которые брат пытался донести до меня, находясь в коме. Так вот, очнулся он от острой боли в спине. Тело не слушалось, по крайней мере, левая часть туловища. Он пытался кричать, звать на помощь, но сил не хватало даже на это и он провалился в беспамятство. В следующий раз, он очнулся в темноте. Наступила глубокая ночь. Патрик замерз и от холода, похоже, перестал чувствовать боль в спине. И тут над ним зависло чудовище. Полу-волк-получеловек. Оскаленная собачья пасть приблизилась к его лицу и спросила: «хочешь ли ты жить»? От страха брат лишь сумел кивнуть и тогда чудовище сказало, что для того чтобы выжить, он должен поделиться своим телом, согласен ли он на это? Патрик согласился.

– И что было дальше? – Михаэль не сдержался, и поторопил замолчавшего барона.

– А ничего... После трех дней комы Патрик пришел в себя и пошел на поправку. Нашей радости не было предела. Брат встал с постели, стал усиленно, даже слишком, питаться и набираться сил. Вот только... Он изменился. Стал грубым, жестоким. Мало с кем говорил, однажды набросился на служанку с кулаками и чуть её не убил. Повезло, что я был поблизости... в тот раз и мне досталось изрядно, – Генри Гамфри усмехнулся. – После того случая, брата насильно показали нашему лекарю, но он не нашел никаких физических отклонений. То есть Патрик был абсолютно здоров, однако, его поведение резко ухудшилось. Он всё чаще стал бросаться на людей, покусал ему руку, – барон кивнул себе за спину, указывая на старого слугу, – и часто рычал, словно дикий зверь. Я принял решение, изолировать его от общества и запер его в одной из спален. Как ни странно, но в моем присутствии, Патрик вёл себя спокойнее и, мне приходилось лично его кормить, доставляя пищу прямо в комнату. К несчастью, радикальные меры не дали результата. Находясь взаперти, брат стал наносить вред самому себе. Почти все раны, что ты видишь сейчас на его теле, он нанёс себе сам.

– И ты не придумал ничего лучше, чем приковать родного брата? – досказал Михаэль с упрёком.

– Да, – барон честно посмотрел в глаза собеседнику. – Если у тебя есть идеи лучше, я с радостью их выслушаю.

– Да, конечно, есть! – с воодушевлением воскликнул Майер и встал на ноги, положив ладони на стол. Генри терпеливо ждал, наблюдая за журналистом, и тот, через пару минут размышлений, добавил. – Только нужно подумать подольше.

– Ну, подумай, подумай. – Улыбнулся барон, догадываясь, что парень ничего нового сообразить не сможет, так как сам хозяин немало об этом размышлял.

– Ты сказал, что почти все раны он нанёс себе сам, – задумчиво спросил Михаэль, – что значит почти?

– Пойдем, сам посмотришь.

Барон встал со стула и подошел к прикованному брату. Молодой священник как раз прекратил читать, и без возражений уступил место перед пленником. Сам же, как успел заметить краем глаза журналист, отправился наполнять свой кубок вином.

– Наблюдай, – барон взял чашку со святой водой и обмакнул туда кропило. – Иногда, когда Патрик совсем буйствует, и пытается оторвать себе руки, чтобы выбраться из кандалов, приходится успокаивать его святой водой и молитвой.

Договорив, Генри широко взмахнул кропилом и обрызгал брата водой. Там, где капли святой воды соприкоснулись с телом, моментально возникли волдыри, как от ожогов, а пленник неистово закричал от боли.

– Не-ет! Не надо! Помогите!!!

Михаэль испуганно вздрогнул всем телом.

– Вот так, – сказал барон ошарашенному журналисту.

Не доверяя собственным глазам, и, отчасти, словам барона, Михаэль с большой опаской коснулся мизинцем святой воды в чаше. Вопреки опасениям, собственная кожа негативно не отреагировала. Обычная вода, слегка прохладная, но далеко не кислота. Глядя на опыты парня, барон не скрывал улыбки.

– Убедился?

Михаэль Майер не стал отвечать на каверзный вопрос. Получается, барон говорил сушью правду, и что же теперь делать?

– Что же с ним произошло-то? – задумчиво проговорил немец, разглядывая дёргавшегося пленника.

– Одержимость. – Внезапно сказал священник, до этого в разговор не вступавший.

– Что, простите? – Майер повернулся к говорящему.

– Одержимость. – Спокойствию и уверенности священнослужителя стоило позавидовать. – В Патрика вселился дьявол.

– Сам дьявол? – С иронией переспросил журналист.

– Не факт. Возможно, телом несчастного завладели бесы. Или демоны. Но все они – слуги дьявола!

– Демоны значит? – Михаэль полез в карман брюк. – Сейчас узнаем.

Достав монокль, подаренный Кэрри, немец замер, собираясь с мыслями, и настраиваясь на встречу с приспешниками дьявола. Хотя, по правде сказать, он мечтал, чтоб волшебное стекло ничего потустороннего не показало. К сожалению, часто нашим мечтам неданно сбыться...

Приложив монокль к правому глазу, журналист рассмотрел, что в теле измождённого пленника действительно властвовало другое существо, отличное от тех, которые существовали в животных. Михаэль абсолютно не разбирался в иерархии царства дьявола, но совершенно отчетливо понял, что там, во дворе, в телах зверей паразитировали мелкие черти или бесы, как уточняла Керри, а здесь, в теле человека настоящий демон! Это потустороннее чудовище по строению туловища больше напоминало человека, чем упомянутые выше бесы. То есть, демон стоял на двух ногах, имел две руки-лапы, и ростом был со среднестатистического представителя людей. Однако, на этом сходство заканчивалось. Голова демона сильно напоминала волчью: заостренная морда, покрытая шерстью, увенчанная клыками пасть. Лапы, намного длиннее, чем у Патрика руки, с легкостью доставали до колен. Но главное, это взгляд. В глазах демона отчетливо просматривался интеллект. Майер сразу подметил очевидную разницу во взоре демона и глупых бесов. Существо, вселившееся в брата барона, моментально почувствовало, что немец его увидел, и перестало играть роль несчастного пленника.

– Жалкий смертный! – заговорил демон устами Патрика. – Сними с меня оковы и я подарю тебе быструю смерть! Этот мир будет наш, а вы, никчемные, низменные людишки будете нашими рабами, и нашей пищей. Любой сможет впиться в ваши шеи зубами, разрывая слабую плоть. А вы станете благодарить нас за подаренную честь и легкую смерть.

Глаза демона пылали такой ненавистью и злобой, пронизывая Михаэля насквозь, что немец не выдержал и быстро убрал монокль в карман.

Отвернулся.

– Смотри на меня, – не успокаивался Патрик, – когда к тебе, ничтожному куску мяса, обращается представитель высшего разума! Пади ниц, и моли о пощаде. Тогда, возможно, я, либо другие демоны, временно используют твою человеческую оболочку, и ты будешь жить.

Голос, каким говорил Патрик, теперь на человеческий походил мало. Слова вылетали из губ, подвластных демонической сущности, резкими, грубыми, всепроникающими. От них хотелось скрыться, сбежать, закрыть уши... или подчиниться.

Связанная речь Патрика прервалась, когда барон, нисколько не жалея, плеснул всю святую воду, что оставалась в чаше на своего брата. Пленник закричал от боли, а потом завыл, словно от обиды, при этом умудряясь сыпать проклятья в адрес присутствующих здесь людей.

Оскорбления Михаэля мало заботили, он, наконец, пришел в себя, сбрасывая легкое опеченение в теле и разуме после слов демона. В голове разом возникли несколько вопросов, перемешались и всплывали невпопад. Что сейчас произошло? Правда ли, что слова демона действовали как гипноз, поработав человека? Или же, виновата зверская усталость, внезапно накатившая на журналиста? Почему брат барона испытывает боль от святой воды? И кому всё-таки больно, демону, который по логике защищен человеческой оболочкой или Патрику, с малолетства привычному к подобной процедуре? И как часто одержимый говорит с людьми в подобном тоне?

Последний вопрос Майер задал вслух.

– Впервые! – ответил изрядно удивленный Генри. – Никогда такого не происходило. Я сам не поверил своим ушам. Обычно, кроме мольбы отпустить и оскорблений, Патрик ничего не говорил. Либо ты на него так подействовал, либо болезнь прогрессирует... – В словах барона отчётливо послышалась боль и тоска от собственного бессилия. Судя по всему, аристократический владелец замка не заметил волшебного монокля, или, что больше походило на правду, просто не придавал значения тому факту, что журналист прикладывал монокль к глазу. Мало ли какая блажь бывает у человека, может, Михаэль действительно зрением слаб. Как бы там ни было, но Майер решил о своем чудо-стёклышке не говорить. По крайней мере, пока. А то, что демон так бурно отреагировал именно на подсмотр его истинного облика – в этом парень нисколько не сомневался. Опыт уже имелся.

– Значит, вы предполагаете, что в лесу в Патрика вселился демон? – полуутвердительно спросил Майер, и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Как вы догадались об этом? Что говорил об этом Патрик, когда вышел из комы?

Барон понял мысль журналиста и сказал:

– После выхода из комы, брат ничего не помнил об охоте и на все вопросы отвечал, что очнулся после падения сразу в замке, ну а потом, у него уже не стало смысла что-либо расспрашивать. Тогда я и припомнил все его слова, сказанные в бреду.

Михаэль понимающе кивнул и задал еще пару вопросов. Из слов Генри немец узнал несколько интересных подробностей. Про одержимость младшего брата знали совсем мало людей. Парочка доверенных слуг, замковый лекарь, сам барон и два священника. Для всех остальных выдумали историю про поездку, из которой Патрик до сих пор и не вернулся. Кроме шерифа, никто в подробности не вдавался и расспросами не занимался. Но внимательный глава полицейских заподозрил неладное, почувствовал уныние друга и барону пришлось срочно выдумывать новую ложь, будто переживает, что после себя ничего не оставит потомкам и никто не узнает былую славу его рода. Чарли Дуэйн поверил, да со своей прямолинейной участливостью посоветовал написать биографию. Барон какое-то время отнекивался, но, когда шериф познакомил его с «Журналистом-Из-Самого-Парижа», пришлось сдаться и согласиться, дабы не вызвать новых подозрений.

– Если я правильно понял, – сказал Майер, – вы с Чарли неплохие друзья, да и я сам теперь вижу, что наш бравый полицейский прекрасный и честный человек. Почему же вы

прямо не сказали ему... о своём горе? Уверен, он бы всё понял и поддержал ваш выбор. Зачем весь этот обман с поездкой, да и с автобиографией?

– Ты уже передумал помогать мне с книгой? – с наигранной обидой возмутился Генри. – Не переживай, теперь в этом необходимости нет. Просто тебе придётся несколько раз приезжать сюда, дабы отвести подозрения, а потом мы скажем, что рукописи готовы и помещены в мою личную библиотеку.

– Дело не в этом, – покачал головой журналист, – раз мы уже договорились, то я обязательно напишу эту книгу. Тем паче за обговорённый гонорар. Но меня интересует...

Барон поднял руку, прерывая собеседника.

– Причина та же, по которой я не сообщаю всему миру вокруг об одержимости Патрика. Подумай сам, что будет, если я расскажу о моей беде? Ты же сам работник газеты. Что напишет печатное издание, узнав правду? Что скажут люди?

Майер задумался.

– Есть несколько возможных вариантов развития событий.

– Ну-ка, ну-ка, поделись с нами, – попросил барон.

– Скорее всего, никто не поверит вашим словам, потому что тебя, и Патрика поместят в больницу, для обследования и дальнейшего лечения. Особенно, если будешь упорствовать в своих выводах про демонов.

Генри кивнул, соглашаясь с мнением парня.

– Продолжай.

– Если же, все поверят твоим доводам, то существенно ничего не изменится. По крайней мере, для Патрика. Учёные захотят изучить этот феномен и заберут твоего брата... в больницу, или, если ещё хуже, в лабораторию. Само собой понятно для чего...

– Для чего? – неуверенно уточнил священник, внимательно следивший за беседой.

Михаэль не успел ответить, барон сказал раньше:

– Опыты. Захотят выяснить, как демон попал внутрь человека и как его вытащить.

– Совершенно верно, – подтвердил журналист.

– Я ответил на твой вопрос? – губы барона тронула легкая улыбка.

– Не совсем, – Михаэль не сдавался. – Я не предлагаю рассказать всем, а лишь Чарли.

– Наш доблестный шериф, как ты сам отметил, честный, но при этом, он человек закона и поступит по закону, даже вопреки своим личным мотивам и интересам. И если он узнает про Патрика, то не позволит держать его здесь взаперти... кхем... в подобных условиях. Себя вспомни. По твоему лицу можно было многое прочесть, когда ты только зашел в эту комнату.

Михаэль Майер не нашёл что возразить в ответ.

– Поэтому я надеюсь, – продолжил Генри, – что ты сохранишь в тайне то, о чём сегодня узнал. Даже, если хочешь, я тебя искренне об этом прошу.

– А куда деваться? – наигранно вздохнул немец. – Стоит мне воспротивиться, как вы сразу уличите меня в одержимости, и, надев кандалы, прикуёте тут же, рядышком. Будет Патрику компания.

* * *

На следующее утро, молодой священник, которого Михаэль Майер повстречал в «пыточной камере», провёл утреннюю службу в церкви Бринстоуна. Выглядел он выспавшимся и отдохнувшим, ведь, в отличие от большинства гостей барона, Сэмюэль Кит покинул замок ночью, и, добравшись, домой сразу лёг спать, почти мгновенно провалившись в крепкий сон. К слову, священник всегда хорошо спал и главное высыпался, если до сна выпивал бутылочку чудесного баронского вина. Даже когда спать приходилось всего пару часов. А вчера, количе-

ство спиртного превысило один сосуд, да кроме того, барон Гаффри расщедрился и подарил ещё бутылку вина уезжающему священнику с собою.

Вспомнив о подарке, Сэмюель страстно захотел прикоснуться к заветной бутылке ладью, услышать звук вина, неспешно наполняющего бокала, и почувствовать дивный виноградный вкус на своих устах. Однако, при всей своей любви к сладкому алкоголю, молодой священник себя зависимым, и тем паче больным не считал.

«У всех есть свои маленькие слабости» – не раз говорил он своим знакомым. – «Кто-то цветы любит выращивать, кто-то к чужим жёнам по крышам бегают. А от того, что я немного выпью, никому хуже не становится. Да и что ещё делать в этом скучном, Богом забытом городе?» В оправдание, стоит отметить, что последние, кощунственные слова, он говорил редко, лишь в присутствии самых близких и верных друзей. В остальное же время, особенно находясь на службе, Сэмюель Кит достойно нёс Слово Божье народу, даря благословение просящим, и наставляя на путь истинный.

Завершив утреннюю службу, священник отправился в свою келью, где сменил официальную рясу на повседневную и в очередной раз пожалел о том, что не догадался взять бутылку вина с собой, а оставил её дома. К счастью, не всё так плохо. В церкви имелся солидный запас кагора. Конечно, на вкус он сильно уступал напитку сэра Генри, но всё же плохим не считался. Священник наполнил бокал из дубового бочонка, специально находившегося здесь, и, сев на грубую, деревянную лавку, несколько минут отдал на дегустацию церковного напитка.

Любой посторонний наблюдатель, оказавшись он тут случайно, с уверенностью бы заявил, что Сэмюель пробует этот напиток впервые, и, несомненно, он профессиональный дегустатор. Этой уверенности способствовало то, как именно священнослужитель поглощал алкоголь. Не спеша, смакуя каждый глоток. И пока кагор, как любимый ребенок, лениво баюкался за щекой парня, он слегка вращал бокал в руке, наблюдая за движением жидкости в нём с таким видом, будто ожидая, что она превратится во что-то иное, неизвестное, но безумно важное и интересное. Когда церковный напиток в бокале закончился, Сэмюель Кит не спеша поднялся с лавки, поставил посуду на место, и, оправив рясу, вышел в коридор.

Церковь, в которой Кит служил вот уже пятый год, являлась чуть ли не единственным каменным строением в Бринстоуне, и, безусловно, самым высоким. Массивное, слегка мрачное здание из серого камня, немного напоминало замок Гамфри. Возможно тем, что толстые стены также дарили уверенность в защите от внешнего мира. Однако, всю картину обороноспособности портили огромные оконные проёмы. Может статься, как утверждали некоторые старики, и замок и церковь строили из одного и того же камня. Но со стопроцентной достоверностью никто доказать не сумел, да и не слишком старался.

Вообще, Бринстоунскую церковь можно разделить минимум на три части. Основная часть представляла собой вытянутый в длину короб. Высотой с трёхэтажный дом, увенчанный двускатной крышей. Одним из главных элементов красоты являлись высокие, витражные окна, закруглённые сверху по форме арки. Пять окон, занимающие почти всю стену и столько же на противоположной стороне, давали достаточное количество света для главного зала, в котором велись службы. Второй частью являлась четырехугольная башня высотой, аж в шесть стандартных этажей. А четыре конусообразных шпиля на ее верхушке были наивысшими точками во всём городе. В эту часть здания прихожан не пускали. Считалось, что все помещения в башне занимали личные апартаменты высших чинов в иерархии церковников. Последней, третьей частью можно посчитать несколько пристроек из того же материала, расположенных в различных местах церкви и используемых для хозяйственных нужд. Самое большее находилось в левом крыле церкви. Там же сделали главный вход, а со второго этажа начиналось огромное витражное окно, занимавшее весь левый фасад здания, вплоть до самой крыши. Помимо всего прочего, церковь была украшена тематическими лепнинами и барельефами, а вместо углов здания везде возвышались длинные, изящные колонны, начинающиеся от самой

земли и заканчивающиеся выше основной крыши. Колонны, увенчанные на верхушке острыми шпилями, тоже предавали зданию схожесть с вышеуказанным замком.

Сэмюелю было неинтересно любоваться внутренними, и тем паче наружными красотами церкви. К тому же, за всё время работы здесь, он успел привыкнуть к окружающему его убранству и не обращал на него особого внимания. Покинув свою келью, расположенную на втором этаже, священник спустился вниз и направился в сторону башни. Попутно Кит заглянул на кухню, взял там поднос, и, наложив на него с десятков свежее испечённых, румяных пирожков, двинулся дальше. Преодолев несколько коридоров и главный зал, он, наконец, добрался до двери, ведущей в башню и начал подниматься по широкой ступенчатой лестнице. С мыслью о том, как же интересно, старик-епископ ежедневно преодолевает этот подъём, Сэмюель, слегка запыхавшись, остановился на последнем, пятом этаже и встал перед красивой двухстворчатой дверью. Постучал.

– Войдите.

Молодой священник аккуратно приоткрыл одну дверь, совсем чуть-чуть, и пролез в образовавшуюся щель. Оказавшись внутри, спиной закрыл дверь, но остался стоять там же, не двигаясь, и не поднимая взгляда от пола.

– Проходи. Садись. – Раздался спокойный старческий голос.

Позволение получено, протокол соблюден и молодой священник, подняв голову, подошёл к письменному столу.

Преподобный монсеньер епископ Бенджамин Диккенс восседал на большом деревянном стуле, по изяществу напоминавшем кресло, но по удобству и жесткости сиденья являлся табуретом, хоть и с высокой спинкой. Сидеть на нём долгое время было жёстко и неудобно, но Его Преподобное Превосходительство, казалось, подобных мелочей не замечало. Порой, когда Сэмюелю приходилось заходить сюда по несколько раз на дню, он ни разу не замечал, что епископ покидал свой «трон», и никаких признаков усталости или раздражительности от долгого сидения не высказывал. А ведь он уже стар. Как-никак, семьдесят пять лет стукнуло. Другие церковные чины, как достоверно знал молодой священник, в подобном возрасте и звании уже ничем не занимаются, ничего не делают, кроме как лениво, по большим праздникам, благословляют гостей, и дают поцеловать свою дряхлую, изнеженную руку или пальцы, в зависимости, опять же, от своей должности. Бенджамин Диккенс, вопреки стереотипам в голове священника, не просто постоянно сидел за своим письменным столом, доживая свой век и «Размышляя о Господе Нашем», а добросовестно работал на благо церкви доступными старика силami. А именно занимался чуть ли не всей бумажной волокитой. Даже в богоугодном доме приходится заниматься канцелярской работой, проверяя счета, подписывая указы, сверяя документы и просматривая письма, которые епископ получал с завидной регулярностью. Помимо того, когда никаких срочных бумаг, требующих внимания главного священника Бринстоунской церкви не имелось, или вечером, когда большинство священнослужителей расходились по домам, монсеньер епископ не отдыхал. Он либо что-то писал, Сэмюель не без оснований предполагал что мемуары, либо читал огромные и очень старые, с виду, книги. А после этого снова что-то выписывал из этих самых книг. Из-за большой тяжести подобных книжных изделий и слабости старика, Кит часто собственноручно приносил их сюда из библиотеки, по просьбе епископа. Но вот открыть и прочитать хотя бы пару страниц, заставить себя не мог. Хотя часто ловил себя на неподдельном интересе: «Что же там вычитывает преподобный отец?»

Сам монсеньер жил здесь же, в церкви. Из этого кабинета вела еще одна дверь в скромно обставленную спальню: кровать, тумбочка, лавка и стол. Потому, он никуда не спешил и часто засиживался за столом далеко за полночь. А может и вообще не спал, так как, приходя рано утром, молодой священник частенько заставал своего начальника на том же месте, над той же книгой, что и накануне.

Сэмюель поставил на письменный стол поднос с пирожками.

– На кухне сказали, вы опять не спускались на завтрак, – священник присел на табуретку, напротив епископа. – Я подумал, что вам не помешает подкрепиться.

– Благодарю тебя, брат Сэмюель. – Проговорил преподобный отец, убирая стопку бумаг в ящик стола, и вынимая оттуда другие. – Я обязательно отведаю. Запах чудесный... Только вот еще закончу одно дело.

Бенджамин Диккенс говорил искренне, и честно собирался выполнить обещание, однако, молодой священник прекрасно знал, что епископ может так и не притронуться к пирожкам, совершенно забыв об их существовании. Или так погрузится в работу, что на «никому ненужное питание» так и не найдётся свободной минутки. Потому, Кит постарался вложить в голову монсеньера как можно больше напоминаний об этом блюде.

– Они сегодня получились вкуснее обычного! – Сэмюель демонстративно взял пирожок с подноса и с завидным аппетитом принялся его поглощать.

– Я нисколько не сомневаюсь в этом. Наши повара отлично справляются со своими обязанностями. Ты не находишь? – Монсеньер епископ внезапно уставился на собеседника, отчего тот едва не подавился.

У Его Преподобного Превосходительства была такая особенность. Порой он вел себя спокойно, по-доброму, словно отец родной, проявляя к собеседнику лишь слабый, вежливый интерес, а иногда задавал неожиданные, даже несвязанные с ведущимся до этого диалогом, вопросы. И в голосе его слышались стальные нотки, от которых по коже начинали бегать мурашки, и хотелось разом признаться во всех грехах, даже если их и не совершал. По слухам, раньше, до назначения в эту церковь, епископ являлся неким профессиональным дознавателем. В секретной службе запретной инквизиции. Неизвестно, правдивы ли слухи, но в такие моменты, как сейчас, Сэмюель в них свято верил.

С трудом проглотив откушенный кусок, молодой священник смог лишь кивнуть в ответ. Слава богу, что епископу этого оказалось достаточно, и он вновь углубился в свои бумаги.

– Как всё прошло? – Спросил монсеньер, так и не отрывая взгляда от документов.

– Утренняя служба проведена, как положено, – чётко, по-военному, доложил Сэмюель.

– Давай без шуток, брат Кит. – На старом лице епископа появилась легкая улыбка. – Ты же знаешь, о чём я.

Сэмюель знал. Так как всегда рассказывал о своих поездках в замок Гамфри. Однако, у молодого священника с главным епископом Бринстоуна отношения сложились дружеские, доверительные, и потому, он себе позволял многое, что не могли остальные церковники. Включая шутки и некую вольготность. Мало кто посмел бы сидеть напротив Преподобного Отца, бесцеремонно пожирать пирожки и не получить за это, как минимум, взыскание.

– Всё так же. Без изменений. – Сэмюель, наконец, расправился с пирожком.

– То есть, – с интересом переспросил епископ. – Вино у барона всё такое же изысканное?

– Вы как всегда правы, монсеньер епископ! – Не вставая, священник изобразил шуточный поклон. – Однако, тайну барона теперь знает еще один человек.

– Интересно. – Преподобное Превосходительство оторвал взгляд от бумаг. – В нашем тайном обществе пополнение. И кто же новый участник?

– Новый журналист из «Нью-Инстерк». Приехал к нам не так давно.

Сэмюель Кит подробно рассказал о вчерашних событиях, связанных с одержимым братом Гамфри.

– Значит, Михаэль тоже пообещал хранить тайну?

– Да, – подтвердил священник. – Думаю, он не обманет. Порядочный джентльмен.

– Возможно, – задумчиво произнес Бенджамин Диккенс, – было бы лучше, если б не сохранил...

– Простите?

– Я имею в виду, что твои молитвы приносят лишь временное облегчение несчастному Патрику. И держать его в цепях не самое разумное решение.

– Вы говорите, как тот журналист... – сообщил Сэмюель.

– Помню! – слегка раздраженно кивнул старый монсеньер. – Его слова как раз отчасти верны, потому, я их повторил. Что бесчеловечно использовать оковы, словно против преступника, убийцы.

– Иначе он и сам себя может покалечить! – возразил Кит.

Преподобный Отец лишь отмахнулся, возвращая свое внимание к настольной макулатуре. Подобные споры возникали уже не раз. И многое уже оговаривали повторно, и не единожды. Смысла снова спорить мудрый епископ не видел. Сэмюель тоже замолчал.

– Преподобный Отец? – Кит первым нарушил тишину.

– Слушаю, брат Сэмюель.

– Есть же способ избавить Патрика от одержимости.

– Ты опять про экзорцизм?

Молодой священник утвердительно кивнул. Монсеньер епископ устало закричал, выпрямившись в кресле, и закинул руки за голову, вытягивая «застывшую» спину. Рукава его дорогой, красного цвета, рясы скатились к локтям, обнажив тонкие, худые руки со сморщенной кожей.

– Отвечу официально. – Не меняя позы, сказал главный священник. – Церковь не одобряет экзорцизма. И ты это прекрасно знаешь, но продолжаешь задавать глупые вопросы.

– А если не официально? – упрямо спросил Сэмюель.

– Много вопросов до добра не доводят, – с упреком предупредил Бенджамин, но все же ответил: – Провести обряд экзорцизма можно, однако нужен специально обученный человек. Вот ты сможешь провести такой ритуал?

– Нет, – честно признался Сэмюель Кит.

– То-то и оно! – Епископ даже указательный палец вознес к небу. – Я, может быть, смогу, теорию знаю, но сам лично подобного не делал. А если не справлюсь? Мало того, что опозорюсь перед бароном, но ведь можем и навредить Патрику. Об этом не думал?

– Нет. – Чистосердечное признание.

– Есть и еще одна причина, по которой экзорцизмом нам лучше не заниматься. Хотя, эта причина касается лишь нас.

– Какая?

– Даже если мы скрытно проведем обряд, вопреки запрету церкви, и дай Бог, проведем качественно, Патрик избавится от недуга, то всё равно, рано или поздно об этом станет известно. И тогда, нас отлучат от церкви. Причём, совершенно заслуженно, ибо каждый должен заниматься своими делами, а не лезть, куда не следует... У вас нет дел более, брат Кит?

В голосе Преподобного зазвенели холодные нотки. Молодой священник прекрасно знал, что когда епископ говорит таким тоном, спорить и задавать вопросы не стоит. Дружба дружбой, но субординацию, порой, соблюдать надо.

– Есть. – Священник встал на ноги. – Преподобный Отец, благословите.

Бенджамин Диккенс перекрестил склонившегося парня и тот, спросив разрешения, удалился. А епископ еще какое-то время предавался нелегким размышлениям, рассматривая потолок, после чего резко встряхнул головой, отчего редкие седые волосы по-хулигански разлохматились, и стал записывать одному ему известный текст в книгу.

Глава 9

В то время, когда два священнослужителя беседовали о внутренних законах церкви и её запретах, Михаэль Майер только-только подъезжал к своему, хоть и временному, но всё-таки дому. Вчерашний вечер плавно перетек в длинную ночь, из которой удалось вырвать лишь несколько часов для сна, которых, если честно, категорически не хватило, и сейчас Майер чувствовал себя сонным и уставшим. Не мудрено. Столько необычных, странных событий сразу, пусть и не в один день, а в несколько подряд, редко кому выпадает пережить за всю жизнь. У любого сдадут нервы, нарушится психика, если привычное мироздание окажется далеко не таким обыкновенным.

После того, как «добровольцы» шерифа вернулись с осмотра вверенных им территорий и доложили о результатах, а точнее об отсутствии таковых, Чарли отпустил своих гражданских помощников и разрешил выпускать гостей из замка. Народ в большинстве своём так и поступил, даже сам Чарли через пару часов покинул замок вместе со своей семьей, раздав нужные распоряжения полицейским. Михаэль так же собрался возвращаться совместно с семейством Дуэйн, но нарвался на жестокий протест барона, уговаривающего, чуть ли не в приказном порядке переночевать здесь, в замке. Иначе: «глубоко ранит гостеприимство хозяина, и возможно, заполучит кровного врага».

Выслушав подобную тираду, Майер согласился, предполагая, что удостоился этого приглашения больше потому, что Генри боялся, как бы он, Михаэль, не раскрыв тайну шерифу во время дороги домой. Как бы там ни было на самом деле, журналисту выделили чистую уютную комнату, специально предназначенную для гостей, в которую он и отправился, когда гудящий, как встревоженный улей, замок немного затих.

Утро началось довольно необычно для городского жителя. Кому-то спозаранку приспичило рубить дрова, причём непосредственно под окнами Михаэля. Резко проснувшись от звука ударов, журналист даже не захотел выяснять, кто именно его разбудил. Так и не выглянув в окно, чтобы разглядеть обидчика, он медленно, спросонья оделся и покинул спальню. Обнаружил владельца замка и получил от него весьма неуместное пожелание доброго утра, на которое, впрочем, ответил аналогично. Воспитание никто не отменял. После чего последовал ароматный и обильный завтрак, слегка взбодривший немца.

Барон сообщил, что договорился с одной престарелой парой, из числа своих гостей, также заночевавших в замке, о том, что те подкинут Михаэля до города, когда он будет готов. Майер не стал мешкать, и сразу после завтрака карета, похожая на карету шерифа как две капли воды, покинула владения барона Гамфри. Преодолев весь путь, журналист поблагодарил стариков и вылез из экипажа, напротив своего дома.

Солнце успело подняться высоко и его горячие лучи обещали очередной жаркий день, а ветер, изредка приносящий каплю прохлады, сегодня бесстыже взял выходной.

Закинув сумку с вещами за спину, немец стал растирать затекшие, от долгой поездки ноги. Ощущение побитости и усталости он чувствовал во всем теле, а не только в нижних конечностях.

– Не слишком поздно для утренней зарядки? – раздался рядом звонкий женский голос.

Журналист поспешно обернулся.

Незабвенная Анжелика Аллен приближалась к удивленному парню, который при виде красивой девушки стал поспешно оттряхивать дорожную пыль с одежды. Та заметила его старания и беззаботно улыбнулась. На ней было лёгкое, свободное платье тёмно-бежевого цвета, с рукавами лишь до локтей. Довольно своевольный наряд, даже для столицы.

– Привет, – поздоровался Михаэль и ворчливо добавил. – Да, нет, просто эта пыль... Въедливая до невозможности.

Приблизившись вплотную, девушка вместо приветствия поцеловала парня в щёчку. После такой неожиданной награды, грязь на одежде, да и во всём мире, на время совершенно перестала волновать Майера.

– Как съездил? Как бал? Расскажешь? – поинтересовалась Анжелика.

– Да как сказать... – слегка замялся немец.

– Совсем ужасно? Я слышала, именно ты нашел тело третьего ребенка?

– Откуда ты знаешь? – удивлённо спросил он.

– Полгорода в курсе. Первые новости ещё ночью узнали, – с печалью в голосе сообщила девушка.

Михаэль лишь устало кивнул.

– Не расстраивайся, – Аллен сделала просительное личико, – Никто не виноват, что так получилось. Всё будет хорошо. Преступника обязательно найдут. Шериф обещал.

Майер вздохнул. Он-то как раз, как никто другой хорошо знал преступника. Точнее преступников, если, конечно, можно так назвать демонов-бесов. Наблюдательная девушка заметила реакцию парня, но поняла её по-своему.

– Переживаешь, что не смог полностью насладиться Рыцарским балом? Совсем ничего не успел там посмотреть?

Михаэль заверил, что вначале вечер удался на славу. Банкет, веселье, состязание рыцарей, знакомство с бароном...

– Давай ты мне всё подробно вечером расскажешь? За ужином?

– Договорились! – поспешил согласиться Михаэль.

– Приглашаешь на ужин? – кокетливая улыбка озарила лицо Анжелики.

– Да! Всенепременно.

– Тогда заходи за мной в семь.

Аллен попрощалась, махнув рукой, и ушла. Михаэль же задумчиво продолжал стоять посреди улицы с сумкой за спиной. Внезапно в голове возникла странная мысль, что Анжелика, возможно, специально поджидала Михаэля возле его дома. Зачем? Непонятно. Абсурд. И как девушка узнала, когда он вернется, если об этом он и сам точно не знал?

– Так и параноиком стать недолго, – тихо возмутился немец, попутно отбросив идею пойти к старушке-соседке, и выяснить, не видела ли она тут красивую, тёмноволосую девушку.

Переступив порог дома, Михаэль отчётливо почувствовал запах затхлости и пыли. Всё-таки уборка, которую он провёл в нескольких комнатах, оказалось недостаточной, чтобы превратить помещение в жилое и обжитое. От этого открытия настроение у уставшего и не выспавшегося парня совсем упало. Хорошо хоть, самому всю эту грязь вычищать не придётся, ведь барон обещал прислать людей, которые и превратят всю внутреннюю обстановку в божий вид.

Сейчас же немец решил завершить одно важное дело и, забросив сумку в свою спальню на втором этаже, первым делом отправился дальше по коридору, туда, где обнаружил обрывающиеся на полу следы. Слова, сказанные племянником шерифа, засели в голове Майера и не давали покоя. Джейсон утверждал, что в подобных домах всегда есть люк, ведущий на чердак, и новый житель дома хотел как следует обследовать тот чулан.

Слегка замешкавшись перед закрытой дверью, Михаэль повернул ручку и вошел в пыльную кладовку. С той памятной ночи ничего не изменилось. Четыре голые стены, одинокое оконце на противоположной от двери стены, почти под потолком и полно пыли да паутины.

Однако, сейчас стоял ясный безоблачный день и солнечный свет проникал даже сквозь грязное стекло оконной рамы. При таком освещении комната не казалась необычной или потусторонней. Уверенной походкой смелый журналист прошагал в центр чулана и встал прямоком на то место, где обрывались неведомые следы. Подняв руки, Михаэль стал обследовать поверхность невысокого потолка, проводя по нему кончиками пальцев, а местами стряхивая пыль носовым платком. Чувствовал он себя при этом очень глупо. Пришлось встать на цыпочки для

удобства. Поиски почти сразу увенчались успехом, и парень указательным пальцем зацепился за петлю из крепкой нити. Недолго думая, немец потянул за неё, и вслед за ниткой с потолка свесилась добротная, хоть и постаревшая от времени веревка.

Как оказалось, задумка была простая. Чтобы открыть люк, нужно потянуть за веревку, но, свисавшая с потолка веревка постоянно мешалась. Поэтому в потолке, возле люка сделали щель, куда и упрятывалась веревка, а чтобы её проще было доставать, к ее концу привязали крепкую нитку с петлей. Со временем грязь и пыль полностью скрыли веревку, да и сам проем люка полностью слился с потолком. Немудрено, что Михаэль в ту злопамятную ночь ничего не заметил. Отыскать люк оказалось возможным лишь при намеренном поиске. Пришлось мысленно поблагодарить хулиганские походы Джейсона по заброшенным домам, иначе бы Михаэль так никогда бы и не узнал об этом чердаке.

Журналист сильно потянул за веревку и сверху с треском открылась деревянная крышка. Вместе с ней на голову незадачливому исследователю упала куча пыли, деревянной трухи и веревочная лестница, весьма озадачившая Михаэля. Он никогда не думал, что для подъёма на чердак собственного дома кто-то использует подобное средство, куда более уместное на каком-либо корабле. Лестница свисала почти касаясь пола и взобраться по ней для здорового человека не составляло особого труда, что немец и продемонстрировал, не вдаваясь в долгие рассуждения на тему «Что меня (или кто) ждёт наверху». По правде сказать, мысль сперва сбегать за шерифом или другим полицейским на грани сознания всё же возникла, но Майер поспешно отогнал её прочь. Да и любой нормальный преступник, окажись такой на самом деле, давно бы сбежал, а не терпеливо дожидался хозяина дома более суток подряд.

Чтобы оказаться на чердаке Михаэлю пришлось подтягиваться на руках, уцепившись за край пола, а потом стряхивать пыль с колен, которыми «протёр» пол возле люка. Поднявшись на ноги, немец осмотрелся. К немалому удивлению чердак не сильно выделялся от остальной части дома. В том смысле, что вездесущей пыли, пауков и грязи здесь имелось не больше, чем, к примеру, в гостиной. Хотя, по здравому рассуждению в подвалах и чердаках этого добра всегда больше, так как людская посещаемость реже. Создавалось ощущение, что перед тем как дом опустел, бывшие владельцы зачем-то помыли и почистили его везде и со временем грязь и запустение распределились по дому равномерно. Возможно, так оно и было.

Чердак ничем не отличался от сотен тысяч других подобных ему. Двухскатный деревянный потолок-крыша «украшенный» поперечными балками из того же материала, два полукруглых оконца в дальних противоположных друг от друга стенах, дощатый пол, противно скрипящий от каждого крамольного шага. Первый такой шаг и последующий за этим звук заставили сотню мурашек пробежаться по коже Михаэля, а спину покрыться холодным потом. Здесь оказалось достаточно светло, по крайней мере, по сравнению с покинутым чуланом. Дневной свет, проникающий не только сквозь оконные стекла, но и через множество щелей в крыше и стенах, которые обычно незаметны в пасмурный день, рассеивал в воздухе частицы пыли, создавая на стенах блики и солнечных зайчиков. Если старые хозяева и делали генеральную уборку дома перед тем как его покинуть, то выбросить весь хлам с чердака явно не удосужились. Всё, что здесь находилось, можно описывать долго, однако каждый человек может и сам представить себе, что обычно хранят на чердаках: старые сундуки, комоды, стулья. Некоторые поломанные, а другие абсолютно целые. Куча разного барахла, начиная от одежды, тряпок и обуви, и заканчивая картонными и деревянными коробками, в которых могло храниться всё что угодно, включая бесценную картину, либо вазу с отколовшимся горлышком, не стоившую сейчас и самой мелкой монеты.

В центре чердака стоял высоченный двухстворчатый шкаф, деливший помещение как бы на две части. Одна его дверца была приоткрыта и держалась лишь на одной петле. Другая оставалась закрытой и могла служить прибежищем потенциального преступника, так как, осмотревшись по сторонам, Михаэль ничего подозрительного не заметил. Правда, стоя возле

люка, открытому обзору подлежало лишь три четвертых площади чердака, остальную часть от любопытного взгляда скрывал этот самый таинственный и неизвестно что хранящий в себе шкаф, к которому Майер и двинулся неспешным шагом.

Бесшумно подойти не получилось, при каждом движении старые доски предательски скрипели, и кто бы ни прятался в шкафу, о приближении парня наверняка слышал. Уже оказавшись перед шкафом, Михаэля посетила здравая, но запоздавшая мысль чем-либо вооружиться. Однако под рукой ничего подходящего не нашлось, если не считать свернутого в рулон ковра, а возвращаться назад в поиске более рационального предмета, Михаэлю стало банально лень. Он взялся за медную ручку закрытой дверцы. С каждой прошедшей секундой решимость куда-то убегала всё больше, и потому немец резко потянул руку на себя, открывая шкаф. В тот же миг, прямо из шкафа на парня набросился тёмный силуэт. От неожиданности журналист повалился на спину, увлекая незнакомца за собой. Решив дать достойный ответ, Михаэль начал отбиваться, активно используя кулаки и колени. Через пару мгновений жестокого поединка он отметил, что его соперник не сопротивляется, ведёт себя странно, да и весит слишком мало для нормального человека.

Успокоившись, Майер легко сбросил с себя жестокого и кровожадного преступника, оказавшегося всего лишь черным пальто на вешалке, после чего поднялся на ноги, громко чертыхаясь. Ругаясь на чём свет стоит, немец уже и не думал о соблюдении тишины, а в сердцах обзывал себя самым последним дураком на свете. Затем с силой захлопнул дверь шкафа. От удара шифоньер содрогнулся и вторая дверца, висевшая на честном слове, сорвалась с петли и грохнулась об пол, подняв облако пыли, и едва не придавив грубияну ногу.

Развернувшись спиной к шкафу, злой и недовольный Михаэль отправился обратно к люку, но резко замер, так и не поставив на пол поднятую в шаг ногу, когда услышал короткий смешок. В наступившей тишине секунды потекли длиннющие, как хвост змеи, и напряженные, как тетива лука. Но больше никакого звука не раздавалось. Не вытерпев, немец все же опустил ногу на пол, восстановив равновесие, и создав этим движением новый скрип половицы. После чего снова стал ждать, прислушиваясь к любым звукам. Терпения хватило чуть больше чем на пять минут, за которые журналист сумел себя убедить, что смех ему просто послышался на фоне не высыпания.

– Может птица... – Чуть слышно успокоил он себя, продолжив путь к люку.

– Вжик... Вжик...

Сомнения исчезли, на чердаке скрывался кто-то ещё, помимо Михаэля и злополучного пальто! Раздавшийся звук отчётливо это доказывал и доносился он из-за шкафа. Скрип не прекращался и повторялся с последовательностью маятника.

– Вжик...

Зловещая тишина.

– Вжик...

И снова пара секунд безмолвия.

Привыкший к звукам собственных шагов Майер, отчетливо понимал, что раздающийся скрип не является детищем старых половых досок, по которым кто-то ходит, но отдалённо его напоминал. Набравшись решимости, Михаэль двинулся в сторону шкафа.

– Вжик...

Михаэль делает шаг.

– Вжик.

Второй шаг, стараясь двигаться так, чтобы звук из-под собственных подошв одновременно совпадал со скрипом из-за шкафа. Пока, вроде, получалось, по крайней мере неизвестный источник звука не умолкал. Добравшись до шифоньера, Михаэль прижался к нему, затем медленно стал его обходить по правой стороне, двигаясь максимально тихо.

Инстинкт самосохранения подсказал ему не рисковать и потому немец чуть пригнулся и не спеша заглянул за ту сторону шкафа. Сперва Майер увидел лишь спинку кресла-качалки и заднюю часть его дугообразных ножек, которые его раскачивали, создавая как раз этот заинтересовавший журналиста скрип. Зато время, пока немец не двигался, раздумывая над тем, что кресло никак не могло двигаться само по себе, а значит его «что-то», а скорее всего «кто-то» раскачивал, или просто задел, и потому не стоит ли по-тихому уйти, раздался вопрос:

– Ты его победил?

Голос оказался женским, почти детским и никакой опасности, кроме внезапности возникновения, вроде как, не представлял. К тому же, вздрогнув вначале от неожиданности Михаэль, кажется, осознал, кому принадлежал этот до боли знакомый голос и потому смело шагнул за шкаф.

– Кого? – с удивлением спросил он, обходя кресло-качалку.

– Шкаф, – сидящая в кресле Кэрри, удивленно приподняла брови, глядя снизу вверх на журналиста. – Или вон его.

Девчушка ткнула большим пальцем себе за спину, где валялось старое, отброшенное немцем пальто. Михаэль не стал отвечать на каверзный вопрос, у него возникло много своих.

– Что ты тут делаешь?

– Сiju.

– Зачем?

– А зачем сидят? Устала, вот и присела.

Спокойствию девочки оставалось только позавидовать, а вот Майер терял терпение.

– Отчего устала? Пробираться в чужой запертый дом?

– Нет...

– А отчего тогда?! – Михаэль уже чуть ли не кричал.

– Принести чаю? – с заботой в голосе спросила Кэрри.

– Нет!

Михаэль упрямо смотрел на черноволосую девочку, словно собираясь пронзить её взглядом, добывая ответы. Та лишь притворно вздохнула и тихо призналась:

– Я дом осматривала, вот и устала... Можно я тут, на чердаке, себе комнату устрою? Мне здесь больше всего понравилось.

Полное удивление и недопонимание отразилось на лице Майера, как текст в открытой книге для всеобщего обозрения. На какое-то время он потерял дар речи, переваривая услышанное.

– Для чего ты осматривала мой дом? – по ходу Майер расслышал лишь первую часть из сказанного девочкой.

– Искла-где-я-буду-жить. – Говоря по слогам, ответила Кэрри.

– В каком это смысле? – раздражённо спросил немец. – И причём тут мой дом? Ты хоть понимаешь, что нельзя забираться в чужие дома? Это преступление. За такое сажают в тюрьму!

– А где я, по-твоему, должна жить? – Девочка от негодования аж топнула ножкой по скрипучему полу.

– Да где угодно! В приюте, где вроде как ты и жила, пока не вломилась ко мне и не спряталась на чердаке. Но только не тут.

– Почему?

– Потому что я так сказал! Я хозяин в этом доме, – строго заявил Михаэль.

– Разве в семье отец и дочь не живут в одном доме?

– Живут, естественно, они же семья... – машинально ответил журналист и запнулся на полуслове.

– Тогда почему, ты запрещаешь мне жить здесь? – Кэрри встала с кресла, подняла с пола пальто и повесила его обратно в шкаф.

– А должно быть как то иначе? – уже тише спросил Михаэль.

– Так ты же меня удочеряешь.

Вот теперь до журналиста дошло. Он вспомнил и разговор с директором приюта, и с самой Кэрри в замке Гамфри, где она спрашивала про её удочерение. Как-то некрасиво получилось, даже немного стыдно стало Михаэлю. Девочке из приюта надежду, получается, подарил, а потом обманул жестоко. О том, что это самая девочка вторглась в его дом без спросу, он сразу подзабыл...

– Послушай, ты чудесная девочка, правда. – Немец присел на корточки, дабы смотреть ребенку в глаза, однако Кэрри повернула свою голову в сторону, будто рассматривая что-то интересное в оконце – И ты меня прости за грубость, и обман, я не думал, что так получится...

Кэрри внимательно слушала молодого человека. Впрочем, Майер не знал, слушала ли или же думала о своём, однако, по крайней мере, не перебивала.

– Из меня получится никудышный отец, ты уж мне поверь.

– А зачем же ты приходил в «Сиротский дом мадам Джонс»?

– Я журналист. И мне нужно было поговорить с директором.

– И для этого необходимо лгать про удочерение? – язвительно проговорила девочка.

Неприятно слышать подобные обвинения от ребенка, хотя доля истины в её вопросе была. Совесть победно заворачивалась внутри Михаэля, но дальше он ей «говорить» не позволил. И признаваться, что лгал директрисе лишь для того, чтобы прочитать документы о ней, не хотел.

– Да, иногда приходится обманывать. Когда ты подрастешь, то поймешь, что в этом жестоком мире люди часто лгут, для достижения своих личных целей. А иногда и просто так, без причин. И мне пришлось тоже.

– Понятно. – От девочки отчетливо повеяло холодом.

Кэрри развернулась и прошагала к люку.

– Извини. – Еще раз повторил Михаэль, стараясь сгладить вину, и угрызения своей совести.

– Ты всё равно будешь моим, – негромко сказала черноволосая девчонка, не оборачиваясь, и, прежде, чем Майер отреагировал, исчезла в проеме люка.

– Провожать, похоже, нет необходимости? Выход уже знаешь где... – в пустоту проговорил немец.

* * *

Выбравшись из объятий сновидений, Михаэль Майер сладко потянулся, выпрямившись в полный рост, лёжа в своей мягкой кровати. Никакие сны не остались в памяти проснувшегося, даже если и были. Журналист смутно помнил, как добрался до спальни после ухода Кэрри, и как бесстыже завалился спать в начале дня, когда как все нормальные люди только приступают к работе. Зато теперь чувствовал себя свежим, отдохнувшим, но слегка ленивым. В сонной голове было пусто и спокойно, ни одна назойливая мысль не мешала, и Михаэль решил побаловать себя, и подольше поваляться в постели. Однако, как часто бывает, мозг начал «включаться» быстрее, чем полусонное тело, и первая, противная своей внезапностью, мысль заставила Майера подпрыгнуть на матрасе и вмиг вскочить на ноги. Всего несколько минут ушло на то, чтоб отыскать свою одежду, одеться, привести себя в порядок, и почти бегом выскочить на улицу. На город стремительно опускались сумерки.

– Знатно я поспал, – подвёл итог журналист.

Около пятнадцати минут потребовались ему, чтобы добраться до дома Анжелики, благо ещё, он уже знал её адрес, и то один раз свернул не в тот переулок, и немного поплутал. И в итоге опоздал ровно на десять минут.

Черноволосая Аллен к тому времени покинула дом и сидела на веранде за легким, деревянным столиком. Она сразу заметила пришедшего и пошла к нему на встречу.

– Опоздываете, мистер Майер, – укоризненно заявила она.

– Простите меня, прелестная леди! – Михаэль отвесил шутливый, но изящный поклон.

«Я запоздал, так как выбирал для вас букет цветов», – чуть было не проговорил он вслух, так как в это время ругал себя, что забыл об этом неизменном атрибуте встречи с девушкой.

– Я немного заблудился. Плохо пока ориентируюсь в городе.

Такой ответ, похоже, пришелся девушке по душе, и она сменила гнев на милость. И даже позволила взять себя под ручку своему спутнику. Нет большого смысла подробно описывать дальнейшие действия этого вечера. Прогуливаясь по вечернему городу, Анжелика показывала своему коллеге различные достопримечательности Бринстоуна, попутно рассказывая о нынешних делах в «Нью-Инстерк».

– Мистер Томпсон, скажу мягко, не слишком доволен, что ты не появляешься в конторе. Поэтому, прошу тебя, не злоупотреблять этим.

К слову сказать, достопримечательностями город не баловал. Церковь являлась чуть ли не единственным, но, несомненно, главным объектом для осмотра. Молодая пара внутрь заходить не стала, ограничившись внешним осмотром. Впрочем, обычная неспешная прогулка доставляла им не меньше удовольствия, чем познавательная экскурсия. А может и больше. Через какое-то время, когда стемнело окончательно, Михаэль с Анжеликой, изрядно устав, зашли, в единственный в городе ресторанчик. А после вкусного и сытого ужина, Михаэль проводил даму до дома, где заслужил прощальный поцелуй в щеку.

Весьма довольный проведенным временем, Михаэль Майер отправился домой. Ни он, ни его красивая собеседница, так и не заметили, как за ними весь вечер попятам следовал соседский чёрный кот. Вот и сейчас, сидя напротив дома Аллен, представитель кошачьих внимательно смотрел на дверь, за которой скрылась фигура Анжелики. Журналист исчез из поля зрения ночного шпиона, а кот всё продолжал рассматривать дом, словно запоминая что-то важное. Наконец, он спрыгнул с насиженного места и поспешил вслед за Михаэлем.

Глава 10

Последующие дни начавшейся недели пролетели спокойно и буднично, как у любого нормального человека. Без появления различных демонов, приведений и новых убийств, о которых бы жители, оглядываясь по сторонам, шептались. Даже удивительно. Но Михаэль не жаловался, привыкая к нормальному существованию. Правда, монокль так и носил с собою, но не пользовался по назначению. Со вторника по пятницу, то есть в стандартные рабочие дни он сидел в конторе, в своём личном, хоть и скромном кабинете и печатал. Статья, которую заказал начальник, никак не хотела превращаться в достойный и интересный текст, и главной проблемой в этом было то, что злостного убийцу или убийц несчастных детей до сих пор не нашли. Даже ни единой зацепки, улики, не говоря про банальный круг подозреваемых. Но всё же, работа есть работа, и в четверг вечером Майер отнес статью в кабинет мистера Томпсона. Тот долго и придирчиво её изучал в присутствии самого автора, после чего вынес положительный вердикт. Получив похвалу, журналист отправился домой с чувством выполненного долга и небольшой толикой гордости. Вечер обещал очередную встречу с Анжеликой, и от этого на душе парня становилось легко и радостно. И путь домой проходил почти вприпрыжку. Хотя итак все последние вечера они проводили вместе, да и на работе виделись чуть ли не ежеминутно, но разве может новая встреча сравниться с какой-то там уже прошедшей, пусть даже вчерашней? А в пятницу, тем более, после работы, встретиться, никак не получится. Девушка сообщила, что нужно посидеть с детьми, так как она подрабатывает няней.

Дом встретил хозяина до сих пор не привычной чистотой. Дело в том, что в среду спозаранку к Михаэлю постучались. Сперва немец проигнорировал, продолжая досматривать последние сны, но неизвестные посетители оказались на удивление терпеливыми, упрямыми и шумными. Более десяти минут барабанили в дверь, пока хозяин, завернутый в белую простыню, не спустился на первый этаж и не открыл входную дверь.

– Доброе утро! – жизнерадостно заявил мужчина средних лет в рабочем комбинезоне.

История умалчивает о том, что сказал в ответ, внезапно разбуженный журналист, но оптимизмом его речь не заряжала. Однако справедливости ради стоит отметить, что лицо гостя никак не изменилось, а значит, вежливость в Михаэле возобладала.

– Мистер Майер?

– Да.

– Томас Смит, – представился незнакомец, пожав руку немца. – Мы прибыли от барона.

– Да, да, слушаю вас, – поспешно сказал Михаэль.

Смит улыбнулся, догадавшись, что Майер не понял, зачем пришли люди от барона.

– Мы ваш дом приведём в порядок, – сообщил утренний гость.

– Ааа... – протянул немец, наконец, вспомнив обещание сэра Гамфри.

– Можно войти? – через минутку молчания уточнил мужчина, так как хозяин дома продолжал стоять в дверном проеме.

– Конечно, конечно! – Майер открыл дверь шире и освободил проход, приглашая Томаса внутрь.

К удивлению журналиста, в след за первым посетителем в дом вошли еще четыре женщины и двое мужчин, которых он и не заметил. Хорошо хоть дверь не успел закрыть прямо перед носом. Некрасиво бы получилось. В руках у каждого новоприбывшего имелся различный скарб: порошки, вёдра, тряпки, метлы. В общем, пока Михаэль собирался на работу, люди барона разбежались по различным углам и начали интенсивную уборку. А когда вечером хозяин дома вернулся, то обнаружил там лишь Смита, отдыхавшего на крыльце. Битва с грязью прошла успешно, все участники покинули поле брани и лишь один мужчина дождался

возвращения Михаэля, дабы доложить об этом. Да и просто оставлять дом открытым – верх безрассудства, а запасные ключи работникам никто не оставил.

С тех пор по дому можно было передвигаться без уличной обуви и не бояться попасть в коварную паутину, давно истлевшего паука. И жить стало намного, намного комфортнее.

Вечер четверга в компании красивой девушки прошел так же романтично и спокойно, как и предыдущие. А вот пятница преподнесла очередные неприятности, к счастью, без всякой потусторонней или криминальной подоплеки.

С утра добравшись до своего кабинета, и занявшись повседневной рутинной, Михаэль не заметил, как пролетело два часа. Он уже знал, что в это время к нему заглядывала Анжелика Аллен, с чашечкой приготовленного кофе. Этот день не стал исключением. Девушка явилась в то же время, с таким же напитком в чаше, как и всегда, но вот по выражению её лица парень понял, что-то не так. Анжелика, едва тихо поздоровавшись, поставила чашку на стол и положила рядом свежий выпуск газеты, после чего так же тихо вышла, закрыв за собою дверь. Озадаченный непривычным поведением подруги, которая обычно какое-то время развлекала его веселой беседой, Михаэль тупо смотрел на дверь, пытаясь понять, что же стряслось. Причина выяснилась сразу после того, как журналист прочел свою статью из принесённой газеты.

Анжелика, читавшая ещё не опубликованный текст, поняла, что статья понесла значительные изменения без ведома автора, и что Михаэль будет сильно этим разъярён. Потому и поспешила уйти с горизонта.

Статья, если отбросить ненужные адреса, даты, времена и краткие биографии, которые Михаэль так скрупулёзно собирал, выглядела так.

«Тело третьего ребёнка найдено»

«В минувшее воскресенье произошло два значимых события, всколыхнувших наш небольшой город. Первым, как наверняка знает каждый верный читатель, от мало до велика, является очередной «Рыцарский бал», по традиции прошедший в замке Гамфри. Барон, сэр Генри Гамфри, владелец сей твердыни, как говорят очевидцы, и в этом году не упал в грязь лицом. Рыцарский бал организовали с присущим размахом и утонченным аристократизмом. Рыцарский поединок, шикарный пир с ломившимися от деликатесных яств столами, фэйерверк, и конечно, бальные танцы – вот далеко не весь список этого высокосветского мероприятия. И всё бы прошло, как всегда великолепно, если бы в минуту кульминации вечера, а именно во время салюта, не произошла история наполненная трагизмом. И именно её мы называем вторым событием, и о ней хотим сообщить подробно.

На Рыцарском балу один из специально приглашенных гостей барона обнаружил тело недавно пропавшего ребенка, а именно Ричарда С., пропавшего всего несколько дней назад из «Сиротского дома мадам Джонс». Это уже третий малыш, за последнюю пару месяцев. Мы уже писали об этом.

Если уважаемая мадам директор не в силах обеспечить надлежащий присмотр, и главное, безопасность своим воспитанникам, не значит ли это, что приюту пора найти нового, более умелого руководителя? Либо вообще закрыть сие заведение, коли существует реальная угроза для жизни наших с вами детей. Ведь не стоит забывать, что все дети, живущие в этом мире – наши! И мы несём за них ответственность куда большую, чем за кого-либо!

Первым пропавшим из сиротского дома ребенком была девятилетняя Жанна. Скромная, замкнутая, но совершенно безвредная девочка. Оставим

на совести работников приюта причину, по которой произошло похищение, и спросим наших доблестных блюстителей порядка. Почему так долго вы не могли найти пропавшую девочку? Или для вас пропажа живого человека приравнивается к обычному преступлению, такому, как сворованное из сада яблоко? И отыскать такую пропажу для вас так же сложно, как приснопамятную иголку в стоге сена? Вопросы, на которые, похоже нам никто не даст ответа. Тем не менее, из-за халатности сотрудников сиротского дома, и, скорее всего, с попечительства самой мадам Джонс, которые два дня не обращались в полицию с заявлением об исчезновении девочки, а так же из-за непрофессионализма и халатности полицейских, искавших ребенка четыре дня, несчастную Жанну отыскиали только через шесть дней! Вы только представьте себе! Целых шесть дней неизвестный похититель (или похитители) мог всласть издеваться над невинной девочкой. Что можно сделать со своей жертвой за почти полную неделю? Всё что угодно! Отрезать все пальцы, вырвать язык, вспороть живот, затем повесить и поджечь. Именно всё это и сотворил неизвестный изверг, пока шериф нашего города со своими помощниками протирали штаны в своих отделениях.

Семилетний Эдуард С. стал вторым ребенком, которому не посчастливилось обитать в сиротском доме мадам Джонс, потому как он тоже пропал неизвестным образом. И погиб. К чести сказать, в этот раз люди из приюта среагировали не в пример быстрее, сообщив об инциденте. Что нельзя сказать про действия полицейских. Лишь благодаря нелепой случайности и бдительности обычных горожан, тело Эдуарда обнаружили на кладбище, в одном из оказавшихся пустых склепов. Можно лишь догадываться, сколько бы пролежало хрупкое тело Эдуарда и его отрубленная голова в этом старом захоронении, пока бы его не отыскиали полицейские. Но, если быть оптимистом, и вспомнить старые подвиги наших защитников правопорядка, можно предположить, что – никогда! Никогда бы шериф с помощниками не отыскили ребенка!

И вот новая жертва! Третий пропавший ребенок из злосчастного приюта. Пятилетний Ричард С. Младший брат, уже покойного Эдуарда С. И снова чистая случайность позволяет его отыскать, и опять, к великому прискорбию, зверски убитым. Серийный убийца, после трех жертв его уже можно так называть, сбросил безвинного Ричарда в засохший колодец на территории замка Гамфри. К ужасу особо сердобольных дам, левую руку ребенка так и не нашли, хотя, сразу после обнаружения тела, полицейские обыскали весь замок. И этому действию есть множество авторитетных свидетелей. Как ребенок, живущий в приюте нашего славного Бринстоуна, очутился в колодце замка Гамфри, выяснить не удалось, несмотря на обещания представителей власти. Мы попытались задать парочку вопросов владельцу замка, Генри Гамфри, однако, как ни странно, тот категорически отказался от комментариев, что наводит на множество новых вопросов. Но нас больше интересуют старые, наболевшие. Сколько ещё будет жертв? Когда, наконец, полиция начнет действовать, и если и не поймает серийного убийцу, то хотя бы, предотвратит будущие подобные бесчеловечные преступления? Кто этот ненормальный, получающий удовольствия от страданий детей? И главное, подвержены ли опасности лишь воспитанники

сиротского дома Джонс? Однозначно нет! А потому будьте бдительны, и берегите ваших родных и близких».

Внизу авторских статей, в газете всегда писали имя и фамилию писателя, однако в этот раз газета изменила своим традициям, и создателя статьи не указала.

Сказать, что Михаэль рассердился, будет совсем неправильным. Он прямо взбесился, скомкав газету, и отшвырнул её на пол, после чего сжал кулаки до хруста костяшек. Подумав, он поднял её с пола, сунув подмышку, и направился в кабинет начальника. Его, считай, первую личную статью на новом месте работы попросту переиначили! Изменили, исправили! Отредактировали без его ведома, не говоря уже о согласии. Сменили стиль повествования из умеренного в агрессивно-обвинительный. Ведь можно сухо сообщить, к примеру, что в речке утонул мальчик, и это будет мало кому интересно. А можно сообщить, что этот мальчик сбежал от беспечных родителей, или, что власти не удосужились поставить заградительные перила на мосту. Вариантов много. Понятно, что от такого рейтинг газеты заметно повысится, число подписчиков увеличится, а доход газеты возрастет. Глубоко в душе, журналист всё это сразу прекрасно понял и осознал, но продолжал кипеть негодованием.

По пути от своего рабочего места до кабинета главного редактора, Майер немного «поостыл», к тому же прямо возле двери начальства его перехватила Анжелика. Взяв журналиста за руку, она робко ни слова не говоря, попыталась увести парня. Но Михаэль, лишь немного задержавшись, спокойно освободил своё запястье из рук девушки и стремительно вошел в комнату. Хорошо что, мистер Томпсон оказался один, иначе бы некорректно вышло. Какой-то сотрудник врывается в кабинет начальника без стука. Безобразие, полная бестактность и отсутствие воспитания. Это Майер лишь позже сообразил.

– Что случилось? – редактор удивленно поднял взгляд на ворвавшегося сотрудника.

Михаэль бросил на стол начальника помятую газету, та, как по заказу упала статьей кверху. Хорошо, что чашка с кофе, стоявшая на столе, находилась в дальнем правом углу, иначе, возможно, редактора облили бы горячим напитком. Кроме чаши и «прилетевшей» газеты на столе ничего не было. Либо начальник не утруждал себя работой, либо уже завершил все неотложные дела. Хотя вполне вероятно, просто убрал все документы, бумаги в ящик стола, дабы случайно не пролить на них кофе и сделал пятиминутный отдых.

Наглый поступок Михаэля не вызвал на лице мистера Томпсона никаких эмоций, он лишь слегка изогнул левую бровь, вопросительно рассматривая журналиста.

– Моя статья! – Гневно выкрикнул Михаэль. – Вы её испортили!

– Разве? – главный редактор, с интересом разглядел газету на столе. – Всего лишь немного подкорректировали текст.

– Немного? – возмущению журналиста не было предела. – Да вы весь смысл статьи перевернули с ног на голову!

– Вот тут ты не прав. Смысл твоей статьи никто не менял и не собирался. Только немного довели до логического завершения. Улучшили.

– Кто вам позволил улучшать? Почему меня никто не спросил? Вы же приняли статью и одобрили! – журналист уперся обеими руками в столешницу письменного стола.

– Принял и одобрил. – Согласился Джон Томпсон. – Потому как ты не плохую статью сделал.

– Тогда почему? По какому праву? Зачем? – сокрушался Майер, и внезапно придя к какой-то мысли заявил: – Я напишу в столицу, напрямую к руководству газеты, и сообщу о вашем превышении должностных полномочий. Пусть примут меры.

Мистер Томпсон усмехнулся.

– Ладно, уговорил. Пиши, – и, протянув в молчании томительную минуту, продолжил. – Я даже тебе текст помогу составить. Записывай. Прошу наказать главного редактора газеты

«Нью-Инстерк» Дж. Томпсона, за то, что он отредактировал мою статью. Считаю, что он не должен был этого делать, так как не посоветовался со мною.

Руководитель конторы проговорил фразу с нажимом на слова «редактор» и «отредактировал» так, что даже возмущённый Михаэль вдруг осознал всю нелепость сказанной им угрозы. Ведь именно Томпсон и должен, по сути, проверять все статьи, корректировать их, и решать, что добавлять в новый выпуск, а что банально отсеивать.

Умом-то Майер это понял, однако обида и гордыня не давали ему сдаваться.

– Я, допустим, соглашусь, что вам нужно поднимать рейтинг газеты. Для этого вы переделали, ой, простите, отредактировали статью, сделав из неё обвинительно-агрессивную. Да только, вы понимаете, что меня подставили? Как я теперь людям, которых вы обвинили, в глаза смотреть буду? Вы могли меня сначала спросить или хотя бы предупредить!

– Я запретил указывать автора статьи, не переживай на этот счет.

Михаэль обоими руками схватился за голову:

– Да все знают, кто написал статью! Все! Полгорода, не меньше! Вы думаете, к примеру, мадам Джонс не вспомнит, что именно я с ней беседовал? И, кстати, обещал, что не буду приносить и порочить её приют. А теперь получается, что я нагло лгал. Позор!

– Под статьёй не указан автор, – повторил редактор, – так что, все обвинения в твой адрес будут не доказуемы.

– Аррх, – Михаэль, не найдя, что ответить, развернулся и покинул кабинет, не отказав себе в маленькой радости, сильно хлопнуть дверью. По-детски выглядело со стороны, зато чуть полегчало.

* * *

После разговора на повышенных тонах с начальством Михаэль покинул контору в расстроенных чувствах. Выйдя на улицу и бесцельно прошагав около пятнадцати минут, немец осознал, что идет, совершенно не разбирая дороги, на автопилоте, говоря современным языком. Мысль вспыхнула яркой вспышкой, напугав своего владельца, и тот остановился, пытаясь выбрать дальнейший путь. Но не смог.

Единственный близкий человек – Анжелика, сегодня была занята, домой в пустые комнаты идти тоже не захотелось.

– Может и зря согласился на помощь барона с уборкой... Сейчас бы воевал грязью, – в сердцах подумал Михаэль.

Даже привычной работы не было: статью сдал, а новое задание еще не получил. И тут, впервые в жизни, до боли в груди, Михаэль Майер почувствовал себя совершенно одиноким и никому ненужным человеком. Да еще и совсем бесполезным, как булыжник на обочине дороги. «Масло в огонь» самобичевания подлила случайная встреча.

Чарли Дуэйн с молодым полицейским вышли из перпендикулярного переулка и направились навстречу немцу.

– Вечер добрый, господа, – поспешно поздоровался парень.

Полицейский лишь кивнул в ответ, тогда как сам шериф полностью проигнорировал Михаэля, и вскоре служители закона прошли мимо, оставив Майера в одиночестве. Редкие и незнакомые прохожие не в счёт.

Провожая взглядом спины полицейских, журналист понял, что оказался прав. Из-за дурацкой, агрессивной статьи глава полицейских не захотел больше общаться с её автором, которого знал в лицо, несмотря на необоснованные заверения главного редактора. И скорее всего, так же поступят и остальные малочисленные знакомые...

Опечаленный, задумчивый Михаэль свернул в ближний переулок, из которого до этого вышли полицейские, и чуть не сшиб девочку, внезапно возникшую перед глазами.

– Привет, – сказала Кэрри.

Каким бы себя одиноким сейчас не считал журналист, но меньше всего на свете он мечтал о встрече с этой странной, ненормальной девчонкой. А потому он ничего ей не ответил, просто обошел вокруг и двинулся дальше.

«Раз другим можно не здороваться, то и мне простительно», – утешил он себя.

Через пару мгновений послышались звуки шагов, не принадлежащие ему. Михаэль обернулся и встретился взглядом, с шагающей следом Кэрри.

– А куда мы идем? – спросила она, глядя в ответ совершенно невинными глазками.

– Куда я иду – тебя не касается, – строго заявил журналист. – А вот куда так целенаправленно шагаешь ты, мне тоже интересно.

– Я с тобой, – насупилась та.

– Зачем?

– Просто... А что, нельзя?! – с вызовом бросила Кэрри.

– Нет, представь себе, нельзя. Уже поздно, скоро ночь и маленьким детишкам пора спать. Так что бегом в приют, а то тебя всякие бесы похитят и съедят. А я пойду по своим делам.

– А какие у тебя дела? – ребёнок проигнорировал все слова, кроме последней фразы Михаэля, а сказанный тон девочки, с лёгкой иронией, настойчиво навевал на мысль, будто она достоверно знает, что дел у него никаких нет.

– Разные! – ответил Михаэль и зашагал дальше. – Очень важные. А ты иди спать.

Спустя дюжину шагов, журналист снова обернулся. Кэрри продолжала идти следом.

– Я сказал что-то не понятное? Нужно повторить? Не ходи за мной.

– Уже темнеет, – напомнила она, – вдруг меня бесы схватят.

– Не схватят.

– А если схватят, ты будешь переживать?

– Нет.

– Даже немножко?

– Нет! Если тебя схватят бесы или демоны, то с тобой ничего не случится. Съесть они тебя не смогут, так как ты ядовитая. А скорее всего, приведут тебя обратно, чтоб мы тебя у них забрали. Да ещё и всякими подарками завалят, как в сказках. А всё потому, что ты хуже них. Вредная, приставучая и ненормальная. Не понятно чего желающая.

Глаза девочки лишь на миг превратились в две чёрные бездонные дырочки, но журналист успел отвернуться от неё.

– Я хочу, чтоб ты меня удочерил, – сказала она, и чуть тише добавила: – Как обещал.

– Ну, уж нет! Я тебе говорил и повторяю еще раз. Я не хочу тебя удочерять и не буду. Пусть тебя твои бесы удочеряют, с которыми ты вечно возишься... Кстати, в тот раз, когда пёс стащил мою сумку. Ты их своей кровью кормила? Или у меня что-то с головой не в порядке?

Так и не дождавшись ответа, от внимательно слушавшего ребёнка, Майер махнул рукой:

– Не важно! Меня это не касается. Стоит немного потерпеть и я вернусь в столицу, к нормальным живым и молодым людям, и забуду ваш затхлый старый город, как ночной кошмар!

Михаэль вновь шагнул было дальше по дороге, когда новый вопрос прозвучал из уст ребёнка:

– Но почему? Почему ты не хочешь стать моим папой? Ты ведь одинокий.

Укол про одиночество попал точно в свежую душевную рану молодого человека, но немец с внутренним достоинством не стал на этом заострять внимание.

– Я не хочу обременять себя заботой. Я не собираюсь оставаться жить здесь, а если я вернусь в Лондон с дочкой, друзья меня вовсе не поймут. Я слишком молод, чтоб заниматься обучением и воспитанием...

Михаэль, наверно, ещё долго мог перечислять причины, но Кэрри его перебила.

– Я была бы счастлива, повидать столицу, – в голосе девочки послышались мечтательные и просительные нотки, – и меня не надо воспитывать. Я уже взрослая, и всё знаю сама.

Дабы надоевший разговор снова не перетёк в спор, о том что «невозможно всё знать», Майер резко, и довольно грубо отрезал:

– Ты мне не нравишься!

С твёрдым намерением больше не останавливаться и не оборачиваться, журналист двинулся быстрым шагом по улице.

– Значит, ты не будешь меня удочерять? – негромко, но так, что немец услышал, спросила Кэрри.

– Нет! – не удержался парень от повторного ответа.

– Никогда?..

– Никогда!

Если б Михаэль, нарушив данное себе обещание, и всё-таки обернулся, то увидел бы, какая гримаса ярости и ненависти отразилась на обычно милом лице девочки. В глазах её исчезли зрачки, словно прикрытые могильной мглой. Губы скривились в жестокую, отталкивающую усмешку, а руки сжались в кулачки.

Но журналист не обернулся, продолжая поспешно удаляться всё дальше. Его действия больше напоминали бегство. Вот только от кого он бежал? От назойливой девочки или от самого себя? На этот вопрос, если бы его вдруг кто-то задал, Михаэль и сам не знал ответа. Не знал он, к счастью, и о тех невзгодах, которые коварная судьба приготовила ему, притаившись на пороге. Впрочем, он даже не знал, как в этот вечер добрался до дома, так как после разговора с Кэрри набрёл на дешёвое питейное заведение, где и напился до такого состояния, что остаток вечера и ночи исчез из памяти. Такого в его жизни еще не случалось. Похоже, становилось привычным, что многие события, произошедшие с парнем в Бринстоуне, оказываются в его жизни впервые.

Глава 11

– Ну, и зачем надо было так напиваться?

Каждое произнесенное слово девушки словно отпечатывалось на многострадальной голове Михаэля новым ударом боли. Память отказывалась повиноваться, лишь с великой жалостью к своему никчемному хозяину, сквозь марево пьяного тумана, напомнила, как Майер поднялся с дивана, разбуженный упорной барабанной дробью по входной двери и впустил в дом обеспокоенную Анжелику.

– Ты меня вообще слышишь? – чья-то добрая рука положила на лоб мокрую тряпку.

Головная боль немного отступила.

– Михаэль?

Парень с трудом разлепил тяжеленные веки. Он находился в своей спальне, на своей, уже родной кровати. Рядом, с тревогой в глазах, присела Аллен. Странно, до этого момента он точно вспомнил, что лежал на диване, на первом этаже. Как же очутился здесь?

Журналист попытался сказать «привет», однако пересохший рот и язык, в совокупности издали лишь невнятное мычание. Озабоченность на лице добровольной сиделки увеличилась многократно, и она поспешно сменила компресс на лбу больного на более холодный.

– Совсем плохо, дорогой?

Михаэлю стало стыдно. Собственноручно, если можно так выразиться, напился до чёртиков, а теперь за ним ухаживает красивая девушка и переживает о его самочувствии. Стыдно-то как, но при этом до дрожи приятно. Значит, кое-кому еще нужен.

Отрицательно качнуть головой оказалось проще, чем сказать словами, однако головная боль от этого слабого движения набросилась с новыми силами. Михаэль застонал.

– Сам виноват, – упрекнула девушка, правда, с заботой в голосе, – не стоило так напиваться. Переделали твою статью, и что? Теперь всё? Конец света? Ведёшь себя как избалованное дитя.

– Прости... – С трудом прошептал «больной».

Анжелика лишь глубоко вздохнула, будто заранее прощая все прегрешения парня.

– Хочешь воды?

Пить хотелось невыносимо, словно пробыл в жаркой пустыне несколько дней подряд. Пересохшие губы снова подвели и Михаэль лишь быстро кивнул. Девушка подошла поближе и подложила под спину парня подушку, чтоб удобнее было пить. Опять в голове Майера возникла ассоциация-сравнение себя с тяжелобольным пациентом, заставившая недовольно нахмуриться. Анжелика уже повернулась к столику, на котором стоял стакан и кувшин с водой, и не видела изменившееся лицо журналиста. Стоит отметить, что никакой посуды раньше на столе не стояло, значит, молодая подруга не только довела (или дотащила?) Михаэля до второго этажа, но и успела сходить за водой, предугадывая будущие желания проснувшегося похмелья человека.

Пока Майер размышлял об этом, Аллен налила воды в стакан, и протянула его жаждущему. Стакан опустел до обидного быстро.

«Надо будет купить стаканы большего размера» – с сожалением подумал немец.

– Полегчало? – поинтересовалась девушка, забирая стакан.

Действительно, живительная влага оказала свое чудесное действие, спасла горло от засухи и немного прояснила сознание. Вот только, одного стакана явно не хватило, но просить добавки у заботливой девушки совесть не позволила.

– Да. – Губы растянулись в улыбке. – Спасибо тебе, большое. Спасительница!

Щеки Анжелики покрылись румянцем от смущения. Заслуженная благодарность и похвала приятна всем без исключения, а девушкам особенно. А когда Михаэль взял ладонь

Ангелики в руку и поцеловал её пальчики, она ещё сильнее смутилась, окончательно покраснев, и заговорила:

– Тогда вставай, приходи в себя, а вечером заходи ко мне. Я хочу тебе кое-что показать. Сюрприз. А сейчас мне пора идти. Ещё куча дел. До встречи, дорогой!

И выскользнула из комнаты, крикнув из коридора:

– Не провожай.

Михаэль и не собирался. Он, только услышав, как захлопнулась входная дверь за девушкой, едва доковылял до стола, и, забыв о нормах приличия, прижался губами к горлышку кувшина. И не успокоился, пока полностью не опустошил его до дна. После чего, весьма довольный собой, добрался обратно до кровати. Лёг на бок и заснул.

* * *

– Это тебе, – шикарный букет цветов переключал их рук Майера в ладони Ангелики. – Еще раз извини, что тебе сегодня пришлось со мной нянчиться.

– Не зря же я подрабатываю няней! – рассмеялась девушка, уткнувшись носом в бутоны цветов. – Как вкусно пахнут! – с восторгом добавила она.

– Я готов всю жизнь иметь такую замечательную няню, – с улыбкой отметил немец.

– И не мечтай! – возмущенно фыркнула Аллен. – Мне неугомонных детишек и на работе хватает. Другое дело, самостоятельный и солидный мужчина, который будет сам, лично, нянчиться со мной.

Звонкий смех девушки разнесся по веранде её дома, обещая весёлое и доброе продолжение вечера.

– Проходи, располагайся.

– А как же прогулка?

– Только не сегодня, – извиняясь, улыбнулась Ангелика. – Так ты зайдешь? Или подождешь здесь?

На широкой веранде располагались удобные и уютные скамьи со спинками и деревянным столом. Вся мебель окрасили в приятный белый цвет. Погода радовала приятной вечерней прохладой и Михаэль решил остаться тут, а не входить в душное помещение.

– Я быстро! – умчалась в дом коллега журналиста.

Не обманула. Майер только комфортно обустроился на скамье, рассматривая редких в этот час прохожих, как хозяйка вышла на веранду с большим подносом в руках. На нём немец разглядел заварочный чайник, серебряные ложечки, несколько фарфоровых чашек, а так же две стеклянные вазочки. В одной лежали печенье, а во второй – несколько видов пирожных. Пока девушка освобождала поднос, изысканно расставляя посуду и лакомства на столе, Майер решил поинтересоваться:

– Значит обещанный сюрприз: чаепитие вдвоём на веранде? Здорово придумала. Если бы предупредила заранее, я свечи бы купил. Вечер при свечах. Романтично.

Девушка хитро улыбнулась, и, склонившись над столом, быстро чмокнула удивлённого парня в нос.

– А вот и не угадал! – довольно сообщила она.

– Как же так? – подыгрывая подруге, журналист притворно схватился за сердце. – Какой тогда сюрприз? Разве может быть что-то неожиданней и желанней, чем чай с очаровательной девушкой?

– Может! – Аллен присела рядом с парнем и игриво толкнула его локтем в бок. После того, как тот поднял руки вверх, добровольно сдаваясь на милость победительницы, девушка наполнила две чаши ароматным чаем и схватилась за пирожное. Михаэль, отпив пару глотков чая, последовал примеру подруги, и тоже отдал должное сладкому угощению.

– Вчера вечером, возвращаясь, домой, между прочим, усталая и злая, я кое-что нашла. Попробуй угадать, что именно?

Так как, рот журналиста в этот момент оказался занят последним куском пирожного, ему пришлось отрицательно замотать головой и выставить перед собой ладони, мол, сдаюсь. Анжелика Аллен недовольно скривила личико от такой наглой и стремительной капитуляции, но, глотнув травяного напитка, сменила гнев на милость:

– Сейчас принесу. – И ушла в дом.

Когда Майер попробовал шоколадного печенья, хозяйка вернулась. В руках она держала маленького, симпатичного котёнка.

– Смотри! – Счастливая девушка на вытянутых руках показала домашнего питомца. – Правда, он милый?

Будь Михаэль лет на пятнадцать-двадцать моложе, возможно, он бы разделил восторг подруги. Но сейчас, во взрослом возрасте милые зверушки его не трогали.

– Да, – вежливо выдавил из себя Майер, рассматривая представителя семейства кошачьих.

Белый, как свежесыпавший снег, котенок висел на руках своей новой владелицы и с интересом рассматривал немца своими малюсенькими, голубыми глазками. На кончике правого уха, белая шерсть уступала место тёмно-серой, что делало котёнка лишь симпатичнее и забавнее. А если к этому добавить розовый носик, которым котенок ко всему принюхивался, потешно шевеля усами, становилась, абсолютно понятна полная и безоговорочная влюблённость Анжелики в своё новое чадо.

– Он сидел на дороге грязный и холодный, – тем временем рассказывала девушка, будто оправдываясь – Я не смогла пройти мимо и взяла его с собой. ...

«Весь город страдает от жары», – усмехнулся про себя Михаэль, – «а котёнок у неё замёрзший»

– Сначала я думала, что он серого окраса, но представь себе моё удивление, когда помыв его, я поняла что он совершенно белый!

Аллен ещё долгое время рассказывала о своём котенке с ненужными подробностями. Майер вежливо кивал, поддакивал, с ужасом осозная, что начинает ревновать к живому клубку шерсти. Девушка тем временем, уделяла всё свое внимание лишь ему, коту: держа его на руках, глядя, прижимая к груди, либо давала ему возможность поймать свои пальцы, поставив его на стол. На обеденный стол, между прочим! Где всё ещё находились недоеденные лакомства и чай.

К тому времени, когда законы приличия заставляли покидать гостеприимный дом, и отправляться восвояси, Михаэль внутренне кипел от ревности и негодования. А девушка и не думала прекращать сюсюкаться со своим зверьком. Еще больше «дров в огонь» подбросили последнее предложение Анжелики.

– Спасибо за вечер, – уже спускаясь по ступенькам с веранды, поблагодарил журналист, оборачиваясь. – Завтра погуляем вечером?

– Ой, не получится, – так и не спустившись с веранды, смутилась Аллен, словно и не было до этого вечерних прогулок. – Я хочу завтра побольше времени с ним повозиться.

Девушка нежно погладила котенка, восседающего на её плече, и с улыбкой чмокнула его в носик.

С какой-то внутренней обидой, Михаэль отметил, что раньше на прощание она целовала его, а сегодня...

– Но, если хочешь, заходи вечером, – добавила Аллен, быть может, заметив недовольное лицо парня. Хотя, наступившая ночь, этому никак не способствовала. – Посидим, как сегодня, чай попьем, поболтаем. Приходи, мы будем рады.

Сухо распрощавшись, Михаэль в весьма скверном настроении побрёл домой. Появилась мысль отыскать вчерашнее заведение и пропустить там парочку стаканов, но внутренний голос в содружестве с гордостью отклонил такое предложение, несмотря на возмущение едкой обиды, что терзала в груди. К тому же, из головы ещё не выветрились воспоминания о симптомах утренней «болезни», весьма неприятных и запоминающихся. Одним словом, журналист возвращался домой в ужасном настроении, с недовольными мыслями. Однако только через пару минут, он понял, что до этого его жизнь была чрезвычайно радостной и совершенно свободной, несмотря на проблемы на работе и наивную ревность к девушке...

Не успел он свернуть за ближайший угол, как разглядел в полутьме до нервного тика знакомый невысокий силуэт.

– Привет. – Сказала Кэрри.

– О, господи!!! – застонал немец, хватаясь за голову. – Опять ты! Зачем ты меня преследуешь? За что-о?

Парень хотел поспешно ретироваться, продолжив путь, когда девочка с недетской силой схватила его за руку.

– Отпусти! Я тебе уже много раз говорил, что не буду тебе отцом.

– Я помню, – с ледяным спокойствием заявила сиротка. Михаэль вырвал свою руку, но что-то в тоне ребенка заставил его не торопиться с уходом.

– Теперь, послушай, что скажу тебе я, – медленно, по слогам, словно читая текст, проговорила Кэрри.

– А если я больше не хочу слушать полоумные бредни несмышлёного ребёнка? – С вызовом заявил Михаэль.

– Тогда, люди, которые тебе дороги – пострадают. Сильно. Тебе ведь сильно нравится Анжелика Аллен?

– Да как ты?.. Да как ты смеешь!.. Угрожать вздумала?! – Майер, сжимая кулаки, неконтролируемо дернулся к наглой пигалице. И тут же застыл на месте, когда увидел, что из-за спины девочки вышел здоровенный пёс, с ярко горящими во тьме глазами и раскрытой пастью, из которой доносилось тихое рычание.

Немец торопливо отступил на несколько шагов назад, страшный пёс же, похоже, не собирался нападать и дисциплинированно сел у ног ребёнка.

– Иди, посмотри на свою ненаглядную, – последовал приказ и у журналиста даже на секунду не возник вопрос, о ком идёт речь.

На ватных, не гнущихся ногах, Майер выглянул за угол здания. Анжелика до сих пор находилась на веранде, развлекаясь с котёнком. В льющемся свете окон её дома, он рассмотрел всё отчётливо, и внутренне вздохнул с облегчением: с девушкой всё в порядке и никакая опасность ей не грозит.

Обрадованный подобной новостью, Михаэль собрался покинуть «наблюдательный пункт» и со всей строгостью отчитать избалованную девчонку за жестокие шутки, когда услышал новый приказ:

– Через монокль посмотри.

Всё тело покрылось холодным потом от страшной догадки, дрожащие руки никак не могли отыскать карман, а потом вытащить оттуда кусочек стекла. Наконец, немец справился с этим, а вот приложить монокль к глазу никак не решался. Кэрри не торопила, возможно, опасаясь, что от её оклика парень вообще выронит волшебный предмет.

Кое-как совладав с собой, и водрузив монокль на правый взгляд, Михаэль разглядел страшную картину.

Анжелика Аллен в этот момент обнимала своего котёнка, прижимая его к своей шее. Однако, благодаря линзе перед глазом, немец рассмотрел, что вместо котёнка в руках девушки притаился противный бес, больше всего похожий на краба. Вот только повыше панциря, где

у обычного членистоногого располагались глаза и рот, у чудовища имелась небольшая голова, которую он повернул на сто восемьдесят градусов и уставился на журналиста, наглой усмешкой показывая кучу мелких и острых зубов. Клешня, острая как метательный нож, медленно прикоснулась остриём к незащитной шее счастливо улыбающейся девушки, говорившей что-то своему питомцу.

Рядом с замершим Михаэлем встала и Кэрри. Судя по всему, она видела всю картину, происходящую на веранде, целиком, без всякого стекла. Журналист, если честно хотел бы не видеть, но был не в силах оторвать монокль от глаза.

– Бесы, выбирая жертву, могут на краткие мгновения принимать свою родную внешность в человеческом мире. Этого им вполне хватает, чтобы нанести несовместимые с жизнью раны.

Кэрри сказала свою фразу всё также спокойно, буднично, как если бы рассказывала о погоде на завтра. После чего ненадолго замолчала, выдерживая лишь одной ей понятную паузу.

– А пожирают её уже в привычном для вашего глаза облике.

Холодное спокойствие в словах Кэрри немного привело Михаэля в чувство. Он убрал монокль обратно в карман, и со скрежетом сжав зубы, спросил:

– Бесы едят людей?

– Иногда. Ради развлечения.

– Так, ладно. Чего ты хочешь? Чего добиваешься?

– Совсем немного, самую малость. Ты должен меня удочерить.

– Зачем тебе это?

Ответ девочки поражал своей простотой.

– Хочу, – пожав плечиками, ответила она. – Я всегда получаю то, чего желаю.

– Нельзя получить всё то, что хочется! – с укором возразил немец.

– Пока у меня получается. Ведь, правда, па-по-ч-ка? – Кэрри с интересом посмотрела сверху вниз на будущего отца, который продолжал наблюдать за верандой. Аллен совсем недавно зашла в дом.

– Правда, – обреченно согласился тот, и зашагал вперед.

– Ты куда?! – с удивлением воскликнула девчушка.

– Забрать это кошачье чудовище... Пока не случилось непоправимое.

– Стоять! – И когда Майер остановился, пояснила. – Без моего приказа, котёнок не навредит девушке. Можешь не переживать. Но он будет жить у неё, дабы ты не передумал. Кстати, никому не говори ни о бесах, ни обо мне. Особенно ей, – Кивок в сторону дома Аллен. – Пусть продолжает любить своего котика, а ты с нынешнего момента будешь любить только меня. Не против?

– У меня есть выбор? – с ехидцей спросил Михаэль.

– Естественно! Выбор есть всегда и у всех. Правда не все и не всегда его видят. В данной ситуации ты можешь воспротивиться, и тогда белый котенок получит свежую, тёплую кровь.

– Прекрати!..

– Хорошо. Значит, ты меня удочеряешь?

– Да.

– Тогда пошли домой. Тебе еще на чердаке мне спальню обустраивать. Кровать найдем?

– В доме помимо моей, еще три есть, – недовольно сообщил Майер, шагая к дому.

– Превосходно, – девочка пошла рядом. – Возьми меня за руку.

– Вот ещё! Обойдешься.

– Тогда, я прикажу котёнку... – лениво проговорила Кэрри.

Дальнейший путь Михаэль преодолел, крепко держа девочку за руку. Как добросовестный родитель, опасаящийся, что родное дитя нечаянно потеряется. Кэрри буквально светилась, упиваясь своей победой. Далеко не сразу журналист заметил пропажу страшного пса.

Покрутив головой по сторонам, и убедившись в его отсутствии, немец не удержался, выпуская на волю скопившуюся злость:

– А ты не боишься, что я тебя сейчас просто-напросто убью? – сквозь сжатые зубы процедил он.

Подражая тону девочки, немец задал вопрос легко и свободно, походя. Хотя, внутри сам вздрогнул от подобной дерзости, в деталях представив, как его ладони сжимаются на хрупкой шее обнаглевшего ребёнка.

– Раз ты используешь такие приёмы, то и мне можно. – Сам себя приободрил парень.

Судя по реакции, девочка приняла вопрос близко к сердцу, полностью поверив в возможность представленного действия, так как резко остановилась, выдернув свою руку из ладони спутника. Майер не стал её разубеждать и принялся ждать. Девочка продолжала стоять, словно мраморное изваяние, усиленно думая. Видимо, такой вариант событий в её планах не просматривался.

– Ты не сделаешь этого, – придя к такому выводу, Кэрри вновь ухватила спутника за руку и повела за собой.

– Почему же? – удивился Майер, решив играть роль жестокого человека до конца. – Тебя не станет, мне не придется собирать документы на удочерение, бесам никто не даст приказ вредить моим близким. Я снова свободен. И все счастливы.

– Наивный! – Возмутилась она. – Без моего контроля бесы начнут нападать на каждого встречного! Так что, твоей миловидной подруге не поздоровится одной из первых.

– Подожди, – Михаэля осенило. – Ты хочешь сказать, что три погибших ребёнка из приюта, три жестоких убийства мерзкие бесы совершили под твоим личным контролем? Так что ли? Или, вообще, по твоему приказу?

– Я такого не говорила! – прикрикнула Кэрри, но немец сразу понял, что угадал. Попал в самую точку.

– Значит, в тот раз, когда ты кормила бесов собственной кровью, мне ничего не привиделось. Всё – сущая правда. Но, похоже, ты их не кормила, а подкармливала, или правильнее сказать прикармливала? Дабы они тебя слушались и привыкли к человеческой крови. Ведь даже обычный лесной медведь, существо по сути травоядное, испробовав человеческую кровь однажды, начинает охотиться за новой порцией!

– Я дала им свою кровь, чтобы насытить, иначе они начинают искать новую добычу намного раньше, – сокрушённо призналась девочка. – Им нужна не столько сама кровь, сколько магическая сила, проявляющаяся при кровопролитии.

– Опять лжешь. Если по городу шастают кучи разных чертей, бесов и демонов, то даже всей твоей худющей тушки не хватит им на завтрак! – В тот момент Майер не вспомнил, как неправдоподобно много и долго кровь вытекала из порезанной руки Кэрри, а та даже не побледнела и не выглядела ослабевшей. Девочка недовольно фыркнула, оставив упрёк без комментариев. А Михаэль продолжал вести арифметические подсчёты.

– Если допустить, что в городе около пятидесяти бесов, а жертв их голодного произвола всего три... За пару недель? То можно предположить, что они легко справляются с чувством голода. Да и так ли им нужна человеческая плоть, коли они в том, загробном, или в каком они мире живут?.. человеком не питаются? Так как Кэрри не отвечала, продолжая равномерно шагать вперёд, Михаэль продолжил:

– К тому же, стоит добавить, что все три тела убитых ребят хорошо сохранились, как бы кощунственно это не прозвучало. Но, в нынешнем свете, и дураку понятно, что твои бесы оставляют после убийства слишком много несъеденной пищи. Получается, они охотятся не для пропитания, как ты утверждаешь, а для чего-то иного. Малолетняя спутница промолчала, Михаэль, шагая за ней, тоже умолк, пытаясь сам «переварить» только что сказанные открытия.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, – задумчиво попросил журналист, – У меня сейчас созрело два варианта. Либо бесы убивают просто ради забавы, либо лишь по твоему указу. Я склоняюсь к последнему. Во-первых, ты только что заявила, что без твоего приказа бес ничего не сделает, а во-вторых, все три жертвы из сиротского дома, где как раз ты и живешь собственной персоной. Чем тебя эти трое так обидели, что ты на них бесов натравила? Хватит играть в молчанку! Отвечай! Кто-то внутри Михаэля поспешил напомнить, что с сегодняшнего дня дрессировщица бесов будет проживать именно у него в доме, а не в приюте, и возможно, что следующей жертвой станет её новый сожитель. Прогнав панический страх внутреннего голоса, немец прикрикнул на девочку, требуя ответа.

– Ничем не обидели, – пробормотала девочка. – Человек проживает свою жизнь так же, как и последующую, так же, как прожил и предыдущую. Круговорот бытия. От него никуда не деться. Если ты погиб от насильственной, мучительной смерти, то и в следующей своей ипостаси умрешь точно так же. Хоть естественно, не знаешь об этом. И никогда не вспомнишь.

– Весьма мрачная и тоскливая перспектива, – проворчал немец. – Одно радует, если твои пёсики меня всё-таки сожрут, я потом оживу в другой жизни. Но какая здесь связь с моим вопросом?

– Самая прямая. Все трое погибших знаменитые личности в прошлом. Даже имена остались такие же. – Видя, что будущий отец не совсем понимает, Кэрри пояснила. – Жила раньше одна такая воительница, звали её Жанна. Фамилию сам угадаешь?

Михаэль, конечно, сразу понял о ком идёт речь. Великую Жанну д'Арк мог не знать лишь совершенно необразованный человек. Исторические источники уверяли, что она погибла заживо сожжённая на костре по приказу инквизиции. Много разных слухов и легенд дошло с той поры. Например, говорили, что Жанну казнили за мужские штаны. В том смысле, что она клялась, что больше никогда не наденет мужскую одежду. Но нарушила свой обет, не без помощи своих врагов, которые всё подстроили. В подобный абсурд с одеждой Михаэль не верил, куда проще и понятнее считать, что погибла она, сражаясь за свою веру, за свою страну. Другая легенда нравилась намного больше. Палач признался, что разбирая костер, после казни, нашёл в нем совершенно не тронутое огнём сердце Жанны, причём все дальнейшие попытки его уничтожить ни к чему не привели. И сердце попросту выбросили в реку Сену. Но достоверно известно лишь то, что её причислили к лику святых.

Все эти сведения быстро пронеслись в голове журналиста.

– А Ричард и Эдуард? – Журналист помнил имена всех трех жертв из приюта – Тоже знаменитые личности?

– Конечно, – кивнула девочка.

– Не могу вспомнить таких, напомнишь?

– И не подумаю, – воспротивилась Кэрри, как раз приближаясь к крыльцу дома Михаэля.

– Допустим, все три ребёнка раньше, в прошлой жизни погибли насильственной смертью. Хотя подобное правоохранителям вряд ли объяснить. Только причём тут бесы? Причём тут ты?

– А помочь? – наигранно возмутилась Кэрри. – Им всё равно погибать с мучениями. Рано или поздно. Так лучше сейчас, пораньше. Чтоб долго не ждать. И чтобы меня повеселить.

Пока немец «переваривал» новое признание, девочка взобралась на веранду.

– Повеселить? Да ты вообще понимаешь, что творишь? Твои бесы убивают живых людей! С твоей подачки, по твоему приказу. Это уже не игры. Ты же убийца!

– Надеюсь, ты не станешь кому-либо об этом говорить? Для твоего же блага. И для блага твоих близких.

– Я тебя прошу, умири своих бесов. Не надо больше жертв. Хорошо, я буду твоим отцом. Вместе мы справимся, найдем способ уничтожить, или может изгнать кровожадных бесов. Можем обратиться к священникам, расскажем им всё. Они помогут.

Кэрри резко развернулась, едва не падая с лестницы. Волосы её трепыхались, как от сильного ветра. Крылья носа раздулись от гнева, перекосившего лицо. А вместо глаз возникла тьма, которую Михаэль видел в первый день приезда в Бринстоун. Страшнее этого чёрного взгляда, журналист ничего в своей жизни не встречал. Тело занемело от ледяного ужаса, парализуя весь организм, включая запнувшееся сердце. Ватные ноги предательски подкосились, не в силах удержать на себе вес туловища.

– Никогда не упоминай при мне этих шарлатанов! – прозвучал жёсткий, твёрдый, чужой голос с губ Кэрри. – Если я захочу, я буду убивать всех, кого увижу. И запомни. Теперь здесь я главная. Если я что-то приказываю, ты выполняешь. А если будешь прекословить, ты знаешь, что случится.

Девочка бесцеремонно, чувствуя себя новой хозяйкой, вошла в дом Михаэля, захлопнув за собой дверь. Немца отпустило сразу же, как только она отвернулась от него. Однако, ещё пару минут парень приходил в себя.

– Да ты враг всех людей на земле!!! – В сердцах воскликнул он, отдышавшись. И тут же закрыл себе рот ладонью, осознав, что орёт посреди улицы, как ненормальный. Повезло, что в столь поздний час, уже окончательно стемнело и случайных прохожих не оказалось. Михаэль осмотрелся по сторонам, с особой тщательностью к дому соседки-бабушки. Но даже там бесшумного сторожа не оказалось – кресло-качалка на веранде пустовала и в окнах свет не горел. Вздохнув с облегчением, немец вошёл в свой дом.

...Или уже не в свой?

* * *

– Пожалуйста, подождите. – Женщина средних лет, предложила Михаэлю присесть в одно из кресел, а сама вошла в кабинет директрисы. Журналист, после знаменательной встречи, итогом которой оказалось незапланированное отцовство, находился здесь второй раз. В тот, предыдущий раз, мадам Джонс ничем не выдала своего отношения к статье Михаэля, словно и не читала её вовсе. Хотя по её ещё более надменному и холодному, чем обычно, тону, становилось понятно, что она с тем выпуском внимательно ознакомилась. Хорошо что, по крайней мере, игнорировать не стала, и довольно быстро выдала обширный список документов, обязательных для усыновления детдомовского ребенка. Возможно, находясь на работе, играть в молчанку ей показалось не слишком профессионально, несолидно, или просто женщина умеет держать своё мнение глубоко в себе, в отличие от шерифа Дуэйна.

Усаживаясь в предложенное кресло, журналист с усмешкой вспомнил, какое удивление вызвала на работе его просьба подготовить необходимые бумаги. А когда вскрылось, для чего именно они нужны, коллеги на Михаэля смотрели, как на умалишённого. Молодой парень, не успев приехать в новый город и устроиться на работу, начинает удочерять девочку, о существовании которой пару дней назад даже и не знал. Весьма странно, если говорить официально. Ещё долго вся контора шепталась за спиной, порождая всё новые слухи. Кое-кто даже предположил, что Михаэль приехал за своим родным ребёнком, которого бросил после его рождения. А направление в их контору с предыдущего места работы – всего лишь отвлекающий маневр. Причем, самое интересное, никто из сотрудников не задумался, о том, для чего этот хитрый отвлекающий маневр вообще нужен, и что мешало потенциальному кровному отцу попросту приехать и забрать своё дитя.

Забавно было наблюдать за всеми выдуманными домыслами и предположениями. У Михаэля даже настроение поднялось, однако, ближе к вечеру, когда он встретился взглядом с удивленной, ошарашенной внезапной новостью Анжеликой, расположение духа скатилось к подошве ботинок. Девушка при этом ничего не сказала, не спросила и в будущем старалась всячески избегать встреч с журналистом. И её легко можно понять! Да и ни каких слов оправ-

даний, уместных объяснений Михаэль так и не смог отыскать, потому тоже не искал с ней общения.

– Мистер Майер, можете войти, – Выйдя из кабинета директрисы, женщина приоткрыла дверь, приглашая посетителя.

Михаэль вздохнул, отгоняя воспоминания и, быстро поднявшись, уверенно вошёл в кабинет.

– Благодарю, – Похоже, он двигался несколько стремительнее, чем следовало в данной ситуации. Женщина едва заметно скривилась, и, пропустив его внутрь, закрыла за собой дверь.

– Добрый день, – вежливо поздоровался парень, оставшись наедине с директрисой. – Вот, я собрал все бумаги.

Михаэль аккуратно положил папку на стол.

– Здравствуйте, мистер Майер. Садитесь. – Мадам Джонс сразу открыла папку, рассматривая документы. – Вы так и не признаетесь, с чего вдруг решили стать приёмным отцом?

В предыдущий раз мадам директор так же строго интересовалась этим вопросом, намекая на молодость потенциального отца, и тонко надавливая на его неопытность в воспитательном поприще. Напоминала также, что детей чаще отдают паре супругов, а не одному, одинокому родителю. Предлагала подумать некоторое время, подождать. Михаэль, не ожидавший такого напора, тогда наплёл много разного, суть которого свелась к тому, что девочка Кэрри ему чрезвычайно приглянулась. А потом, устав оправдываться, сам пошёл в наступление, недовольно потребовав точного ответа: «Почему ему не позволяют удочерить девочку?» Директриса пошла на попятную, сказав, что никаких препятствий в данном деле не видит, однако, потребовала собрать весьма много разных документов. Михаэль подозревал, что слишком много, но спорить не стал. И лишь позже сообразил, что приюту, и в частности директрисе, возможно, не выгодно, когда сиротки обретают своих приёмных родителей. Ведь на содержание каждого ребёнка, приют получает определённую, весьма желанную, сумму денег. А если всех детей заберут в семьи? Приют станет никому не нужным...

– Здесь нет никакой тайны. И мой ответ не изменился. Я хочу заботиться об этой прекрасной девочке. И я имею на это право.

– Не стоит ругаться, – спокойным холодным голосом сказала Джонс. – Никто вас не отговаривает. Мы всегда рады, когда детишки обретают *полноценную* семью.

Глядя в лицо собеседницы, журналист про себя отметил, как сильно «радуется» глава сиротского дома. С подобной мимикой всеобщего отчуждения и легкого недовольства, в самый раз только похороны посещать... Собственные, желательно. А ещё это специальное ударение на «полноценную» семью, довольно заметный укол.

– Все бумаги на месте, – подвела итог женщина. – Через пару дней будут готовы последние документы. А сейчас вы можете забрать Кэрри домой. Официально.

На последнем слове директриса сделала заметное ударение: очередная насмешка в адрес парня. Дело в том, что после подачи заявления на удочерение, девочка, ни в какую не желала оставаться ночевать в приюте. Слёзы ребёнка и уговоры кандидата в отцы победили строгие правила приюта. И Кэрри оставалась в приюте только в дневное время. Опять же формально, а фактически, даже днём частенько находилась у отца.

– Спасибо. Наконец-то! – приходилось играть роль радостного отца.

– Пойдите! – Мадам Джонс остановила немца, встававшего со стула. – Не хотите ли усыновить и Алекса?

– Алекса?

– Брата Кэрри, – с неудовольствием объяснила директриса. – Ну и память у вас, Майер!

Конечно, журналист знал, что у Кэрри имеется брат. Он сам читал в досье. Но в свете последних событий как-то совершенно позабыл об этом. Точнее, просто и не думал вовсе.

– А надо? – потерянно спросил он.

Похоже, даже непробиваемая директриса удивилась.

– Вы меня спрашиваете? Мне-то откуда знать, что вам нужно?

«Воспитание тебе нужно! Слово держать научиться. И ремня пару раз. Посильнее» – мысленно проворчала Джонс, елозя в кресле.

Глядя на сильно задумавшегося парня, она сказала:

– Нетактично разделять родных брата и сестру. Кэрри мало с кем контактировала из детей. Да и Алекс тоже. Они всё время вместе играли. Вдвоём. Обычно, в таких случаях берут обоих детей, дабы не травмировать ребятшек.

Слушая женщину в пол уха, Михаэль усиленно размышлял. По логике получалось, что Алекса так же стоит усыновить. Как минимум для того, чтоб не вызывать не нужных подозрений и пересудов. С другой стороны, Кэрри про брата ни слова не говорила, указаний не давала, а значит...

– Нет. Не хочу, – ответил Майер. – Слишком большая ответственность, как вы меня предупреждали. А с двумя детьми, боюсь, я не справлюсь. Может быть позже, через какое-то время. Но ничего обещать не могу. Не знаю, как там, в будущем будет.

– Хорошо. Как скажете. Пойдемте, я провожу вас к вашей дочке. – И женщина первой покинула кабинет.

...Приблизительно через пятнадцать минут, новая семья, отец и дочь, образцово держась за руки, вышли из «сиротского дома мадам Джонс».

– Здорово, – тихо заявила Кэрри, – теперь я свободна. У меня есть семья, и сегодняшнего дня меня будут звать – Кэрри Майер. Звучит! Правда, папочка?

Глава 12

Дни полетели за днями, похожие друг на друга, как две капли воды. Быть отцом оказалось не так уж и трудно, или просто дочка попалась чересчур самостоятельная. Михаэлю лишь приходилось готовить завтрак, обед и ужин на две персоны, выполняя спецзаказы на различные блюда. Порой по вечерам по требованию всё той же девчонки ходили ужинать в различные кафе, где Кэрри с завидным аппетитом и величием поедала дорожные кушанья. А так же внимательно, даже чересчур пристально, рассматривала окружающих людей.

В остальном неожиданная дочка ничем отца не доставала, правда, оккупировала весь чердак, под свои нужды, и чуть ли не каждую ночь, там происходили странные, судя по звукам вещи. Шабаш, как окрестил ночные действия Михаэль, сопровождались странным шебаршением, шелестом крыльев, рычанием, а иногда и отчетливым воем. Кэрри строго настрого запретила отцу ей мешать в такое время, но любопытный Майер на свой страх и риск дважды нарушал запрет и внезапно поднимался на чердак среди ночи. Только, ничего чересчур необычного и предосудительного там не увидел. Оба раза девочка сидела в кресле-качалке, в окружении птиц и зверей. В основном кошки, собаки, вороны. На второй раз даже поросята заметил. И оба раза при появлении Михаэля Кэрри и её разношерстная свита, словно по команде, одновременно поворачивали головы на пришедшего, внимательно рассматривая. Жуткое зрелище...

– Что-то случилось, папочка? – Оба раза девочка реагировала на вторжение спокойно.

– Нет-нет, – смущался парень, опасаясь гнева дочки и возможного наказания. – Я подумал, может нужно чего?

Получив ответ в виде отрицательного покачивания головой, журналист поспешно покинул чужую территорию, и, ругая себя за глупые подсматривания, отправлялся спать, накрываясь с головой, дабы не слышать звуки с чердака. По размышлениям немца выходило, что дочка общается с животными или с бесами, неважно, и ночами у них проходят совещание. Или что-то в этом роде. Не исключено, что девочка даёт им приказы, либо выслушивает их доклады, а может... Вариантов много, выдумывать и строить различные догадки можно долго. Но на передний план, выходило то, что ребёнок по правде понимает животных! Одно только это порождало множество вопросов о своей адекватности. Майер же в свою здоровую психику верил свято и непрекословно. Поэтому в больницу для душевнобольных не спешил, а думал о том, как заставить девочку прекратить общаться с «заразными» зверушками и попутно от этих одержимых бесами животных избавиться. Пока подходящие светлые идеи голову журналиста не посещали.

Каждый будний день Михаэль просыпался от громкого стука в дверь. Журналисту приходилось лично спускаться вниз, так как дочка никогда дверь сама не открывала, и встречать посетителя. На пороге ожидал Алекс, маленький молчаливый брат Кэрри. Ни разу Михаэль не слышал его голоса, впрочем, даже каких-нибудь эмоций у мальчика также не замечал. На приветствия и прямо в лоб заданные вопросы он не отвечал. Михаэль сначала пытался разговаривать ребенка, но тщетно. Судя по всему, брат Кэрри воспринимал её нового отца только как персонального швейцара, потому как лишь после личного приглашения войти в дом, Алекс оживал и, минуя журналиста, отправлялся на чердак к сестре. Никогда, чтобы бы немец не делал, чтобы он не говорил, не спрашивал, Алекс не реагировал. Однажды, Майер специально захлопнул дверь перед малолетним гостем, но тот продолжал стучать до тех пор, пока хозяин дома, проклиная всё на свете, не предложил тому войти.

– Слава богу, хоть тебя не усыновил! – Возмущался в след абсолютно равнодушному мальчишке Михаэль.

После ранней и «радостной» встречи с младшим братом приёмной дочери Михаэль начал готовить завтрак. На две персоны, так как, Алекс никогда с ними не трапезничал. Когда пища принимала съедобный вид, и стол накрывался, молодой отец звал дочь завтракать. Иногда во время приёма пищи Кэрри давала различные указания, в большинстве своём простые, бытовые: что купить, что приготовить и так далее. После чего, обязательно желала «Удачного дня, папочка!» и уходила наверх, а Михаэль заранее готовил обед дочке, которой только оставалось его разогреть, когда проголодается. Первое время Майер на обед прибегал домой, чтобы приготовить еду и покормить своё дитя, но на это уходило слишком много времени, потому решил готовить обед с утра.

Справившись с готовкой, отец семейства отправлялся на работу. Там тоже всё было стабильно и привычно. Главный редактор подкидывал темы, и журналист прилежно сочинял нужные статьи. Анжелика Аллен продолжала избегать с ним встреч, и кофе, конечно, приносить ему перестала. В остальном на работе всё складывалось неплохо, если не считать ещё не затихших сплетен за его спиной, касающихся неожиданного удочерения. Но к подобному Михаэль привык быстро и даже перестал реагировать.

После работы, как прилежный семьянин, мистер Майер отправлялся домой. Иногда, к счастью очень редко, Кэрри встречала отца возле его работы, сопровождала до дома, либо утаскивала в другое, интересующее её заведение. Но в подавляющем большинстве Михаэль шел домой один. Шёл медленно, длинными путями, часто останавливаясь, чтоб поглазеть по сторонам. То есть не спешил, наслаждаясь относительной свободой и одиночеством. Только одиночество явно было мнимым, так как журналист часто замечал следящих за ним животных или птиц. Монокль подтверждал опасения: бесы постоянно наблюдали за ним! Но и к такому пристальному, но бесконтактному, ненавязчивому вниманию привыкнуть удалось. Михаэль попросту перестал на них обращать внимание. Другое дело, что каждый раз, сколько бы ни оттягивал минуты, приходилось возвращаться домой, где поджидала маленькая, но жестокая девчонка. К такому привыкнуть не просто! Да еще и выполнять её приказы и постоянные недовольства.

Добравшись, домой, Михаэль встречал на пороге Алекса, который традиционно отправлялся обратно в приют, не прощаясь. И, если Кэрри не извещала особых планов на вечер, начинал готовить ужин. Изредка, дочка спускалась раньше, чем её позовёт отец, и наблюдала за готовкой. После ужина в обязательном порядке требовала рассказать или почитать ей сказку, которую, впрочем, слушала без интереса, в пол-уха, постоянно прерывая и весьма не по-детски обзывая детских, сказочных героев бестолковыми и другими нелестными словами. Если Михаэль пытался защитить персонажей сказки или отругать дочку за грубости, то нарывался на её гнев, и в тройне усиленные оскорбления и угрозы, но уже в свой адрес. После прочтения сказки, Кэрри отправлялась на чердак со словами: «Спокойной ночи, па-по-ч-ка», а её приёмный отец, готовый задушить дочку, шёл к себе в спальню, где размышлял о своей доле, или доделывал взятую домой работу. Но чаще просто ложился спать.

В выходные дни расписание, по сути, ничем не отличалось, да и Михаэль старался даже в эти дни сбегать в контору, благо она была открыта ежедневно.

То есть, по правде, никаких серьезных притеснений или мучений отцовство Майеру не принесло. Но вся сложившаяся ситуация очень Михаэля нагнетала. Привыкший жить один, свободный, как городской ветер, он не желал, чтоб им командовали, и тем более шантажировали. Ещё сильнее нагнетало, что Анжелика продолжала жить, и, о боже(!), обнимать беса в облике котёнка, но рассказать ей всё, он благоразумно опасался. Дополнительным пунктиком к своему неудовольствию являлось то, что он единственный знал настоящих убийц сиротских детей, а наказать их или хотя бы рассказать правду никому не мог! А Кэрри день ото дня становилась всё нетерпимее. Чаще кричала и злилась, на взгляд немца, совершенно беспричинно.

Дошло до того, что она откровенно грозила скормить его своим бесам, требуя полного повиновения.

Терпение Михаэля закончилось, и он стал думать над тем, как всё правильно организовать и что именно сделать. В дневное время свободной минутки не находилось и он размышлял по ночам, разговаривая сам с собою, едва слышимым шепотом.

– Во-первых, нужно, во что бы то ни стало отобрать кота у Анжелики. Слишком опасное соседство, благодаря которому Кэрри мне угрожает.

– И как это сделать? – спрашивал журналист в пространство. – Есть две маленькие проблемы. Если Кэрри узнает, мне несдобровать. К тому же, если я украду злосчастного кота, зайдя в гости, то Анжелика догадается, кто именно лишил её мохнатого любимца. Тут она точно меня не поймет, поймав на краже...

– Во-вторых, нужно избавляться от бесов! Их расплодилось слишком много, словно тараканы или крысы! Интересно... а в тараканов бесы тоже вселяются? Тьфу! Думай о деле! Кэрри говорила, что убить беса нельзя. Даже пристрелив одержимого зверя, тот может продолжать двигаться в мёртвом теле. В лучшем случае, бес покинет погибшее пристанище, а в худшем – нападёт на своего убийцу.

– Ррррр! – тихо рычал Михаэль, хватаясь за голову. – Замкнутый круг, попробуй убить одного единственного беса, так сам погибнешь! А бес найдет новое животное.

Так продолжалось ещё несколько дней. С утра начинался отработанный до автоматизма сценарий, а ночами продолжался безрезультативный мозговой штурм. Однако, если долго мучиться, что-нибудь скорее всего получится. И журналист пришел к выводу, что ему нужна помощь. Но так как рассказать о своём принудительном отцовстве он никому не мог, то помощи решил искать сам. Информацией!

Случилось это в пятницу. В обеденный перерыв Михаэль поспешно выскочил из конторы и отправился в городскую библиотеку, благо такая здесь существовала, пренебрежительно наплевав на возможную слежку бесов.

– Мало ли, что мне понадобилось из книг. Для работы ведь! – репетировал он возможное оправдание, не замедляя шага. Добрался он быстро, правда, слегка запыхавшись. Городская библиотека занимала внушительное деревянное трехэтажное, если считать подвальные помещения, здание, состояние которого внушало серьёзные опасения. Без сильной необходимости в подобные строения лучше не заходить. Слишком рискованно! Такого старого, ветхого покосившегося дома, немец в Бринстоуне ещё не встречал. Казалось, стоит лишь открыть входную дверь, как вся библиотека обвалится под собственным весом. Даже «сиротский дом Мадам Джонс» выглядел по сравнению с библиотекой добротным и качественным строением.

Но отступать Михаэль не стал. Так как «сильная необходимость» у него имелась, да и уходить после проделанного пути посчитал глупым. Дверь, впрочем, открывал медленно, не спеша, словно и не бежал сюда, экономя время. Она подалась легко, без ожидаемого скрипа. На голову тоже ничего, к счастью, не рухнуло, и Майер очутился в большой просторной комнате уставленной деревянными стеллажами. Слева от входа расположился длинный письменный стол, заваленный книгами и газетами. Сидевшая за ним девушка удивлённо уставилась на Михаэля, начисто забыв поздороваться.

– Добрый день! – Первым заговорил немец. – Чудесный день сегодня, вы не находите?

Слегка заикаясь, библиотекарьша тоже поприветствовала посетителя. Она была совсем молоденькой, миниатюрной и довольно милой. Но огромные квадратные очки в толстой оправе портили всю картину не только своей грубостью. В них широко раскрытые удивленные глаза выглядели в два раза больше обычного. Судя по выразительной реакции девушки, библиотеку горожане посещали нечасто. Совсем не часто, если быть точнее.

– Я могу пройти и посмотреть книги?

– Да-да, конечно! – закивала девушка. – Проходите. Если захотите что-то взять на дом, подойдете ко мне, и мы оформим вас как члена библиотеки, мистер...?

– Майер.

– Мистер Майер. – Не смело улыбнулась библиотекарь.

Не более получаса понадобилось немцу, дабы осмотреть книжные полки и понять, к большому сожалению, что данная библиотека чересчур, вызывающе бедна. Ни одну интересующую его литературу он не отыскал. Подавляющее большинство библиотеки отдали под старые пачки местных газет, а из книг здесь находились в основном популярные, многотиражные издания.

Уже собираясь подойти к библиотекарше с вопросом, Михаэль наткнулся на одну дверь. Заглянув туда, он обнаружил читальный зал. Здесь даже другой посетитель отыскался. Журналист бесшумно вошел в комнату и встал за спиной читающего.

– Что читаешь? – негромко спросил он.

– Да много задали учителя... – со вздохом машинально ответил Джейсон. После чего догадался обернуться, и вздрогнул, увидев журналиста.

– Привет, – улыбнулся Майер.

Мальчишка нахмурился и стал собирать разложенные на столе книги и бумаги в сумку.

– Как ты? Давно тебя не встречал, – спросил немец.

Но Джейсон, так же как в тот раз его дядя шериф, ничего не ответил. Вслед за литературой в сумку отправился кинжал в ножнах, подаренный Чудным Джеком. Мальчик встал и отправился к выходу.

– Да постой ты! – Рука Михаэля легла на плечо Джейсона.

Тот дернулся, освобождая своё плечо:

– Мне запретили с тобой общаться.

– С каких пор ты стал таким послушным? – укол подействовал и мальчишка остановился в дверях. – Ту статью, из-за которой Чарли на меня обиделся, сильно переделали. Я не писал тех жестоких обвинений в его адрес. Поверь мне.

Ещё минуту, Джейсон стоял в дверях молча, не зная как поступить.

– Мне всё равно. – И быстро вышел из залы.

Недоверие и отчуждение Джейсона показалось Михаэлю намного больше, чем разногласия с шерифом, и даже с Анжеликой. Наверно от того, что мальчишка запомнился ему чистым, по детски наивным и добрым. Терять таких искренних знакомых никто не желает. Майер двинулся следом, намереваясь догнать, остановить, объяснить, доказать... Но Джейсона в библиотеке не оказалось.

– К сожалению, я не нашел интересующих меня книг. У вас, может, есть ещё зал с книжными изданиями?

– Простите, – краснея от смущения, прошептала девушка. – Вся имеющаяся у нас литература находится здесь, в этой комнате.

– Но тут совсем мало книг! – возмутился журналист.

– Простите, – библиотекарьша покраснела еще сильнее. Похоже скудность библиотеки она приписывала в свою персональную провинность. И стыдилась.

– Вот есть две новинки, – девушка предложила две популярные, приключенческие книги со своего стола, но немец отказался.

Ему стало неудобно за свои нападки, и он поспешил уйти, поблагодарив за помощь и тепло попрощавшись.

Но не успел он отойти от библиотеки на пару шагов, как дверь за ним отворилась.

– Мистер Майер!?

– Да? – обернулся тот.

– Если вас так сильно интересуют книги, – быстро проговорила девушка. – Попробуйте попасть в замок Гамфри. Конечно, туда путь совсем не близкий, но я слышала, что там находится обширная библиотека.

– Точно! – воскликнул немец, заставив девушку вздрогнуть от неожиданности. – Спасибо большое, красавица!

И чуть ли не бегом отправился на работу, мысленно делая себе заметку найти несколько книг для библиотеки, чтобы порадовать девушку. Обеденный перерыв почти закончился.

* * *

Оставшееся рабочее время, журналист провел безрезультативно относительно основной работы. Он усиленно думал, ругая себя. Про богатую библиотеку замка Гамфри он знал, но даже и не вспомнил! Кроме того, из-за произошедших событий, он совершенно забыл про обещание данное барону. Понятно, что написать книгу-биографию про знаменитый замок и род Генри Гамфри всего лишь прикрытие, чтобы отвести внимание шерифа от удручающего настроения друга. Однако, делать это придется, так как Михаэль пообещал, к тому же, барон свою часть сделки выполнил и теперь дом Майера чист.

– Было бы лучше поселить Кэрри на чердак с кучей пыли! – в очередной раз сокрушался немец.

Да и просто, чисто по-человечески следовало давно навестить титулованного знакомого. Сколько дней прошло с «Рыцарского бала», а Михаэль так ни разу туда не наведлся. Может, какая помощь нужна? Попросту узнать состояние Патрика, наконец.

– Решено. Еду в Гамфри.

Последние слова он повторил во время ужина.

– Зачем? – Кэрри отложив вилку, и недовольно уставилась на отца.

– Я давно обещал барону, что напишу его биографию. Еще на балу мы с ним договорились. Ты тоже там была, помнишь.

Девочка неохотно кивнула.

– А я совсем забыл. – Сокрушенно добавил Майер. – Нехорошо вышло. Будто я обманул его... И теперь специально скрываюсь. Так нельзя. Я завтра хочу отправиться туда, переночую, а в воскресенье, к вечеру, вернусь. Не против?

Уже давно повелось, что глава нового семейства должен спрашивать разрешение у дочки чуть ли не на каждое свое действие. Но немец всячески противился этому. Вот и сейчас, вроде как поставил перед фактом поездки, но также и позволения испросил.

– Езжай, – сухо проговорила девочка, и, не доедая ужин, ушла к себе.

Пронесло. Девочка оказалась явно недовольной, но препятствий не чинила, что и было нужно журналисту. Помыв посуду, он пораньше завалился спать.

* * *

На следующий день выяснилось, что одного лишь желания попасть в замок Гамфри недостаточно, чтобы это осуществить. Пешком туда добраться нереально. В том смысле что, конечно, возможно, но слишком долго. Особенно для не привычного к ходьбе столичного жителя. Машины у Михаэля так же не было. В предыдущий раз он ехал вместе с Чарли Дуэйном на арендованной им карете. В настоящее же время кареты под рукой не имелось, а обратиться с вопросом к шерифу, явно объявившему бойкот, не представлялось разумным. Потому то Михаэль и бегал с утра по городу, по собственной глупости не решив вопрос с транспортом накануне. К счастью, ему всё же повезло, и один продавец, услышав разговор Михаэля с курьером «Нью-Инстерк», сообщил, что скоро отправляет телегу в замок Гамфри. Накануне кла-

довщик барона полностью оплатил большой заказ, и вот сейчас, он, продавец, нанял повозку, чтобы доставить к покупателю купленные продукты питания. И если мистер не побрезгует, то может отправиться в замок вместе с молодым кучером.

Михаэль не побрезговал, наоборот, только сильно обрадовался, поблагодарив незнакомца, и пообещал, что теперь будет отовариваться непременно в данном магазине. Правда вскоре его радость несколько померкла, так как сидеть на коробках и ящиках, коими была заполнена телега, оказалось жутко неудобно и больно. Это вам не карета с подушками! Пару раз немец даже чуть не рухнул в придорожную пыль, хорошо хоть бык, тянувший деревянную телегу, передвигался медленно, размеренно поистине с королевской неспешностью и величием. Вероятно, в прошлой жизни он был как минимум слоном и катал на своей могущей спине именитого раджу, а то и самого султана.

Тем не менее, Михаэль, понятно, даже не думал о возможной родословной быка, страдая от боли ниже спины и от слишком медленного движения. Кучер или может погонщик, Майер не знал как правильно, оказался молодым необщительным парнишкой. На ответы отвечал с неохотой и односложно. Потому журналист не стал навязывать беседу и весь дальнейший путь провёл молча, если не считать оханий, при попадании колеса в особо «чувствительные» ямы. Но всё плохое так же как хорошее когда-нибудь кончается, и вскоре показались стены замка Гафри. Полуденное солнце как раз уютно разместилось в зените, от души прогревая всех живущих на земле своими не слишком ласковыми, обжигающими лучами. К тому времени, когда телега, проехав ворота, остановилась возле донжона, Михаэль мечтал лишь о двух вещах: лечь, неважно где, хоть прямо на земле, только бы вытянуть многострадальную спину (пятую точку он уже и не чувствовал) и о воде. Жажда и пыль одолевали, лишив голоса и оккупировав горло. Два этих желания неистово боролись между собой, но второе пересилило первое, и Майер не разгибая спины слез с повозки, посматривая по сторонам, в поисках колодца или кувшина с водой. Ни того, ни другого к огромной обиде не обнаружилось.

Зато из донжона выскочил невысокий человек в сером легком костюме. Кажется, Михаэль его знал. На балу он исполнял обязанности распорядителя и лично объявлял начало рыцарского поединка, которого увидеть немцу так и не посчастливилось.

Мужчина сказал хозяину телеги несколько фраз, направляя того куда-то за донжон, видимо к запасному входу на кухню и подошел к журналисту.

– Мистер Майер, рады видеть вас! Почему не предупредили? Мы бы праздничный ужин приготовили, а теперь придется всё готовить впопыхах, так сказать, на скорую руку, – с некой толикой обиды, произвольно заламывал свои кисти рук мужчина. – Вы же останетесь на скромный ужин?

– Непременно, я надеюсь побыть здесь до завтра. – Майер настойчиво пытался вспомнить имя вежливого человека. – И ничего страшного. Я к вам работать приехал, а не праздновать. Да и повода нет. Или есть?

– К сожалению, нет, – загрустил распорядитель. – Сэр Генри всё так же не весел и чрезвычайно редко радуется своим присутствием.

Как бы невежливо звучало, но Майер уже не мог терпеть, и, извиняясь, попросил стакан воды.

– Конечно, конечно! – Согласился собеседник. – Давайте, я провожу вас в ваши апартаменты. Там уже и кувшин с водой, и фрукты вас ждут. Можете отдохнуть, переодеться. Ванну вам приготовить? Обедать будете? Хотя наши уже трапезничали, но, думаю, для вас обязательно найдем что-нибудь достойное.

«Да он издевается!» – возмутился немец, отчётливо представив, как долго придётся добираться по многочисленным коридорам каменной цитадели до вождельной комнаты с обещанной влагой.

– Спасибо, не стоит. – Отказался Михаэль от ванны с обедом, вслед за распорядителем заходя в здание. – Я бы хотел переговорить с бароном, он не занят?

Проводник пожал плечами, затем решил уточнить.

– С самого утра, сэр Генри в подвалах и до сих пор не возвращался. Обычно он не разрешает себя беспокоить в такие моменты. Но я могу попробовать сообщить ему о вашем приезде. Думаете, стоит?

– Наверно, – слегка задумался гость. – Я приехал поработать, а без барона даже не знаю с чего начинать.

– Не волнуйтесь, барон ожидал вас и распорядился всячески вам содействовать. И уже давно. – Лёгкий укор невозможно было не заметить. – Потому как для вас выделена комната, разрешено посещать библиотеку, включая семейный отдел. Да и, думаю, к вечеру господин поднимется.

Майер не знал, в курсе ли разговорчивый распорядитель насчет брата барона и рисковать не стал. Хотя поинтересоваться самочувствием одержимого человека хотелось.

– Вот, прошу. – Мужчина распахнул дверь, пропуская гостя. – Будьте как дома, располагайтесь. Если что понадобится – обращайтесь.

Как только закрылась дверь, Майер с жадностью, как изголодавшийся зверь, припал губами к горлышку заприметившего кувшина, и залпом опустошил его до половины. И лишь потом рухнул спиной до божественности мягкую широкую кровать. Желания исполнились! Жизнь прекрасна!

* * *

Фамильная библиотека рода Гамфри поражала воображение. Огромнейший зал занимали массивные высокие до потолка стеллажи, полностью забитые книгами, фолиантами, рукописями, манускриптами и другими литературными творениями. Высокие шкафы с полками образовывали узкие и длинные коридоры. Отдельную комнату, лишь немногим меньше основного зала, занимали наиболее ценные экземпляры и личные хроники рода Гамфри. Именно туда сразу повёл гостя старый, с длинной седой бородой библиотекарь, мотивируя тем, что персональный указ барона представить все семейные документы незамедлительно.

– Для личного ознакомления! – воздел указательный палец к небу старик, без сомнения повторяя слова владельца замка. – И последующего использования в...

Библиотекарь запнулся, забыв мудрёное слово. Так и не вспомнив, он быстро сменил тему.

– А ты, сынок, правда, будешь биографию семейства Гамфри сочинять? – слегка шепелявя, спросил он.

– Именно так, – подтвердил журналист, беря с полки приглянувшуюся книгу.

– Ну, тогда я тебе смогу помочь! – воодушевленно изрек местный хранитель литературы, отбирая книгу у посетителя. – Эту тебе еще рано изучать. Нужно начинать с во-он той...

Обойдя, немца, библиотекарь отошел к дальнему, чересчур запыленному углу и взял там большую, тяжелую книгу в мягком кожаном переплёте.

– Вот с неё начинай!

Получив из рук библиотекаря книжный том, немец его чуть не выронил, таким тяжёлым оказался. А старик-то нёс с показной лёгкостью. Не иначе как бахвалился перед молодым.

– Да, если чего не понятно, то ты спрашивай. Не стесняйся. Подскажу, объясню. Может и расскажу что-нибудь стоящее, если вспомню. Я ведь вот этими самыми руками, малых Генри укачивал, да брата его Патрика, будь он неладен!

Махнув рукой, старик пошаркал в главный зал, но слегка удивленный журналист не стерпел и спросил:

– А почему так не лестно о Патрике отзываемся?

Библиотекарь понял, что сболтнул лишнего.

– Вы уж меня, старого, простите, молодой человек. Не думаю, что говорю. Только прошу, барону не передавайте.

– Накажет? – недоумевающе поинтересовался немец.

– Да нет. – Отмахнулся старый человек. – Кто меня накажет? Как?.. Я уже своё отжил. – Печаль в голосе послышалась столь отчётливо, что стало понятно: немощной старости он совсем не рад. – А господин наш, сэр Гамфри, добрейший и справедливейший человек. Не будет он меня наказывать за глупые старческие слова.

– Тогда почему?

– Что именно? – не понял библиотекарь.

– Почему не передавать барону? И чем вас обидел его брат?

Старик задумчиво почесал бороду, затем поправил на стеллаже коричневую книгу, слегка выдвинувшую из ряда её подруг.

– А зачем его огорчать? Барон нас приютил, кормит-поит. Место, где прилечь выделил. Ещё и денег платит за не пыльную работу.

Про не пыльную Михаэль явно желал поспорить, почесав нос, и стараясь ненароком не чихнуть. Её-то, пыли, как раз в библиотеке имелось предостаточно. Однако благоразумно не стал перебивать разоткровенничавшегося дедушку.

– ...Потому огорчать своего благодетеля не хорошо. Не красиво. Он и так в последнее время осунулся весь, постарел. Огонь в глазах потух, понимаешь?!

Журналист поспешно кивнул.

– А всё из-за Патрика! Бросил семейное гнездо. Бросил старшего брата. Захватил побольше денег и уехал к девахе недостойной!

Старик сжал морщинистые пальцы в кулаки. Ошарашенный горячей речью Михаэль, понимая, что старик правду о Патрике не знает, только и смог спросить:

– Почему недостойная?

– А разве хорошая, прилежная девушка позволит одному брату от другого скрываться? Вот, то-то и оно!

Ближайшие два часа журналист добросовестно изучал предложенную книгу, оказавшуюся к тому же написанной от руки, что сильно усложняло чтение. Подчерк неизвестного автора порой становился не разборчивым, а некоторые буквы или слова вообще стёрлись от старости. Работа продвигалась медленно, но всё-таки продвигалась. Михаэль особо интересующие его детали подробно переписывал в тетрадь, дабы в будущем всё объединить в своей рукописи.

Не добравшись и до половины фамильного фолианта, Майер решил сделать перерыв и заняться личными поисками. Для этого он вышел в общий зал и стал осматривать стеллажи. Для начала он искал книги с информацией о бесах и одержимыми ими людьми и животными. Таких обнаружилось не так уж много. Набрав небольшую стопку книг, он уселся за свободный столик и принялся читать. Но ничего конкретного, важного и запоминающегося не отыскал, лишь малополезные и не всегда понятные, отрывки:

«Бес – зловредный дух. Один из видов низших прислужников дьявола. Иногда их называют чертями. Однако, некоторые достопочтимые мужи в своё время доказывали, что чёрт и бес не одно и то же. Как, например ёж и дикобраз»

«Одержимость. Беснование – это состояние человека, в которого вселился бес. В медицине вселением беса считалась и смертельное инфекционное заболевание «бешенство».

«Более опасным родственником бесов, считаются демоны. В некоторых документах встречаются упоминания, где дьявола называют демоном. Но

это не совсем верно. Скорее всего, демоны занимают одно из высших должностей в иерархии ада, сопоставимых с ангелами, и архангелами в Небесном Царстве. Так же бытует мнение, что демоны встречаются как плохими, так и хорошими».

«Демоны, согласно учению христианской церкви – существа властные и корыстолюбивые. В их мире принято втаптывать в грязь низших и пресмыкаться перед более сильными. Возможно, что у них есть своя, ещё более конкретная и довольно чёткая иерархия»

«Экзорцизм – процедура изгнания бесов и других сверхъестественных существ из тела одержимого. Обычно проводится с помощью молитв и сложных обрядов определённой религии. Христиане считают, основываясь на Библии, что первым экзорцистом был Иисус Христос, который излечил одержимого, живущего в гробах. Христос произнес фразу, которая с греческого языка переводится так: "Выйди, дух нечистый, из сего человека". Вылетевшие из того бесы по повелению Иисуса вселились в стадо свиней и погибли в Тивериадском море. Христиане считают, что имея дар от Бога, апостолы, другие святые, а также обычные люди тоже могли изгонять нечисть из людей»

«Примечательными являются слова Евангелия: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идёт и берёт с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого» То есть, если «дом» не будет заселен Духом Святым через богомыслие и богообщение, его могут заселить другие духи»

Тут Михаэль остановился, шумно выдохнув. Если верить словам Кэрри, то выходит, что многие горожане потеряли Святого Духа в себе, отбросив заповеди, раз появилось множество бесов в округе.

– Но ведь, – тихо прошептал Майер, – одержимы не люди, а животные. Или пока всё только начинается, а бедный Патрик первая жертва? Да и многих ли людей я смотрел через монокль...

Продолжать чтение не хотелось. Вся это потусторонняя чушь, в которую бы раньше Майер ни за что не поверил, сейчас в огромном книжном зале из старых каменных стен и не менее старых книг, заставляла вздрагивать от любого звука. Волосы непроизвольно встали дыбом, а кожа покрылась мурашками. Слишком жутко было читать и главное представлять то, о чём обычно по жизни не задумываешься. Не замечаешь. Хотелось скорее встать и найти живого человека, чтобы поскорее услышать его голос, осознать, что ты не одинок. Хотя желание спрятаться, закрыться в уголке от всего на свете, так же посещало читателя. Но Михаэль, усилием воли, заставил себя продолжить собирать информацию по крупицам.

«Католическая церковь определяет экзорцизм как приказ, данный демону именем Бога, чтобы тот покинул место, вещь либо человека. Экзорцизмы относятся к сакраменталиям (общим формам благословения) и уделяются священником в определенных ситуациях и нуждах»

«В католицизме также существует два вида экзорцизма:

***Великий** (большой) или торжественный экзорцизм – имеет целью изгнание злого духа из одержимого и освобождение его от демонических влияний. Данный сакраменталий может уделяться только епископом или духовной особой, которой было дано епископом соответствующее*

разрешение. Обряд служится согласно ритуалу Римскому. К великим экзорцизмам относится также обычный экзорцизм, включенный в чин крещения, а также употребление воды, масел и соли, экзорцизированных любым священником.

Малые, простые или личные экзорцизмы в католичестве, в отличие от православия, не являются экзорцизмами в полном значении этого слова и не содержат формул великого экзорцизма, например непосредственных приказаний, отдаваемых злему духу. Малые экзорцизмы – это молитвы для личного использования всеми верующими, например в минуты искушений или мучений, вызываемых злым духом. Сюда относятся также молитвы об освобождении – особый род заступнических молитв, которые могут использоваться всеми священниками, а также в собраниях католиков под начальством священника или диакона. Этим молитвы тоже не являются полноценными экзорцизмами, хотя и имеют целью освобождение от демонических влияний (за исключением одержимости)»

«Перед исполнением экзорцизма католик должен обязательно причаститься, молитвы должны читаться с любовью и верой, как правило их чтение сопровождается освящением, но только неодушевленных предметов, помещений. Неверующим или новоначальным католикам прямо не рекомендуется чтение этих молитв. Обычно экзорцизм проводят священники высшего звания с сильным внутренним духом и святой верой»

«У пуритан Канон 72 Епископальной церкви формально запрещает ритуал экзорцизма, в англиканской церкви на проведение экзорцизма требуется получить особое разрешение, как правило, епископальное».

Закрыв последнюю книгу из набранной стопки, Михаэль почувствовал, как сильно устал. В голове образовалась полная каша, где закладка фундамента замка Гамфи перемешалась с изгнанием демонов. Кроме того, какое-то внутреннее напряжение не проходило, плечи озябли, и постоянно казалось, будто сейчас неизвестный монстр или бес выскочит из-под стола или что правдоподобнее, из-за шкафа и нападёт. В общем, жутко и беспокойно.

Вот тут-то, как гром среди ясного неба и раздался бодренький голос библиотекаря.

– О! Уже справился?! Быстро как! Не ожидал, если честно. Сейчас мало молодые люди читают. Вот раньше...

Что было раньше осталось неизвестным, потому как, еще при первых словах, Михаэль резко вздрогнул от испуга и попытался вскочить. Но зацепил стол, от чего тот с грохотом зашатался, скидывая книги на пол. Сам журналист, потеряв равновесие, и потешно размахивая руками, тоже рухнул оземь вслед за книжными фолиантами. Усевшись прямо на полу и растирая ушибленную руку, немец сморщился от боли. Но куда сильнее боли физической было обиднее наблюдать за библиотекарем. Старик, несколько не смущаясь своего внезапного появления, от души хохотал во весь голос. Аж слёзы выступили у него на глазах, а борода болталась из стороны в сторону.

– Ты чего испугался, сынок? – между приступами хохота спросил он. – Чай не один же тут! А-ха-ха! Или приведений ожидал встретить?

И снова засмеялся, вытирая рукавом слезы с лица. Смех библиотекаря оказался настолько живым и заразительным, что Майер тоже улыбнулся, быстро забыв о боли и неуместной обиде.

– Да зачитался сильно, задумался. – Смущённо оправдался немец, поднимая с пола книги обратно на стол.

– Интересные издания выбрал. – Старик перехватил один том с пола, рассматривая.

– Просвещаюсь понемногу, – туманно ответил Майер. – Меня ещё исторические личности интересуют, не смог найти...

– Как так? – возмутился библиотекарь. – Пошли, посмотрим.

И первым двинулся между шкафами. Михаэль стал собирать книги в стопку, дабы вернуть их на положенные места, но оклик собеседника его остановил:

– Оставь! Я позже сам всё расставлю по местам. Не беспокойся.

И когда немец его догнал, спросил:

– Что конкретно интересует?

– Можно ли, зная лишь имя найти историческую личность?

– Легко!

Вышло не совсем так просто, как уверял опытный библиотекарь. Он лишь указал посетителю на огромный стеллаж, где по алфавиту размещались фолианты об исторических персонажах. Начиная от Адама с Евой, и заканчивая... До конца журналист не добрался, однако еще приблизительно полтора часа искал имена Ричард и Эдуард. Ему стало интересно, о ком именно поминала Кэрри. Если верить её словам, все три погибших ребёнка из сиротского дома, когда то давным-давно уже жили на земле. И если девочку Жанну, журналист сразу и сам опознал в образе Жанны д'Арк, то с другими не получилось. А проверить слова девочки-уникума хотелось, чтобы просто знать, говорит ли она правду, или нагло врёт.

Нужный том Михаэль достал с одной из высоких полок, воспользовавшись для подъема специальной скамейкой. Пролистав несколько десятков страниц, он, наконец, отыскал подходящий отрезок текста.

«Кровные братья Ричард и Эдуард V, являлись сыновьями английского короля Эдуард IV. Их жизненный путь не был долг, в период с 1470 по 1483 года, к сожалению, они пали жертвами интриг и сплетен, которые, как известно лучшее оружие в делах власти. Их убил коварный Ричард Глостер, который, благодаря своей изворотливости, влиянию и политической силе смог объявить брак их отца незаконным, а это означало, что юный король Эдуард V и его младший брат, Ричард, не имели право на престол, так как они становятся незаконнорождёнными.

Больше принцев не видели, и 26 июня Ричард Глостер был провозглашен королем как Ричард III, а 6 июля короновался в Вестминстерском аббатстве. Согласно версии Томаса Мора, получившей впоследствии широкое признание, вскоре после воцарения Ричарда Глостера, Эдуард V и его брат Ричард были задушены в Тауэре»

Михаэль захлопнул книгу, усевшись на скамейку для ног. Прочитанный текст глубоко вошел в сознание и больше читать он не захотел.

– Сколько зла и жестокости в человеке во все времена! – ужаснулся немец.

Как бы кровавые события прошлого не зацепили журналиста, но свои проблемы, из нынешнего времени интересовали намного больше. Получается, Кэрри говорила правду. Но значит ли это, что всем её словам можно верить? Душа истошно кричала, что нет. Нельзя верить малолетней шантажистке, которая покрывает злых духов, кормит их своей кровью и направляет их, правильное сказать, скармливает им детей! И с этим надо бороться!

Придя к такому серьезному решению, пока непонятно как осуществимому, Майер вернул книгу на место, после чего отправился в малый зал, где продолжил изучать личные хроники Гамфри. Правда, добротного поработать ему не дали. Через полчаса к нему заглянул библиотекарь в сопровождении кучерявого мальчишки. Юный посыльный сообщил, что барон Генри Гамфи приглашает гостя на ужин через пятнадцать минут. После чего, исполнив поручение, мальчик удалился.

Поспешно собирая личные канцелярские принадлежности, журналист вспомнил о данном самому себе обещании.

– Уважаемый, – обратился он к библиотекарю. – У вас тут множество интересных книг в личном распоряжении. А в городской библиотеке Бринстоуна чрезвычайно скудный ассортимент. Не могли бы вы подарить несколько экземпляров?

– Ни за что! – Твёрдо заявил старик, ещё не дослушав до конца.

– Но, почему? – искренне удивился парень, уверенный, что добродушный библиотекарь не откажет. – Книги должны принадлежать людям. Нести им информацию. Учить, просвещать. Заставлять думать.

Журналист знал, как нужно «давить» на любителя книг, однако и такой подход не помог.

– Я почти пятьдесят лет хранитель библиотеки Гамфри! Каждая книга, каждая газета присутствующая здесь, находится под моим контролем! Под моей защитой. Они, если хочешь знать, мои дети, будь то старый обшарпанный фолиант, или новенький том современного издательства. И ни разу книги не покидали стены данного зала навсегда, если не считать тех случаев, когда барон лично дарил тот или иной экземпляр.

– Но ведь, наверняка есть несколько совершенно одинаковых книг, копий. Может хотя бы их можно?..

– Нет! – категорически запротестовал старик. – Ни за что. А если барон захочет одну копию подарить, а второй туточки уже не будет? Это какой непоправимый урон будет нанесён библиотеке.

В общем, к несчастью, договориться с дотошным в своём деле библиотекарем не удалось. Михаэлю лишь осталось извиниться за навязчивость, пообещать, что обязательно ещё зайдёт, дабы продолжить работу над биографией и быстрым шагом отправиться в свои апартаменты, чтобы оставить там тетради и письменные принадлежности, после чего пойти на ужин. И при всём при этом, самое главное, постараться не заблудиться.

Глава 13

Скромный, как убивался распорядитель, приготовленный на скорую руку ужин, на деле вышел довольно обильной трапезой с множеством самых разнообразных блюд. В небольшой зале, видимо специально предназначенной для небольших, малолюдных застолий накрыли стол на три персоны, и назвать его скудным, или, допустим, не вкусным, смог бы, пожалуй, лишь самый привередливый гурман. Михаэль же таким привередой не был и потому отдал должное всем приготовленным яствам, до которых дотянулась рука. Так что, распорядитель сильно приврал, говоря, что не успеют приготовить достойную пищу. Успели! Или он просто скромничал, или поистине достойный ужин, в понятии распорядителя, являлся, как минимум, королевским пиром.

Когда Майер добрался в нужную залу, барон уже восседал за столом, но увидев гостя, поприветствовал того, встал навстречу и по-братски обнял немца за плечи.

– Как добрался, Михаэль? – поинтересовался Генри, приглашая садиться.

– Спасибо, всё хорошо. – Михаэль припомнил все перипетии недавней поездки, но акцентировать на том внимание не стал.

Барон задал ещё несколько ничего незначащих вопросов, рассуждая о погоде, и расспрашивая о делах гостя. Иначе говоря, изображал доброго и радушного хозяина. Впрочем, немец чувствовал, что вся доброта и забота от владельца замка не наигранная, а самая, что ни на есть искренняя. Ему стало неуютно и стыдно, и он поспешил извиниться:

– Я приношу извинения за ту подлую статью, напечатанную в газете после Рыцарского бала. Я, правда, не писал всех тех громких, обвинительных строк. Редактор исправил её, не уведомив меня. Я узнал об этом, только когда газета уже вышла в тираж. Мне искренне жаль...

– Да перестань, – отмахнулся барон, махнув рукой, и останавливая речи собеседника. – Нашёл, за что извиняться! Ты себе не представляешь, сколько всякой разной грязи на меня выливали за мою жизнь. Стоит ли обращать внимание на подобную чушь? Люди всегда, во все времена, пытались очернить других людей, особенно известных, чтобы на их фоне самим выглядеть белее и чище. Так всегда было, и так всегда будет.

Сэр Генри наполнил кубки вино, и, выпив на пару с Майером, продолжил:

– Если на каждые такие обвинения обижаться, или тем более расстраиваться, то не останется время жить. А пожить я ещё хочу. И не важно, на радость близким или назло завистникам и недоброжелателям!

Барон рассмеялся. Михаэль тоже довольно улыбнулся, но всё же не спешил снимать с себя вину.

– Понимаю. Но всё же, эту статью писал именно я. Вдобавок, ты отказался от интервью, как бы по-дружески. По человечески. Будь на моём месте незнакомый репортёр, возможно, ты бы не стал отказываться.

– Прекрати уже, а? – недовольно заворчал хозяин замка. – Сколько можно? Сказал ведь, я не сержусь на газетную писанину. Да и ты тем более, сейчас извинился и всё объяснил. А у меня нет причин тебе не верить. Так что, закрыли сию тему.

После таких слов Михаэлю стало так хорошо, так тепло и легко на душе, точно он вернулся в родной дом, где его ждут, любят и всегда поймут. После недавнего принудительного отцовства и игнорирования шерифа, такая перемена чрезвычайно его радовала и он расслабился.

Ужин далее протекал легко и беззаботно, за приятной дружеской беседой. Вскоре к ним присоединился третий человек, для которого оставался на столе неиспользованный набор посуды. Им оказался молодой священник, которого немец повстречал в темнице. Сэмюэль Кит, наконец, представил святого отца радушный барон.

– Сэмюэль мне очень помогает, – рассказал Генри, с усмешкой посматривая на парня в рясе, смакующего красное вино. – Его молитвы иногда просто неоценимы для Патрика. И хотя мои запасы вина кончаются чересчур быстро, я не могу представить, чтобы я делал без брата Кита. Ни капли злости в словах барона не прозвучало, скорее наоборот. Легкая ирония в адрес доброго друга. Священник демонстративно отодвинул от себя бокал с вином и потянулся за ножкой жареной куропатки.

– Как низко указывать человеку на его маленькие слабости, – тихо проворчал он, наигранно возмущаясь. – Один небольшой кубок пожалели для уставшего, отработавшего рабочий день священника.

Обиженный тон церковного человека показался журналисту настолько смешным, что он не удержался от смеха. Барон тоже захохотал за компанию. И лишь священник церемонно и благовоспитанно, как истинный аристократ, даже не улыбнулся, хотя в глазах плясали озорные огоньки. Короче, дружеский ужин удался, сопровождаясь шутками, интересными рассказами и немалым количеством вина от которого все трое изрядно опьянели и расслабились. Михаэль позабыл обо всех своих проблемах и заботах, подобрел, потеряв всякую осторожность, и решил признаться перед «настоящими друзьями», коими ему показались двое сотрапезников.

– Как дела у Патрика? – сперва участливо спросил он.

Барон лишь неуверенно пожал плечами и кивнул на Сэмюэля, тот культурно промокнул губы салфеткой и ответил:

– Без изменений.

– Бедняга, – сокрушенно помотал головой немец. – Вы его так и держите прикованным? Незавидная участь спать в стоячем положении...

– На ночь его развязываем, – пояснил Генри Гамфри.

Майер с удивлением глянул на него, и тот уточнил:

– Естественно, с цепями на ноге или запястье. Но цепь достаточно длинна и позволяет весьма комфортно лежать на принесённом матрасе.

«Как пёс на цепи», – сокрушённо подумал Михаэль, благоразумно «прикусив» язык.

– А знаете, я столкнулся с такой же проблемой. – Негромко заявил журналист.

Две пары глаз одинаково удивлённо уставились на него. Михаэль подробно поведал о том, как познакомился Кэрри, как она ему рассказала о бесах, которые и убили трех несчастных сироток. Отдельно добавив о том, как стал отцом по принуждению.

Когда журналист окончил повествование, в зале повисло тягостное молчание. В подобное не верилось, и, если честно, верить не хотелось. Но вопреки здравому смыслу, и Сэмюэль, и тем более барон лично видели подобное тому, что сказал немец. Брат барона тому живой пример. Коли родной человек стал одержим, то нет ничего удивительного, что и животные могут быть под контролем потусторонних сил.

– Я только об одном прошу, держать в тайне то, что я вам поведал. – Предупредил Михаэль. – Кэрри меня точно убьет, если узнает, что я нарушил её запрет. А потом и до вас, может, доберется.

– Пусть попробует! – высокопарно заявил титулованный рыцарь. – Я в своём замке чувствую себя полностью защищённым.

– Мелкие приспешники дьявола не страшны служителю церкви, – не громко проговорил священник, правда, уверенности в его словах было намного меньше, чем в сэре Генри.

– Про церковников я не знаю. Судить не берусь, – сказал немец. – А вот вы барон, всю жизнь просидеть за каменной стеной не сможете, и как только покинете замок... Да и не думаю, что каменная крепость станет преградой для одержимых. Ведь даже птицы скрывают в себе ужасных демонов. К тому же, зачем что-то усложнять? Достаточно припугнуть здоровьем близких, и вы сами сделаете всё, что угодно...

– Как в моём случае... – тихо проговорил Майер.

– Так что ты предлагаешь? – барон помрачнел.

– Честно? Не знаю. Пока ничего полезного в голову не приходит. Потому и решил поделиться с вами, так как вы немного опытнее, из-за Патрика. Сперва я должен избавить Анжелику от одержимого кота. Сейчас это главная моя цель. Потом хочу очистить город от бесовских тварей. Но легче сказать, чем сделать. В здешней библиотеке, я отыскал пару книг, где говорится, что лишь церковники в силах изгнать злого духа из тела человека. Сложный ритуал, если не путаю, называется экзорцизм. Однако, помня, что Патрику молитва приносит лишь временное облегчение, становится понятным, что в книге описана далеко не панацея...

Непроизвольно обе жертвы потусторонних сил, барон и журналист, повернулись в сторону единственного представителя церкви в данном месте. Ни тот, ни другой ничего не спросили, однако немой вопрос так и висел в воздухе, словно озон после грозы.

– Наверное, Михаэлю стоит обратиться напрямую к Его Преподобному Превосходительству. Думаю, я смогу организовать вам встречу с епископом в нашей церкви. В Бринстоуне. – Задумчиво сообщил священник.

– Он сможет помочь? – с нескрываемым интересом спросил Майер.

– Не могу обещать. Могу лишь заверить: Бенджамин Диккенс образованный, умный и опытный священнослужитель! Не стоит забывать, что именно он после посещения сэра Генри, направил меня сюда, для облегчения страданий Патрика. И молитву тоже подсказал именно епископ.

Барон кивнул, подтверждая, что всё так и было.

– Предлагаю нашу маленькую компанию назвать большим словом: Орден, в обязанности которого, входит борьба со всеми бесами, демонами и другими злыми духами, чинящими вред Бринстоуну, и людям в частности. А также сбор всей необходимой информации, и, главное, делиться ею между собой. Кто «за»? Остается загадкой, как бы отреагировали на подобное предложения барона его сотрапезники на трезвую голову, но сейчас все единодушно согласились. И барон поднял кубок, предлагая выпить за удачу и продуктивность Ордена. Здесь возражений так же не последовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.